Эволюция

Генри^2

Владимир Ильин

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

У новых хозяев всегда есть свое мнение что и как должно быть устроено в новоприобретенных ими владениях. Даже если там давным-давно завелась цивилизация – это не имеет никакого значения.

Жителей Земли в этот раз тоже никто не спросит, чего они хотят – пусть новые владельцы и уверяют, что тем, кто выживет, понравятся перемены.

Во всяком случае, подсказку, что происходит, они оставили – для двенадцати тысяч из шести миллиардов населения.

Возможно, это поможет кому-то выжить. Возможно, погибнут все.

Генри видит способ, как победить.

А после первого тома – не только видит:-)

- Владимир Ильин
  - Пролог
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Эпилог

Владимир Ильин
Эволюция Генри – 2

Пролог

«Точка пять» заштатного городка «Вингстон» среди солдат «Освободительного корпуса штата Калифорния» считалась мертвой, уделом залетчиков и неудачников, попавших под горячую руку начальства. Считалась она так закономерно – сюда могли забыть подвезти питание, могли не сменять две-три недели, пока вконец заросшие и одичавшие постовые не начинали ругаться матом на общей частоте. Это, конечно, тоже залет – но лучше отбывать его где-то еще, чем гнить в бетонной коробке разграбленного банка, неизвестно зачем подпирая закрытую дверь сейфа.

Тем не менее, назначали на «точку пять» упорно двойки и тройки в чине не меньше сержанта. Хотя с тем, чтобы сходить с ума от скуки – справился бы и простой солдат. Делать тут было решительно нечего; выходить было нельзя, так что от безделья высокие стены бывшего вестибюля были исписаны матом в два слоя под самый потолок – не уточнялось в чей адрес, но всякий новый караул вписывал что-то свое, представляя перед собой морду непосредственного начальства. Через какое-то время отдельного послания удостаивался напарник – тот за первые три дня надоедал так, что смотреть на эту рожу было тошно. Но у рожи был автомат, так что все пожелания сдохнуть уходили на стену…

Сержант Фред Тиллман покосился на стульчик у другого края широкого зала возле банковского хранилища – там лежала шапка сержанта Майлза. Единственный вариант не съехать крышей – уйти в самоволку на свой страх и риск, оставляя вместо себя предметы одежды: якобы «ушел в сортир, с утра живот крутит». Сортир располагался в подвале и за пару лет был загажен так, что ни один из проверяющих не рискнул туда сунуться дальше первых верхних ступеней. Они, конечно, орали в голос, пытаясь дозваться – но подвалы там своеобразные, с перемычками и бетонными колоннами, в которых быстро терялся любой звук. Вполне можно «не услышать».

Ну а свалив, легко добраться до «точки три» или «точки восемь» – с понимающими местными, готовыми махнуть пойло и девок на десяток патронов. Боезапас списывали без особых проблем – подаешь рапорт, мол, так и так – заметил движение, влупил предупредительными… Благо, отстрелянных гильз вокруг было валом – кто-то хорошенько тут порезвился два или три года назад. Если не наглеть, ограничиваясь магазином в неделю, прокатывало легко.

Разумеется, прикрывал Тиллман напарника небесплатно – тот обещался притащить добрый пакет травы – местной, особо бьющей по башке, оттого востребованной по всему западному побережью. Год назад всех сектантов, копающихся в земле на севере города, перевели только на выращивание веселой травки. Распахали им чудовищного размера площади и всех неграждан, отлавливаемых на юге, везли к ним на плантации. Там же располагалась «точка два» – тоже работа не сахар; большое количество людей привлекало измененное зверье, и обновление поголовья неграждан требовалось постоянно – пока солдаты отстреливали очередную погань, пробравшуюся под землей, та успевала оторвать ноги паре-тройке работяг и закусить третьим. Но «точка два», как минимум, была сытной, нескучной и приносила доход в личный карман – потому как части отстреленной живности можно было продать местным, не ставя начальство в известность. Половину, правда, приходилось отдавать лейтенанту, чтобы закрывал глаза – только половина ведь все равно оставалась.

А тут, на «точке пять» – ни дохода, ничего!

Тиллман, на всякий случай оглядевшись, достал из тайничка возле стены самокрутку и чиркнул зажигалкой. Нарушение устава, конечно же – за такое и к стенке поставить могли. Но у сержанта все пути подходов были опутаны натянутой леской, на другом конце которой были закреплены пустые консервные банки из-под армейской каши – сунется кто, и загремит так, что мертвец изо сна пробудится… Короче, план был простой – покурить, поспать. Так, глядишь, еще два дня до смены и пройдут…

Уже проваливаясь в сон, сержант вздрогнул от близкого скрипа металла о металл. Встрепенувшись, грозно крикнул:

– Кто здесь?!

И, путаясь в накинутом пледе руками, схватился за автомат.

Вокруг снова было тихо. Надоевшая за четыре дня тишина с шелестом всякого хлама, тянувшегося ветром по улице то туда, то обратно…

Встав, Тиллман проверил все свои «секретки» с лесками – ни одна не потревожена.

– Показалось, – чертыхнулся он, возвращаясь обратно и вновь накрываясь пледом.

Манера разговаривать вслух быстро приходила ко всем, кто тут дежурил. Одиночество – оно такое…

Не успел Фред вновь погрузиться в сон, как звук повторился.

– Да твою мать, – вздрогнул он, вновь глядя по сторонам. – Наверное, опять что-то на крыше…

Было такое месяц или два назад – ветер раскачал

вентиляционные короба. Некоторые даже грохнулись на землю…

К своему сожалению, Тиллман не в первый раз попадал на «точку пять», хоть в гробу он ее видел. Но победить любовь к травке все так же не получалось – а у офицеров нюх, как у сторожевой собаки…

Следующий лязг сержант встретил гневным рыком:

– Майлз, ты, отрыжка беременной макаки?!

А кто бы еще мог так бесить Тиллмана? Центр города считался условно безопасным местом – тут никто не жил, а значит и зверью жрать было нечего. Плюс запах бензина, пороха и стали, который не выветрился и за пару лет – даже неразумная скотина старалась обходить квартал стороной. Местным бандам доступно объяснили не соваться, те тоже не лезли. Да и какая тут прибыль? Все ценное, что тут можно найти, было в руках солдат – оружие, патроны, форма, консервы – но за убийство и грабеж свои же поймают, кожу с рук снимут, чтобы завязать руки бантиком и сдать армейским. Иначе каратели церемониться не будут – расследования проводятся в два счета, когда пытки разрешены, а попутный ущерб только приветствуется…

Тишина была сержанту ответом – нервная, раздражающая. Пришлось еще раз вставать и обходить все вокруг, вглядываясь в улицу. Еще раз в голос обматерив Майлза – да так крепко, что тот наверняка бы не сдержался, подобное услышав про себя и собственную родословную – сержант раздраженно уселся обратно в кресло и плотно закутался.

Следующий лязг сержант, находящийся на грани забытья, проигнорировал – и благополучно провалился в сон, наполненный скрипом железа и шелестом движения металла по направляющим.

– Эй, тс-с, – Тиллман встрепенулся, когда кто-то потрепал его по щеке.

А увидев перед собой незнакомое лицо – лысое и лишенное бровей – резко дернулся, чтобы встать и схватить автомат, но тут же запутался в пледе и рухнул лицом вперед, кое-как смягчив падение выставленными локтями.

– Да что ж ты себя так не бережешь, – раздался сочувственный голос над головой.

Тиллман покрутил головой, пытаясь найти автомат, не нашел, и как-то выдохнул весь, наполняясь черной тоской – руки оказались сложенными под грудью, не вскочить. А крутиться червяком, пытаясь встать – только опозоришься и по ребрам получишь…

Опыт подсказывал, что незнакомый человек ни черта его не боится. А вид лакированных штиблетов с темно-синими брюками,

выглаженными до острого канта, намекали, что человек перед ним непростой: раз ботинки чистые – то незнакомца через местные буераки возят, а не сам он ножками вышагивает. И даже то, что незнакомец был из гражданских, а не родное армейское начальство, ни капли не успокаивало. Эти самые гражданские, обычно, самое опасное и есть.

А тут он, сержант Тиллман, спит на посту, накурившись травки… Оставалось молиться, что табельный автомат просто отложили в сторону, и он где-то рядом… Но даже так – на разжалование и год всех нарядов во все возможные вне очереди Фред уже наисполнял…

– Ты там живой, нет?

– Живой, сэр, – упершись лбом в холодный пол, отвечал будущий рядовой.

Если просто и без затей к стенке не поставят…

– Хочешь мне помочь? – Мягко спросил его голос.

– Хочу, сэр! – словно против воли произнес Тиллман.

А потом замер и понял, что человек-то рядом с ним, вполне возможно, не такой и скверный. Надежда наполнила сержанта – будто он в этом самом незнакомце узнал старого сослуживца. Этот-то точно поймет, простит! Только надо помочь – очень надо! Так что ответ был абсолютно правильным и искренним.

– Ты смотри, работает… – С интересом хмыкнули над головой. – Расскажи мне, как выбраться из штата и уехать на север страны.

Нет дела проще!

– Вам надо на сто первую федеральную трассу, сэр! На нее через эль-восемьдесят уже полгода ходят автобусы, почти каждый день!

– То есть, сначала на юг, в Сан-Франциско, потом на север по федеральной?

– Все верно, сэр!

– Насколько безопасна дорога?

– По эль-восемьдесят безопасно, сэр! Ну, почти… Если нападет шантрапа, то ей все равно ничего не светит – автобусы из переделанных грузовиков, люди за рулем серьезные.

– А кого возят? – Заинтересовался молодой голос.

– В основном нефтяников, сэр. Ну и всякий сброд, которому дома не сидится. Думают, что в Сан-Франциско им лучше будет.

Сержант прикусил язык – может, этот человек из Сан-Франциско и приехал.

– А что, возобновили добычу? – По счастью, перескочил незнакомец на другую тему.

– Так точно, возобновили. Не у нас, восточнее! Вот туда все

потянулись! Спецы, воры, проститутки – все!

– А в Вингстоне как? – Подумав, спросили Тиллмана.

Тот уже начал осторожно ворочаться на месте – не для того, чтобы освободиться и напасть, просто замерзал на полу.

– Тут выращивают травку, сэр.

– Это в Грин Хоум?..

– Да, сэр. Вы верно сказали, все так. А можно мне подняться, сэр? Я рук почти не чувствую…

– Подожди. В Грин Хоум кто хозяин?

– Не знаю, сэр. – Вполне искренне не смог ответить Тиллман. – Вроде, какая-то баба дурная.

– Какая из? – Тяжко вздохнул его собеседник.

– Не могу знать, сэр.

– Молодая, зрелая? Фамилия?

– У нас свое начальство, сэр. – Замотал Фред головой, насколько позволяло его положение лежа.

– «Наставник Дэвид» – говорит тебе это что-то?

– Это вы, сэр? – осторожно предположил он.

– Нет. «Вайта бэй» – знаешь кто это?

– Их года три назад перестреляли, – удивился сержант. – За дело, вы не подумайте! Они на наш конвой напали.

– Ясно… – Мрачным тоном, не вяжущимся с этим словом, сказал незнакомец. – Ладно, вставай. – Дернули сержанта за плечо, помогая.

И тут же усадили в кресло.

Тиллман не дергался – оно не полезно для здоровья, когда у человека перед тобой твой же автомат перекинут через плечо.

Удалось получше разглядеть незнакомца. Выглядел тот… Странно – это слово приходило в первую очередь.

Во-первых, костюм – был явно больше на пару размеров. С пола-то не разглядеть, но сейчас сержант видел, как идут складками брюки и небрежно лежит на плечах слишком широкий пиджак, как выпирает слишком широкий ворот рубашки… И через все это перекинута лямка автомата – и вот его уже парень (а ему вряд ли было больше двадцати) держит правильно, уверенно…

– А вы кто? – Выдохнул Тиллман.

– Вот что, сержант, – проигнорировали его вопрос. – У тебя есть запасной набор формы?

– Есть, сэр. Как не быть – конечно есть… Только подотчетная она…

– Автомат оставлю. Содержимое, вон, – кивнул тот за спину сержанту. – Там лампы должны быть рабочие. Рация лежит добротная, Моторола. Батарейки сели, но что-нибудь

придумаешь.

Тилмман сначала не понял, куда показывает парень. Но потом медленно повернулся назад.

Дверь сейфа была открыта – зиял черный провал за ней, начисто лишенный освещения. И что-то настойчиво начало пробиваться в прокуренной и пропитой голове – из полузабытых уже наставлений о «точке пять». Как раз о том, что надлежит делать, если дверь окажется открытой. И если рядом с ней окажется человек – скорее всего, в темно-синем деловом костюме… Никто не говорил, что он выйдет из сейфа, но даже дебилу будет ясно, что человек в костюме – тот самый…

Тиллман сглотнул ставшую вязкой слюну, рассматривая, как выбивается лацкан слишком большой рубашки из натянутых на локти рукавов пиджака.

– Конечно, одежда найдется, сэр. Я ее даже не надевал! Чистая! В вещмешке – разрешите?

– Сиди пока, – отошел парень к мешку.

Поглядывая на сержанта, развязал лямки, посмотрел мельком и снова дернул за шнуровку, закрывая.

– Пойдет. Берцы там же?

– Там все есть! – Кивнул сержант.

– Мы, вроде, одного роста… – Прикинул незнакомец. – Размер обуви?

– Десятый, сэр!

– Пойдет.

– Сэр! По инструкции, мне необходимо доложить о вас, сэр! – Все-таки решился сказать Тиллман.

– Нет, не нужно тебе этого делать. – Взвесив мешок в руке, покачал головой парень.

– Но вас встретят со всеми почестями и…

– Ты мне доверяешь?

– Да, сэр… – Сначала растерялся сержант, но потом понял, что советом, пожалуй что, желают ему добра.

Парень проверил, что в автомате нет снаряженного патрона, вытащил магазин и отставил разряженный автомат к стене. Магазин положил в карман…

– Лучше забудь, что я тут был. – Посоветовали Фреду напоследок. – Бывай.

И силуэт, одетый в нескладный костюм, спокойно вышел из банка. Не потревожив, что характерно, ни одной сторожевой лески – просто перешагивая через них, словно знал, где они находятся…

Сержант не рванул к рации, прозорливо спрятанной за нагромождением камней. Не собирался он и начать осторожное

преследование. Даже автомат, отставленный в сторону – и тот проигнорировал. Толку-то от него сейчас?

Тиллман просто замер минут на пять на кресле – в страхе, что сейчас незнакомец передумает, вернется и убьет его.

Потом, чуть оттаяв, сержант все-таки встал на границе открытой сейфовой двери. Обнаружил ему обещанные лампы и рацию, выставленные совсем рядом с выходом, словно специально. Попытался разглядеть что-то массивное в темноте. Чертыхнулся, щелкнул зажигалкой и поднял над головой.

А как понял, что видит, покрылся холодным потом и, воровато оглянувшись, резко навалился на дверь сейфа, закрывая ее ко всем чертям. Провернув массивным штурвалом по часовой, закрыл замок и несколькими движениями по двум крутилкам сбил кодовые комбинации.

Дверь снова была надежно закрыта.

Тиллман выдохнул и отошел в сторону, глядя на результат своих трудов. Потом рухнул обратно в кресло и трясущимися руками раскурил новую сигарету.

К демонам рацию, к демонам лампы. Форму купит, патроны спишет.

Фред Тиллман не был идиотом и прекрасно понял, что в сейфе проходил эволюцию какой-то близкий начальству Корпуса человек. Несложно догадаться – по искалеченной ванне, по мешкам с мудреными надписями. У них на весь взвод была одна такая ванна – вместе проходили, получая первый уровень «выносливости до трехсот фунтов», чтобы таскать на себе уродливые, но сумасшедшие по силе арбалеты, когда началась кутерьма в Сан-Диего. Тут – на одного человека.

И этого человека ждали почетным караулом все три года.

Фред Тиллман не стал бы сержантом, если бы не умел правильно смотреть и делать верные выводы. И он видел на полу сейфа две пары следов – пол был покрыт взвесью какого-то порошка. А еще он видел два разных отпечатка ног, словно въевшихся в металл монструозного вида ванны. Один – крупнее, под обладателя солидных форм, начальственного брюха… Такому темно-синий костюм был бы по размеру. Второй размер следов принадлежал молодому человеку – такому, знаете ли, харизматичному, безобидному с виду…

Во всяком случае, «точка пять» – не самое плохое место на карте.

Начальство найдет для Фреда Тиллмана место гораздо дерьмовее и закатает его туда до конца жизни, если узнает, что из сейфа вышел не тот человек, которого они ждали.

Так что…

Никто не выходил, он никого не видел.

Глава 1

То, что эта мрачная ржавая ерунда, гремящая составленными внахлест железными листами, прикрывавшими колеса – местный рейсовый автобус, верить не хотелось просто из чувства самосохранения. Мне ж на нем ехать, не дай Бог…

Когда-то это было самосвалом и таскало за собой тонн тридцать щебенки – металлическое корыто кузова тянулось назад метров на двадцать. Борта самосвала с тех пор были наращены на метр вверх и накрыты навесом из профлиста. В железе по бокам сделаны вентиляционные отверстия – где просто неровно просверленной перфорацией – по низу и центру, где и полноценными окнами – вверху. Получался своеобразный корабль, где на первом ярусе – он читался по следам сварки, идущей вдоль кузова – находились те, кто победнее, готовые ехать сидя в металлическом корпусе, а ярусом выше люди побогаче могли прикупить полноценную комнату-кубрик. Был и третий ярус – в виде плетеных шарообразных корзин, закрепленных на веревках снаружи – по бокам. Выглядели они как птичьи клетки и слегка покачивались на ходу, хоть и были привязаны по месту за кузов. Прикрытие от дождя там было условное – под общим навесом над кузовом всей машины, который выступал едва ли на метр, а от ветра могло помочь только везение – если тот будет задувать с другого борта. Но спрос, видимо, был – даже они были заняты полулежащими там людьми, укрытыми разноцветными одеялами. С каждой стороны машины я насчитал двенадцать корзин-клеток, из которых пустовало только три, да и те находились в самом конце, хоть и были подвешены повыше остальных – ближе к «элитному номеру» с пластиковым окном. Видимо, чтобы пыль из-под колес не сильно летела. Над каждой корзиной еще и номер был крупно написан белой краской по ржавому.

Честно, я надеялся на добронированный автобус, а не на вот такое. Даже пропустил бы, не выходя на дорогу, подумав, что едет нечто постороннее – но над лобовым стеклом красовался огромный баннер «Едем в Сан-Франциско, крошка!».

Хотя, если вспомнить торговцев, навещавших «Грин Хоум» – примерно на таком они и передвигались. Только до плетеных клеток на внешнем подвесе не додумались.

Но этот рейс шел в большой город – и спрос явно превышал объем сидений внутри. А раз так, то отчего-то бы не заработать. Людей силком же не загоняют…

Грузовой автобус, на самом деле, ехал где-то в километре от

меня – я пока что его еле-еле слышал. Но видел отчетливо – слово над ним была подвешена камера.

Новая грань таланта, эволюция непонятно какого уровня, давала объемную и подвижную картинку над головой в радиусе нескольких кварталов надо мной – не всего объема сразу, но ту самую «точку обзора», которую можно было двигать, цеплять усилием воли за подвижный объект и менять угол наблюдения. Внутрь здания обновленный талант не проникал (разве что в окошко подсмотреть) и минут через пять применения начинал давить в висках отголосками будущей мигрени. Но даже так – очень круто.

Признаюсь, игрался новой способностью всю дорогу от банка до объездной города, состыкованной с трассой эль-восемьдесят. Дважды падал, один раз крепко врезался лбом в столб – картинки с «высоты» и из глаз не совмещались, приходилось идти по памяти. Потом стал делать остановки, больше не рискуя – то есть, без возможности бездарно сдохнуть, расшибив череп или упав в открытый люк. Позорище-то было бы какое – эволюция непонятного уровня таланта «Видеть», эволюция первого уровня таланта «Харизма» – и истечь кровью с открытым переломом ног, глядя на небо со дна канализационного колодца.

Эх, мне бы что-нибудь на живучесть. Смотреть далеко, конечно, неплохо… Но вот симпатию я и так во всех вызывал – сколько раз меня кинуть пытались, действуя исключительно ради моего блага?.. В общем, не очень эффективно я три года использовал.

Времени, потерянных на прогресс таланта, было не то чтобы жаль… Жалеть там особенного и нечего – не было в прошлом ничего особенного, за что хотелось бы удержаться. Ни большой любви, ни обязательств, ни друзей. Перелистнул страницу, вычеркнул из памяти, настроился на дорогу – как и хотел в самом начале – на север страны. И постарался задавить тоску в груди – потому как все равно хотелось прийти к Саре и объясниться, поговорить с Леткой, сломать что-нибудь Хоффу и сказать прозрачно-серому наставнику Дэвиду «так тебе и надо». Только все это наверняка обернулось бы для меня крупными проблемами. Перетерплю…

Из самых печальных последствий долгой эволюции – то, что мама за это время постарела. Я-то и сейчас выгляжу на свои семнадцать – проверял уже… Ей будет легче меня узнать, чем мне – ее…

Шеф тоже моложе не стал – пять лет к его возрасту и нелегкой жизни совсем не шутка. А ведь еду-то я к нему… Даже Ральф – и тот мог за эти годы прихворнуть и сдохнуть до того,

как я найду его и врежу по яйцам…

Я не хотел выпадать из жизни на три года, не было ни малейшего на то желания. Но и думать ясно в момент запуска эволюции, не имел никакой возможности. Мне бы минуты три спокойствия без попыток пристрелить и удушить. Так бы, понятно, сообразил, что закладывать новый талант в тело – это дополнительное время.

Как там наставлял Ральф? Проси у камня что попроще, формулируй длинным предложением, задавая границы – вон, мэр со своим «Нравиться людям» второго уровня уже сколько руководил городом, пока я в первой ванне бултыхался? А я ведь «улетел» на два года, захотев просто «Видеть». Сейчас – три года на прогресс основного навыка и на приживление навыка «Харизма» – тоже из одного слова. Еще оружие в руке, вроде как, должно было подрасти – но я пока еще не поймал с ним контакт, не пробудилось оно, наверное. Или поумнело настолько, что научилось лениться…

Мир за три года наверняка вновь поменялся – к нему придется привыкать. Я не обманывался обрывками слов сержанта про «вроде, стало безопасней». Так что-то с грохотом рухнувшее замирает через какое-то время в тишине и спокойствии – всегда найдется тот, кто назовет это хрупкое равновесие порядком и безопасностью. Завалы-то никуда не делись, как и выгоревшие фасады и следы мародерства. Не делось никуда и зверье – наоборот, его стало больше, и оно ушло под землю – по тоннелям и норам сновали зеленоватые, буро-алые и, совсем редко, синие силуэты. К окружной я шел долго, аккуратно выбирая дорогу.

Информации, конечно, хотелось бы побольше – взять бы и расспросить того же дежурного, что произошло, пока меня «не было». Но обстановка не располагала – сержант слишком быстро догадался, что я не тот, кого они ждали.

Прямо он этого не говорил, транспарантами не махал и таинственные рожи не корчил – только все встало на свои места, когда постовой потянулся к вещмешку, забалтывая. А как не получилось добраться до пистолета, запрятанного там под верхней майкой, начал говорить про долгожданную встречу. Пистолет тот я видел еще до того, как из сейфа выйти – все успел рассмотреть, пока дожидался, как сержант уснет.

В таких условиях расспрашивать было неправильно. Про все мои вопросы узнают армейские следователи; рядом с каждым названным мною именем поставят знак вопроса – очень им будет интересно, как это паренек-сектант из общины вышел из сейфа вместо их горячо любимого мистера Бернетта, в которого они уйму ресурсов вбухали. Потом они отправятся в общину и начнут

беседовать с каждым из получившегося списка. Возможно – с пристрастием.

Не хотел я приносить знакомым еще больше проблем. Может быть, на них выйдут и без меня – а может, за три года все настолько изменилось, что расследование упрется в тупик.

Поэтому я изобразил, что спешу. Что, впрочем, не помешало терпеливо дожидаться рядом с банком, как поступит сержант, и что он станет говорить начальству. Даже на границе огромного банковского холла, выложенного мрамором, звуки доносились хорошо. Да и не сообщают о таких визитах – из прошлого, из закрытой камеры сейфа – шепотом и с опаской. О таком обычно кричат, паникуя и требуя дальнейшие указания.

Если сержант настаивал бы на перекрытии дороги к «эль-восемьдесят-вест» – я ушел бы на юг пешком. Все равно ехать мне в Сан-Франциско, и уже там искать рейсы на север. Если постовой стал бы паниковать и требовать помощи, не сообщая о цели моего пути – я постарался бы быстрее прорваться к трассе.

Сержант поступил гораздо мудрее, чем я думал.

Так что военным предстояло подождать мистера Бернетта еще какое-то время…

Тем временем, автобус проехал уже половину пути до меня – ему осталось пройти поворот, чтобы оказаться в прямой видимости. Я же тактически прятался за высокими кустами, разросшимися вдоль обочины. Яркий костюм уже давненько был заменен на армейскую форму сержанта Тиллмана – эта фамилия была написана справа на грудном кармане. Выглядел я к этому моменту чистым и опрятным представителем армейских, которые тут имели вес – а значит, человеком респектабельным. Главное, на еще одного такого респектабельного не нарваться, с ненужными вопросами в мой адрес…

Вдохнув, выдохнув и окончательно смиряясь со средством передвижения, я выбрался на обочину дороги и проголосовал – поднятой рукой с зажатым указательным и большим пальцем магазином от винтовки. Продемонстрировал, что есть, чем платить.

Жест был оценен верно – железный монстр на колесах, не успев разогнаться после поворота, начал притормаживать, взяв чуть правее и ближе к обочине.

Только он ни черта не остановился – продолжил ехать на малой скорости, да так, что пришлось идти быстрым шагом, пока стекло кабины не опустилось и оттуда не выглянула смуглая от загара голова в цветастой вязанной шапочке.

– К «железке», а? – Оскалившись белоснежной улыбкой, предположил парень лет двадцати семи, глядя больше не на

меня, а по сторонам.

Что-то было в нем от латиноса – овал лица, наверное. А так – обычный местный работяга, просто в смешной шапке и с косяком за ухом.

– До объездной Сан-Франциско.

– Ого… А на кой тебе туда надо, военный? – Присмотрелся он ко мне внимательнее.

– Там мой взвод… И мой автомат, – сделал я вид чуть пришибленный. – И вещи мои… Короче, свалили эти сволочи! – Добавил я в сердцах, надеясь, что буду звучать убедительно.

Потому что, в самом деле, одинокий солдат без оружия хрен знает где – выглядит подозрительно. Не учел, блин…

Из кабины в голос заржали:

– А, тогда ладно. Видишь номер двенадцать на борту? Сейчас канат отпустим, успевай забраться.

– А в кузове не вариант? – Скептически оценил я вид одной из последних корзин.

Там, оказывается, еще веревки не просто так привязаны, а к подъемным механизмам.

– Не… – Покачал головой парень. – Я ж тебя вижу, ты мне всех пассажиров поубиваешь. Там такие хари… – Приглушил он голос. – С самого прииска пьют.

Или они меня убьют, что ему тоже даром не надо.

– Может, наверху есть места?

– На «люкс» тебе патронов не хватает, братишка. – С сочувствием отозвался он.

– Да как не хватит? Магазина-то?!

– Не хватит. – Добавилось жесткости в его голосе. – У тебя на корзину ровно.

– Да что за цены такие?! – Возмутился я.

– Нормальные цены. Не хочешь – иди пешком.

– Хоть половину оставь, будь человеком!

– Я вот на каждом армейском посту то же самое говорю, – сплюнул он на землю. – Ни черта не срабатывает. У вас свои ставки, у меня свои.

– Дружище, да где я, а где пост? Ты пузо у меня видишь? – Похлопал я себя над ремнем по впалому брюху. – Нет, ты скажи?

– Нет пуза, – хмыкнул чел в шапочке.

– А видно, что я жру три пайки в одно рыло? Я похож на того, кто с честных перевозчиков деньги трясет? – Возмущался я, вышагивая рядом.

– Да угомонись.

– Да меня за этот магазин еще неделю не слезут! Дай ты хоть десяток патронов на бедность!

– Хрен с тобой, пятерку себе отсыпь. Все, никаких больше разговоров.

– И сам магазин тоже заберу. – Рискнул я вставить. – Ну зачем тебе эта железка? А с меня спросят, что я в автомат вставлю?

– Да понятно что, – гоготнул тот.

– И надо нам, серьезным парням, этих мудаков смешить?

– Ай, отстань уже! Будет тебе железка, – поманил он жестом руки.

Я аккуратно подкинул магазин – его ловко подхватили, забрали в салон, чуть повозились и скинули обратно – с пятеркой патронов.

И то неплохо. Был еще снаряжённый пистолет за поясом сзади, но с него патроны торговать не хотелось. Без патронов с него лучше сразу мушку спилить…

– Благодарю вас, сэр!

– Все, не испытывай мое терпение, лезь в корзину. Хорхе! – Заорал он в окошко. – Двенадцатый!

Сверху грузовика, под самой крышей завозились – лязгнул металл, заскрипела быстро раскручивающаяся катушка, и за моей спиной упала и принялась волочиться по земле крайне сомнительного вида конструкция, она же – мое пассажирское место.

Вблизи были видны деревянные засовы, плотно обнимающие узкую дверь-решетку с двух сторон, не давая ей открыться, ложе из утрамбованного сена, прикрытого одеяльцем, и еще одно одеяльце сбоку – чтобы ветер в лицо меньше дул.

Комфорт на грани фантастики… Еще и, не исключено, блохи в тряпье…

«Может, реально лучше пешком?» – Зародилось закономерное сомнение.

Но лучше плохо ехать, чем хорошо идти, и я не стал выпендриваться. Тем более, патроны мне точно никто не вернет, а о странном сержанте доложат на первом же посту.

Короче, двинулся я рядом с корзиной, открыл дверку – чуть дернулся, когда вся конструкция принялась подниматься наверх – и быстро заскочил внутрь, пытаясь не раскружить клетку и одновременно закрыть створку, чтобы та не расшиблась о борт.

А как получилось, улегся на импровизированное ложе, пытаясь перевести дух.

«На вокзале-то полегче залезать, не на ходу», – поворчал я про себя, прощая себе всю неловкость.

И ухватился за боковые прутья, когда корзина двинулась еще выше – сверху неизвестный Хорхе с тихими матами крутил ворот

и рывками поднимал меня до нужной высоты.

Надеюсь, тут примерно такой же сервис при высадке, и меня не грохнут без затей об землю…

Беспокойство заставило вспомнить, что я корзину-то не привязал к кузову – там были заглубленные проушины под это дело и где-то кусок веревки сбоку от корзины. Иначе даванут на газ, и полечу…

«Так, где она там была», – завозился я на месте, пытаясь, не шевелясь, найти веревку.

Тесно, неудобно, корпус вибрирует… Еще и пассажирка «люкса» сверху скалится белоснежной улыбкой – высунулась из окошка, на ладони оперлась и наблюдает.

– Добрый день, мисс. – Кивнул я ей.

Под тридцать – наверное мэм, но пусть ей будет приятно. Матом-то я по ней и молча пройтись могу, вон как развлекается, на мои метания глядя.

Хотя, матом – это зря – дама поправила головной убор, которым оказался монашеский чепчик – прядь черных, как смоль, волос, выбилась из-под него из-за набегающего ветра.

Или как эта черно-белая штука, в виде капюшона, называется?.. Вроде, чепчик… Монастырей в Вингстоне не было. Да и на родине – тоже большая редкость.

Дама укрылась внутри – видимо, наскучил я ей. А не, это она место второй уступила – новая была поинтереснее, возрастом моложе, светлые волосы красиво сверкали на солнце и улыбалась искренней – даже с толикой сочувствия. Не так обидно, в общем, хоть все равно чувствовал себя клоуном – веревку-то, допустим, я нашел, но вдеть нормально ей не хватало длины. Словно бы корзину чуть не дотянули вверх.

Вторая монашка тоже пропала из виду. Так даже лучше – не заметят, что я запланировал схитрить и привязаться ремнем. Уж лучше так, чем расшибиться о борт…

Звать Хорхе и требовать докрута не хотелось – кто его знает, какое у местных чувство юмора. Может, так и было задумано – чтобы я раскачивался и просил о помощи. Не, лучше сам все сделаю.

Неожиданно корзина дернулась вверх.

«Ага, значит, убедились, что развлечения не будет и решили сами поднять!» – С торжеством поднял я лицо вверх.

А потом улыбка спала, сменившись удивлением. Мою веревку – ловко, в четыре руки, тянули вверх те самые монахини. И не сказал бы я, чтобы им было хоть сколько-то тяжело это делать.

– Мисс? Спасибо, мисс! – Улыбнулся я им.

Так, где там эта злополучная веревка – как раз высота

подходящая, можно за проушину цепляться.

– Руки береги! Куда пальцами лезешь! – Гаркнули сверху и я невольно убрал руки от решетки.

– Этого достаточно, мисс! – Возразил я, заметив, что они продолжают поднимать корзину вверх. – Мисс? – Удивился я, заметив их лица совсем близко. – Что вы делаете, мисс?

– Ты смотри, – проворчала брюнетка. – Как девка на сеновале, которой под юбку лезут. А еще сержант.

– Да какой из него сержант, его бы грудью кормить…

– А ты, смотрю, не против.

Я от возмущения вздохнул по больше воздуха в легкие:

– Граждане монахини!

Те, отчего-то заржав, свалились внутрь окошка, отпустив веревку.

Корзина, понятное дело, пошла вниз – до резкого удара стенками мне по голове, болезненного клацанья зубами и очень нехорошего треска механизма на крыше.

– Вы охренели там?! – Еле стабилизировал я положение.

– Марла, а мне понравилось. – Донеслось через смех. – Давай покатаем мальчика?

– Так, вашу мать. – Разозлился я и посмотрел наверх, найдя взглядом брюнетку. – Служители культа, а ну руки убрали от веревки.

Рядом с брюнеткой тут же показалась порозовевшая от смеха блондинка.

– Что он говорит? – Переспросила она соседку.

– Малыш просит его покачать. Во-о-от так, – двинула она рукой, и корзина заскрипела по борту. – И во-от так! – Корзина дернулась обратно, перекатываясь и закручиваясь по часовой стрелке.

– А веревка не оборвется? – Запереживала блондинка.

– Да не, – с азартом отвечала вторая.

А я сдерживался, чтобы не заорать матом. Потому что ругаться при женщинах – некрасиво, как учил шеф. Да и вообще, угрожать, а потом не делать – как-то мелко. Неправильно.

Подгадав момент, я открыл затвор двери и пнул ее ногами от себя. Раскрывшаяся дверь врезалась в металл и остановила движение, разломавшись и повиснув на нижней петле.

– Он же упадет! – Охнула блонди.

Веревку тут же прекратили раскачивать. Но это вы, кстати, зря.

Посмотрев вперед – мы ехали по длинной прямой – я вцепился в перекладину над дверью, оперся ногой за проушину на корпусе и, приподнявшись, ухватился за веревку. И уже сам полез

наверх, подтягиваясь на руках и помогая себе ногами.

Соседки сверху, казалось, смотрели на это с интересом. Никак не мешали, пока до окна осталось совсем чуть – а потом я вытащил пистолет, притороченный за брюки сзади, и направил в симпатичные лица.

– Два шага назад, обе.

– О нет, мистер сержант! – Театрально схватилась брюнетка за голову. – Все, мы доигралась, нас огреют ремнем!

– Но у него нет ремня! – Вторила ей блондинка.

– Тогда он отходит тебя ладошкой по твоей симпатичной розовой попке!

– Эм. Женщины. – Привлек я их внимание.

– Он назвал нас «женщины»! Какое хамло!

– А казался таким милым.

Повезло же, м-мать, с соседями…

– Давайте добром – обе на два шага назад. Я ж вам сейчас прически испорчу. – Прицелился я чуть выше.

– Кстати, может, – забеспокоилась блондинка, обняв подругу за руку.

– Пусть тогда заходит, – тонко улыбнулась брюнетка.

Обе посторонились, и я в пару движений влез в широкое окошко, контролируя отошедших.

С виду – обычный вагон «купе». Справа и слева два лежачих места. Под ними – нагромождение из сумок. Еще два лежачих места пристегнуты к стенам. Имелся и столик – в сложенном виде прямо под окошком. Даже украшательство стен присутствовало – обили зеленоватым сукном, приятным на ощупь. Тесновато, но по сравнению с клеткой – действительно «люкс».

– Вы чего докопались, подруги? – попытался определить, сколько в их поступках умысла, а сколько – дури.

– Познакомиться хотели, – кокетливо порозовела блондинка, уже спокойно усевшаяся на свою койку.

Брюнетка села напротив. Направленный на них пистолет, казалось, не смущал ни одну из них.

– Я себе чуть язык не откусил, нормально бы познакомились.

– Ты сам виноват, нечего было смешить, – хмыкнула брюнетка. – Пистолетик-то убери.

– Допустим, познакомились.

– Я Марла! – Воскликнула блондинка. – А вот она – Агнес.

– Генри. – Коротко кивнул я. – До следующей остановки сижу тут. Ремонт клетки за ваш счет, потом займу другую.

– Зачем, зачем уходить! – Молитвенно сложила Марла руки у груди. – И разве это знакомство?

– Слушайте, – поморщился я. – Давайте разойдемся бортами

и забудем. Мне выходить на объездной.

– А дальше куда, солдатик? – С интересом спросила Агнес. – Убил сержанта, завладел оружием и формой. Думаешь, далеко убежишь?

– Я никого не убивал.

– Мальчик, тебе до сержантских нашивок годика два-три.

– Я никого не убивал. – Спокойно повторил я.

– Агнес! Перестань думать о мальчике плохо! Он просто украл форму! Ты посмотри на его руки – какие длинные и тонкие пальцы, ему нельзя к этим мужланам в армию!

– Ты уже нашла этим пальчикам лучшее применение? – Ухмыльнулась брюнетка.

– Да причем тут это! Мальчика явно завербовали против воли! Неудивительно, что он решился сбежать!

– Форму украл, а оружие? Это табельное, подруга! Солдатам не положены такие пистолеты.

– Ну подумаешь, убил злого сержанта… Тот явно был сам виноват!

– Я никого не убивал… Да что за чушь вы тут городите! – Не сдержался я.

– Солдатик, успокойся. Пальчик со спускового крючка убери, а то действительно одежду попортишь…

– Ой, не надо стрелять! – Заволновалась блондинка. – Тут все пропахнет порохом!

– Я, вообще-то, поднимался, чтобы нассать вам в угол. – Признался им.

Глаза девушек расширились от изумления.

– Зачем? – Опомнилась брюнетка.

– Ну не бить же, – замялся я чуть. – Надо же было как-то наказать.

– А вы не могли бы продемонстрировать, как вы планировали это сделать? – Наоборот, с интересом придвинулась блондинка.

– Не, парень, в этом номере ты свою штучку лучше не доставай, – гоготнула Агнес. – Затрахают.

– Короче! – Рубанул я, убирая пистолет. – Я не дезертир. Я никого не убивал. Ну, может быть, кое-что одолжил, но это вас не касается. А вы – черта с два монахини.

– А ну не сквернословь! – Строго посмотрела на меня Агнес. – Сейчас вот этой ладошкой да по губам!

– Не надо по губам! – Вскинулась Марла.

– Ну да, они ж после этого нерабочие станут… – Хмыкнув, успокоилась та. – Ладно, солдатик. Хочешь покороче?

– Хотелось бы, – емко произнес я.

– Есть деловое предложение. – Начала она серьезным

голосом. – Парень ты, вроде, не полный дурак. Должен оценить.

– Излагай. – Отошел я чуть в сторону, чтобы ветром не задувало в спину.

– Вот, правильно. Окошко тоже закрой. Не съедим мы тебя, разве что Марла, но и та – чуть-чуть.

Створка стеклопакета закрылась с небольшим трудом, зато отсекла огромное количество шума с улицы.

– Мы – монахини ордена святого Беранжера из города Рино. По воле приора направлены в Сан-Франциско на три недели. Затем домой. Из Рино нас выезжало трое. Третья под лавкой, в мертвом виде.

Я насторожился, невольно посмотрев на пол. Так и не скажешь, что где-то есть труп – просто вещи лежат, еще и сумки повернуты так, будто там все место занимают.

– Теперь обрисовываю проблему. Гретту – так зовут покойную, да будет ей не слишком жарко на том свете – успокоили мы с подругой. Но в Сан-Франциско ждут троих.

– Так, и что? – Осторожно спросил я, глядя на какие-то слишком проникновенные лица монахинь.

– Что-что? Личико у тебя смазливое, глазки красивые, на губки Марла облизывается. Пальцы, опять же. Бровки мы тебе подрисуем, одежду подошьем.

– Нет.

– Что – нет? – Чуть раздраженно произнесла Агнес. – Не будь тупицей, солдат. Твою самоволку давно обнаружили, на все посты передано твое описание. Тормознут автобус – возиться не станут, выволочат из клетки в другую, железную. Даже если ты вор, а не убийца – тебе не жить, дорогой. Мы же предлагаем тебе три недели безопасности. – Стал ее тон вкрадчивым. – В Сан-Фрациско Гретту никто не знает. А с задачей мы с Марлой вдвоем справимся. Посидишь в келье, отъешься, отоспишься, отмолишь былое, подумаешь о жизни своей… Через три недели мы тебя отвезем обратно до этой твоей объездной и посадим на нужный тебе автобус. Патронов на расходы дадим, одежду сменную, подорожную от ордена. В Рино с приором сами объяснимся, она женщина умная. А в Сан-Франциско нам скандал не нужен, понимаешь?

– За что хоть убили? – Буркнул я, пытаясь выгадать себе время на размышления.

– Тебе это не интересно.

– Если мне ее играть – очень интересно.

– Очень активная и настойчивая дамочка, – посуровев, произнесла Марла.

– Марлу домогалась. – Ответила Агнес. – Не из нашего

прихода. – Словно в оправдание добавила она.

А вот и повод отказаться. Нормальный, понятный им повод – не тупое «нет», после которого, скорее всего, меня выкинут из окна, чтобы молчал.

Все-таки, духовенство – должны понимать, что примерять на себя личину столь низкого человека можно и не захотеть.

– А у нее пальцы холодные и ногти нестриженые, – с возмущением пожаловалась мне блондинка.

Так, побоку мораль – это вообще мимо.

– Уважаемые, – вздохнул я. – Никто меня не ищет. Одежда – не моя, я ее выменял вместе с оружием. Ни крови, ни воровства за мной нет. Мне ваше предложение понятно, и я хотел бы избежать конфликта после моего отказа.

– Так не отказывайся, – откинулась на локти Агнес. – Не будет и конфликта.

– Стой, – замахала руками Марла. – Ты не слышишь, разве? Мальчик тебе говорит, что цена маленькая.

– Это где он такое говорит? – Удивилась та.

Я тоже вопросительно поднял бровь.

– За мальчиком никто не гонится. А ты ему предлагаешь поработать три недели за еду и постель, – с укором посмотрела блондинка на подругу. – Разве это честная оплата?

– Хорошо, и что ты предлагаешь? Еще патронов, еще документов и еще больше безопасности? – С сарказмом отозвалась Агнес. – Что еще ценного может быть?

– А ты внимательно посмотри на мальчика. Он ведь такой хрупкий, такой беззащитный.

Я озадаченно потер стволом пистолета лоб над переносицей.

– Давай предложим ему возвышение?

– Не жирно ли будет? – Отражая сомнение, спросила брюнетка. – За то, чтобы спать и есть целый месяц?

– Зато он будет спать и есть со всей отдачей! Особенно спать! – Подалась вперед Марла.

– Мисс… – Откашлялся я. – Леди… Мне не надо, это у меня уже есть. – Добавил я с оттенком угрозы.

А то совсем меня не воспринимают как опасность. А так – может, разойдемся все же на словах.

– Тогда орден обещает тебе новую ступень возвышения.

– Марла!

– У меня есть такие полномочия. – Проигнорировала та, продолжая смотреть на меня.

– Что, бумажку мне выпишите? – Хмыкнул я, внутренне забавляясь. – Сертификат на обещание?

– Документ ордена с печатью. Предъявишь в любом городе,

где есть наш монастырь. Это щедро, признай.

– Это слишком щедро. – Подготовился я отказаться.

Потому что за такой документ, предъяви я его и обозначь свой ранг, молча закопают. Не было меня, не приходил такой – я ж их нищими оставлю.

– К сожалению, у нас не так много времени. Ты подвернулся весьма удачно.

– И все же, я вынужден отказаться.

По комнате словно сквозняк прошел, а Марла исчезла со своего места, внезапно оказавшись совсем рядом со мной – я чувствовал ее дыхание на своей щеке.

– Пойми, мальчик. – Шептала она с нежностью. – Скоро по карте удобная речка, а через нее высокий мост. В речку мы должны будем скинуть тело в твоей одежде.

Вновь порыв ветра – холодный, резкий, обмораживающий только что согретую дыханием щеку – и Марла уже с другой стороны.

– Если ты согласишься, под видом тебя – туда отправится Гретта… Не отказывайся, прошу… Не доводи до греха – дай нам честно заплатить тебе…

– Водитель не поймет…

– Водителю скажем, что мы развлекались, – хихикнула она.

– Но убивать – это же грех… – Сглотнул я тяжелую слюну.

– Нам все прощено. – Как само собой разумеющееся, произнесла Марла. – Как воинам Его.

Гребанные монахини, гребанный орден…

Орден… Орден… Что-то знакомое…

– А вы знаете Лин Гарсия Диаз? – Вспомнил я имя подруги.

Три года назад Летка говорила, что та как раз в каком-то монашеском ордене.

– Ты смотри, даже в этой дыре слышали о славном коммодоре Диаз. – Хмыкнула с койки Агнес. – Даже имя знает.

– Я большой фанат, – кивнул я, не дав изумлению отразиться на лице.

– Тогда соглашайся. Если повезет – даже увидишь ее лично.

– Не только увидишь! Гораздо больше! – Возмутилась Марла, вновь сидя на койке.

Ну и талант у нее, конечно…

– Когда мы справимся с миссией, коммодор лично вручит нам награды!

– Марла, не загадывай… – Поморщилась брюнетка.

– Что? Мы да и не справимся?!

– Справимся-справимся. Только не гневи небеса гордыней.

– Так что, Генри? – С интересом смотрела на меня блондинка,

накручивая на пальчик прядь светлых волос.

– Я согласен.

Глава 2

Гретту переодевали без меня. Я, скинув одежду и оставшись в одних трусах, старался в ту сторону даже не смотреть.

Хотя Марла тормошила постоянно, заставляя на нее оборачиваться – а там что-то да попадало в поле зрения.

Судя по цвету кожи и ловкости, с которой возилась Агнес на полу, конфликт произошел не так, чтобы и давно. Хотя дорога тут тоже не самая дальняя…

– Трусы тоже надо снять, – пошла на новый заход Марла. – Вот, выбирай, – стараясь сохранять серьезное выражение лица, показала белые и алые кружевные трусики.

– Это ведь твои. – Отозвался я без особенного энтузиазма.

– Почему? – Надула она губки.

– Тебе бы они подошли.

– Ой, правда? А какие лучше? А давай я примерю, и ты скажешь?

– Марла, я тебя прошу, не над трупом! – Застонала Агнес.

– Хорошо! Но пусть наденет лифчик!

– Нет, я не стану его надевать. – Терпеливо и в двадцатый раз повторил я.

– У Гретты была грудь!

– Гретту никто не знает. Так что будет плоской, как лунная поверхность. Закрыли вопрос.

– А чулочки, давай примерим чулочки? – Блестела глазками блондинка.

– Мисс, у вас в детстве была кукла Барби? – Со вздохом уточнил я.

– Ага! И даже Кен! – Марла приблизилась и зашептала на ушко. – Ты бы знал, что они вытворяли друг с другом… Показать?..

– Марла, ради всех святых тебя прошу! – Вновь возмутилась брюнетка.

– Что? Мне надо его замаскировать! Ты же сама говорила!

– Как ты замаскируешь постоянный стояк на тебя?! У него скоро рефлекс будет.

– Ой, а ты поэтому сидишь нога на ногу? – Обрадовалась Марла. – Это вредно! А ну поставь ноги прямо!

Я натянул на себя одеяло и выпрямился.

– Ну не, так неинтересно, – притопнула блондинка ножкой и закусила губу.

– Не должно быть интересно. – Буркнул я. – Вы мне покажите, в чем ходить и как ходить, молчать я и сам умею.

– О, точно! Надо ведь показать, в чем мы. – Блондинка подкралась к согнувшейся над Греттой подруге и подняла ей юбку. – Вы можете наблюдать практичные и стильные трусы модели «слип»…

– Марла! Сейчас я тебя саму из окна выкину! – Ругнувшись, Агнес придержала одежду и резко встала.

– Между прочим, у него на тебя тоже стояк. Ноги снова крест на крест.

– Хм. Солдат, ноги прямо!

– Это пистолет, и смотрит он прямо на вас. – Добавил я угрозы в голос.

– Слышала, Агнес? Работай.

– А ты чего?

– Перезаряжу пистолет и смажу… – Облизнув губы и сверкнув глазами, подкралась она ближе.

Пока я не скинул часть одеяла и не показал реально вороненный ствол и демонстративно взвел курок.

– Пф, а я-то впечатлилась размерами… – Вздохнула брюнетка.

– Сестренка, а как же интерес исследователя? – Не собиралась останавливаться Марла. – Чтобы не сомневаться, надо знать точно…

– Стрелять буду, – неуверенно уточнил я.

– О да, и не раз за ночь… – Закивала та.

– Ну не при трупе же, – возмущенно посмотрел я на Агнес.

Та, вроде как, хоть какое-то влияние имела на подругу.

– Зато мы научим тебя долго сдерживаться, – присела блондинка тем временем рядышком, положив ладошку мне на коленку и двигая ее к животу. – Как почувствуешь, что близок к финишу – смотри Гретте в лицо.

– Марла, ты наносишь ему психологическую травму!

– А давайте вы меня военным сдадите? – С оттенком безнадежности уточнил я.

– А, так ты любишь сзади? О, у меня есть для тебя подходящие игрушки! – С радостью вскинулась с места блондинка и принялась копаться под соседней койкой. – Генри? – Заметила она мое движение. – Генри! Агнес, хватай его!

Чуть-чуть к окну не прорвался – сначала за ногу схватили, потом Агнес помогла не разбить зубы о край окна.

– Да шутит она, – шепнула мне брюнетка, придерживая. – Ну… Может, трахнет пару раз, но в основном шутит…

– Ого! – Раздался звук снизу. – А я знала, что это был не пистолет!

– А можно все как-то классическим способом? – Шепотом

спросил я у Агнес, пытаясь придержать трусы, которые принялись деловито стягивать.

– Это каким? – Шепнула она, заинтересовавшись.

– Хотя бы без трупа в купе!

– Экий вы гурман, – тем не менее, одобрительно покивала она. – Ну что, встанешь на ноги или мне и дальше так держать?

– Н-не встану, – закачал я резко головой, стремительно краснея. – Тут это… Мешает…

– Что? Труп?

– Нет, зубы… Губы… А нет, зубы тоже, – ойкнул я. – Можно поосторожнее там внизу?!

– Марла!!! – Рявкнула брюнетка, обернувшись.

– Вот-вот, поосторожнее! – Поддержал я ее, прислушиваясь к ощущениям.

– Я имею ввиду – выплюнь!

– Пока рано, – сжал я пальцы на окне. – Но уже почти…

– Дала же судьба напарников… Кстати, славная попка.

– С-с-пассиб-бо… Ох… – Дернулся я, когда ладонь Агнес легла напротив лица Марлы, и дальше сдерживаться не смог, полностью опав на поддерживающую руку брюнетки.

Через несколько секунд рядом показалась довольная мордашка блондинки, оттирающей кончики губ:

– Смазан, перезаряжен! Братство слов на воздух не бросает!

– Ты как, стоять можешь? – С интересом спросила меня Агнес.

– Ага…

– Тогда трусы натяни, а то они почти на голове Гретты, богохульник.

Я невольно обернулся на труп и понял, что сгорю в аду.

– Слушайте, – посмотрел я на брюнетку. – А если исповедаться потом – это помогает?

– Конечно! – Заверили меня. – Кому хочешь исповедоваться – мне или Марле?

– Лучше вам.

– Тогда к вечеру подбреюсь.

– А… Тогда не… В ад, так в ад… – Бочком пробрался я обратно к постели и притих в углу. В душе бурлили эмоции – от размышлений о тщетности бытия до уязвленного самолюбия.

В последний путь Гретту провожал даже с некоторым сочувствием – быстро отмучалась. Хотя зрелище все равно было нерядовым – для начала, Агнес каким-то образом зафиксировала труп абсолютно прямо, будто бы заморозив или парализовав его. А уже получившийся удобный объект – предсказуемый, не сгибающийся прихотливым образом – швырнула в окошко Марла со своей сверхскоростью. Тело покойной Гретты перелетело через

часть дорожного полотна, через бортик и почти беззвучно упало в воду где-то за мостом.

– Покойся с миром, – неожиданно серьезно высказалась Марла и тихонько запела на латыни чистым и светлым голосом.

Следом песню подхватила Агнес. А я слов не знал, поэтому просто вслушивался и смотрел в окошко – где прихотливо вилась тонкая речка, исчезая за горизонтом. Кажется, это была река Сакраменто – не так и много мостов через реки по этой трассе. А мы, выходит, уже обогнули одноименный город с севера. До Сан-Франциско часа три, если с такой скоростью. Хотя небо уже побледнело над нами и розовело закатом вдали – совсем скоро Калифорнию накроет ночь.

– В ночь не поедут, – на мой вопрос мотнула головой Агнес, посерьезнев после церемонии похорон.

На ее глазах появились круглые очки с массивной оправой, сама она расположилась спиной к окну и делала пометки в записной книжке с плотной кожаной обложкой. Работала, пока позволял световой день.

Даже Марла – и та взялась за нитку с иголкой, перешивая под меня робу покойной монахини. Взяли не с трупа – из новых вещей, что принадлежали Гретте раньше. Остальные ее сумки вручили мне – мол, разбирайся. «Теперь это твое»…

В «наследство» достались два баула с перекидной лямкой и сумка размером меньше – с ремешком через плечо и множеством кармашков на замке.

Пожав плечами, я для начала расстегнул каждую из них, осмотрев сверху. В первом бауле – набор белья, одежды, пара легкой обуви в пакете. Касаться этого не хотелось. Во втором – довольно увесистом, все пространство занимал песочного цвета рюкзак, застежки которого удерживались навесным кодовым замком – миниатюрным, но увесистым, от неплохой фирмы. Третья сумка содержала аптечку – бинты, перекись, жгуты, какая-то медицина в таблетках и флакон с прозрачной жидкостью.

– Спирт найдешь – не трогай, это на праздник. – Посмотрела на меня поверх своей книжки Агнес.

– Ага, – закрыв аптечку, придвинул я к себе сумку с рюкзаком.

Интересно…

Бумажки с кодом рядом нет, но это не было проблемой. Мир окрасился светло-серым, и механизм стал легкомысленно-открытым. Прямо как Марла – невольно взглянул я на нее и удивился обилию синих и алых искорок на ее поясе, в ложбинке груди, в волосах.

Опомнился, когда Марла вопросительно посмотрела на меня.

Я, смутившись, перешел на обычное зрение, а потом поймав себя, что смотрю на ее губы, покраснел и отвел взгляд.

«Так, рюкзак», – набрал я код, расстегнул первую застежку, повернув содержимое к свету, и в обалдении смотрел на часть снайперской винтовки.

Основная часть конструкции: с оптикой, отсеком под магазин, рукояткой и складным прикладом.

Быстро открыв соседние отсеки, обнаружил два ствола, длинную навинчивающуюся гайку для их крепления, два продольно-скользящих затвора под правую и левую руку, сошки с защитным чехлом, снаряженные магазины и принялся даже коситься на емкость со спиртом – вот он, праздник.

– Ничего там не сломай, – строго прокомментировала мой энтузиазм Агнес. – Нам это еще продавать.

Я уже разложил на полу одну из чистых ночнушек из баула с бельем и выложил все найденное туда.

– Не продается, проходите мимо, – буркнул я, собирая все воедино.

Несложно, интуитивно понятно – но на всякий я выложил перед глазами найденную в рюкзаке схему. Ага, тут два ствола под два разных патрона… Магазинов тоже два вида, по четыре на каждый. Есть банка глушителя.

Интересно живут монахини…

– Да пусть играется, – махнула рукой Марла. – Я слежу, чтобы магазин не снарядил.

– А он, вроде как, даже знает, как этим пользоваться… – Хмыкнула брюнетка.

Хотя я просто любовался на собранное оружие, даже пальцем не касаясь.

– Умею, – буркнул в ответ.

После трагедии в заповеднике к нашему дому потянулась череда приятелей отца – редкая, конечно, человек пять за два года. Но как-то сочувствие они проявить хотели – кто-то передавал маме деньги, кто-то пытался говорить со мной об отце. Двое забирали с собой в тир пострелять – ну а поскольку мама устраивала свою личную жизнь, то передавала меня на выходной без особых проблем. Так что про работу с оптикой – определение расстояния, поправки и все такое – мне было кому объяснить. Не профи, конечно – откуда? – но там все не особо сложно, если расстояния небольшие. А где в тире взять большие?.. Но на всякий, мне объяснили и про ветер, и про силу Кориолиса – зная, что вряд ли пригодится, но мне-мелкому это было интересно. Да и сейчас я готов был часами смотреть на совершенство, выполненное в металле и пластике компанией «Немезис Армс».

– Хоть чему-то армейские учат… – По-своему поняла Агнес. – Но винтовку все же убери. У тебя вон – работы сколько еще.

«– Ну мам! – А домашнее задание?!» – и вот это вот все.

Вздохнув, разобрал я обратно оружие и аккуратно положил в рюкзак. Тот, к слову, выполнен добротно – внутри отсеки мягкие, соседствующее железо друг другу не навредит.

Кодовый замочек перенастроил и вернул обратно.

«Ладно, что тут у нас», – уже понимая, что ничего более интересного в других сумках не будет, приступил и к ним.

Для начала завершил с «аптечкой», отметив в памяти знакомые таблетки от живота и головы в боковых кармашках. Кое-что интересное нашлось в широком отсеке спереди, с отдельным замочком – несколько документов: подорожная на имя «сестры Гретты» из «Ордена святого Беранжера» – между прочим, заполненная не от руки, а печатная, на плотной бумаге с защитным рисунком неизвестного мне монастыря на фоне. Подпись на бумаге – размашистая, печать красная. Увесистая штуковина – только фотографии нет. Фотография была в паспорте гражданки США Дастин Мерфи. Видимо, при вступлении в орден, присуждают новые имена. Схожести, к слову, у фото и лица Гретты было не очень-то и много…

Еще нашелся запечатанный на сургуч конверт – сделанный из грубой бумаги, без надписи на нем.

– Не трогай! – Опередила мой вопрос Агнес. – Это нужно отдать в Сан-Франциско.

– А внутри? – Полюбопытствовал я.

– Письмо от нашего приора новому начальству.

– И что оно делает в сумке у трупа?

– Гретта – командир группы. Была.

– Ого…

Вляпались бы они, конечно… Ладно бы рядового завалить…

– Что «ого»? Отдашь письмо по прибытии и все.

– Да хрена с два там «все», – забеспокоился я. – Дадут мне три недели проваляться. Я же начальник группы.

– Вот и отдашь приказ, раз начальник. – Спокойно прокомментировала Агнес. – А мы его выполним. Мы с Марлой давно вдвоем работаем, проблем не будет.

– Если что пойдет не так, с меня сначала стружку снимут. Потом разоблачат…

– Так ты молись, чтобы мы справились. А уж мы не подведем… – Сделала та очередную пометку в блокноте.

Я только головой покачал. Не бывает все так просто. Да еще им Гретту не просто так третьей навязали – значит, посчитали, что для выполнения задачи понадобится снайпер.

Знать бы что в письме… Хм… А почему бы не попробовать?..

Я скользнул в черно-белое видение таланта и сосредоточился на конверте. Сначала он выглядел просто плоскостью, и зрение тут же перешагивало его, предлагая посмотреть, что творится под полом.

Потом я чуть прижал конверт сверху и снизу, чтобы он приобрёл больший объем, а страницы чуть отошли друг от друга. Не с первого раза, но удалось поймать в фокус лист внутри конверта и чернила текста на нем – послание было написано от руки. И оно вполне читалось – хоть сложенный втрое лист пришлось по-разному повращать, каждый раз настраиваясь на него заново, чтобы разные части послания совместились – но, приходилось признать, усилия того стоили.

«Коммодору Маурин от верной слуги ее, волею капитулата и во славу Господа, приора города Рино, сестры Эллен.

Сколь велика радость от послания, написанного твоей рукой и полученного мною восьмым числом ноября с.г., столь же велика тревога моя по его прочтению.

По твоему поручению, слуги ордена деликатно расспросили указанного тобой человека. Он подтверждает, что, работая в Вентура-каунти, был свидетелем загрузки на SSN-767 „Хамптон“, отмеченной твоими людьми близ Сан-Франциско, группы гражданских лиц со спец-кейсами. Он говорил о пятерых при двух кейсах, используемых для перевозки трансплантируемых органов. Кейсы не поднимали от земли, перемещая на тележках, что позволяет судить о наличии работающих холодильных установок.

Предположу, что это не единственная партия, для перевозки которой использовался спецтранспорт.

Тебе будут полезны иные слова, изложенные указанным тобой человеком: он говорит, что лодки и корабли выходят из Сан-Диего на регулярной основе, доставляя на берег тела чудовищных монстров, где их разделывают в цехах базы флота. Сколько в этом правды, сказанной в пьяном бахвальстве перед ангельским созданием юного возраста – решать тебе.

Полагаю, что ты как всегда права, сестра моя: движение банд в Сан-Франциско имеют организованный характер. Их давление на территории ордена явно хорошо оплачивается тем самым грузом, что прибывает ночной порой из моря.

Еще скажу о слухах, дошедших до смиренной слуги твоей: говорят, что президент после покорения центральных штатов не торопится штурмовать организованные порядки Объединенного Правительства Америки в Миссури и Арканзасе. Его силы изрядно потрепаны и нуждаются в отдыхе. Но ни одна армия не может стоять без дела, это слишком дорого.

Если стычки в Сан-Франциско обернутся полноценной войной, Калифорния может показаться удобной целью для президента и тех, кто стоит за его спиной. Сан-Диего погряз в разврате, безбожии и давно в их власти. Лос-Анджелес способен противостоять угрозе – все войска президент отправить не сможет, ему надо удержать новые границы. Предатели из Сан-Диего научены ядерным зарядом геенны огненной и убоятся высаживать десант, действуя, как и прежде – подло и в спину. Так что Сан-Франциско и Лос-Анджелес, милостью его, удержатся.

Но если случится так, что Сан-Франциско будет занят внутренними проблемами, Лос-Анджелес падет. Затем они придут к нам.

Тревога не дает уснуть, моя милая сестра. За малой бедой ты метко увидела гораздо большую.

Твое второе поручение исполнено мною со всей ответственностью. Я направляю тебе команду, способную выполнить поставленные тобой задачи наилучшим образом.

Сестра Марла, возвышенная третьего уровня – ее талант двигаться подобно вспышке молнии без вреда себе и одежде в пространстве сорока шагов вокруг. Обрати внимание, что чем дольше используется талант, тем меньше это расстояние. Обрати внимание, что ее талант бессилен сдвинуть вещи, имеющие связь с поверхностью. Таковы подобранные Орденом ограничения, позволившие сестре быстро пройти таинства и приносить пользу во славу Его.

Сестра Агнес, возвышенная третьего уровня – тебе будет полезен ее талант парализовать людей на расстоянии до сорока шагов конусом в направлении от себя. Она действуют в паре с Марлой, и вместе они достигли великих успехов, вычищая Рино и его окрестности от банд и самозваных пророков. Обрати внимание, паралич не будет работать на измененных существах. Влияние спадет через шесть часов, либо если Агнес отойдет за сорок шагов. Обитель вложила в ее талант два годовых бюджета и все трофеи, собранные за это время, живя на милостыню добрых самаритян. Но расходы уже окупились сторицей – Агнес передаст тебе, моя светлая сестра, немалую часть добытых трофеев, дабы ты, в милости своей, и дальше оберегала город Рино от гибельных изменений и злого слова.

Третьей будет сестра Гретта. Она навязана сестрой Кристен, поставленной мне в заместители коммодором Стефанией. Мне пришлось соврать Кристен, что тебе нужен отряд ликвидации зарвавшегося политика, вредного целям и миссии Ордена. Наверняка ее хозяйка об этом уже знает, учти это.

Сестра Гретта – снайпер с талантом, позволяющим класть

пули в цель даже из скверного оружия и на большом расстоянии. Обители в городе Спаркс, что под нашей дланью, будет тяжело ее потерять, но я не могу позволить лишних ушей и глаз в столь важном деле. Я назначила ее главой отряда, чтобы успокоить сестру Кристен, и вручила ей это письмо, зная, что до Сан-Франциско она не доживет. Я приму этот грех на себя.

Не беспокойся, милая сестра, к тебе прибудут трое. Стефания не распознает в третьей подмену – глупа и надменна, как и ее креатура. Я дала все инструкции, чтобы не бросить на тебя тень и не навредить делу. Вернутся двое. В отчете я отражу, что Гретта пала смертью храбрых и будет навеки внесена в скрижали обители. Ни Кристен, ни Стефания ничего не узнают. У меня, как и у тебя, есть все основания сомневаться в их лояльности Ордену.

Во благо миссии, я дала право сестре Марле говорить от лица Ордена. Сестра Агнес при этом будет главной в их двойке, уравновешивая ее интуицию и молодость рассудком и опытом. Доверяю им, как себе, и с греховной гордостью вручаю эти два клинка, выкованных во славу Его, в твои руки, дабы направить против врагов Ордена.

Воистину, великая ноша возложена на твои плечи, сестра. Неустанно молюсь за твое крепкое здоровье и ясный ум.

Вечно твоя слуга, приор города Рино, сестра Эллен».

– Ты чего задумался? – хмыкнула Марла.

– А? – Вздрогнул я, продолжая смотреть на строчки письма. – Да думаю вот, когда пожрать дадут.

Хотя сказать хотелось: «Да твою же мать!» – с волчьим завыванием во весь голос.

– Выдай этому желудку что-нибудь пожевать, – потерев переносицу, попросила Агнес.

– Надо что-нибудь белковое! Надо компенсировать будущие потери! – Отложив шитье, Марла с азартом завозилась возле одной из своих сумок.

«Да кто его знает, встанет ли на вас после такого чтения».

Хотя, глядя на виляющую попку в непосредственной близости – только руку протяни – констатировал, что пофиг организму на все эти интриги.

– Конверт положи, слюной закапаешь, – посоветовала брюнетка. – Он ценный, лично в руки коммодору, вообще-то.

– Угу, – положил я его обратно.

– Все проверил? – Строго уточнила Агнес. – Все сумки?

– Еще этот баул, но там белье.

– Это теперь твое белье.

– Да ну…

– Не «да ну», а выложи и сложи обратно. Кто его знает, что

она там на дне могла хранить. Еще опозоримся на всю обитель…

– Тоже верно, – пришлось соглашаться.

Тем более что Марла вытащила не печеньки и прочие быстрые радости, а десяток яиц и банку молока. Следом – небольшую кастрюльку и спиртовку с компактной жаровней.

То есть, ожидался омлет, но не прямо вот сейчас, так что ладно – повозимся с бельем. Тем более, надо бы успокоиться – а то руки после чтения подрагивали…

Глава 3

Вещи внутри сумки лежали не особо аккуратно – либо хозяйке было все равно, либо две живые монахини уже успели порыться в наследстве покойницы. Что искали – тут и голову ломать не надо. Могло же быть у Гретты послание, аналогичное тому, что лежало в конверте: только в этот раз от некой Кристен – своей покровительнице? Да запросто.

Не все можно доверить радио – если Эллен обращается к коммодору Маурин на бумаге, то и у их соперников вариантов тоже не особо много: либо передать на словах, либо письмом.

А раз мне подсовывают сумки, то Марла с Агнес ничего найти не смогли. «Вдруг ему повезет?» – или какая там логика?..

Но к делу я подошел обстоятельно – вытряхнул все на койку, отсортировал по разным сторонам предметы одежды, косметику и всякий хлам, там же сложил и упаковал обратно. Места в сумке резко стало в два раза больше. А вот тайного послания – так и не нашлось.

Не было конверта ни в боковых и передних карманах, ни в тканевой подкладке, которую я осторожно ощупал. Что же – бывает и так…

На всякий, применил талант и принялся слой за слоем просматривать эту и другие сумки. Тоже ничего. Да еще и не до поисков стало – еда доходила до готовности, наполняя купе приятными ароматами.

– Вот, ешь, – усадили меня на постель, постелили на колени в несколько раз сложенное полотенце, а сверху – кастрюльку с омлетом, посыпанным специями.

Выглядело завлекательно.

В руку вручили швейцарский мультитул с выдвинутой ложкой и оставили в покое. Ну, почти – напротив села Марла, приготовившись наблюдать, как я буду есть.

– Моя треть? – уточнил, пока не трогая.

– Все твое, – замахала она руками.

– Агнес?

– Во-первых, сестра Агнес. Во-вторых, мы обедали, – пробубнила та, не убирая записную книжку с рук. – Ешь, набирайся сил. Не знаю, сколько ты там был в бегах…

– Да не был я в бегах… – Вяло отмахнулся.

– В-третьих, следующий раз кушать будем только завтра, в Сан-Франциско.

Пожав плечами – не хотят, так и ладно, я приговорил все содержимое кастрюльки за пару минут и даже ложку облизал

невольно, когда понял, что отскоблить с донышка больше ничего не выйдет.

– А говоришь – не в бегах, – хмыкнула своим мыслям брюнетка.

«Да я не ел три года!» – но вместо этого промолчал, ограничившись коротким «спасибо».

Тем более что от пережитого навалилась сонливость – да и день постепенно подходил к концу.

– Марла, что с робой для нашей новой сестры?

– Пусть примерит. – Встрепенулась та.

– Перед сном – зачем? – Без охоты уточнил, глядя на преподнесенное мне черное одеяние.

– Кто тебе сказал, что день закончился? – Убрала Агнес свою книжку. – На стоянку завернем, все только начнется.

Я вопросительно посмотрел на лидера двойки.

– Корзина твоя сломана, тела нет. Скоро разговаривать придут. Ты же не планируешь храпеть на втором ярусе в этот момент?

Какая привлекательная идея. Но с такой постановкой – ответ предполагался отрицательный. Хотя, что, они вдвоем не отмахаются? Репутация у Ордена, по всей видимости, довольно суровая и прощается им многое.

Тем не менее, Агнес посчитала правильным меня переодеть, накрасить – я сопротивлялся, а под конец расчихался от пудры совсем натурально. Но к моменту, когда автобус снизил скорость перед высокими закрытыми воротами, на койке сидела примерная сестра ордена, пусть и чуть широковатая в плечах – мне показали в зеркале.

– И нечего кривиться, очень даже миленькая! – Прокомментировала Марла. – Так бы всего и затискала!

Но тискать собралась не всего, а что-то определенное, засунув ладошку под робу.

– Марла! – Остановила неуставщину ее шеф. – Робу запачкает, что делать будешь?

В общем, из прежней одежды на мне оставалось белье, да берцы – они тут вещь универсальная, все носят. Но не всякая монахиня носит десятый размер…

Через какое-то время на улице договорились, и ворота перед автобусом сдвинулись вбок, открывая вид на бетонированную площадку размером с футбольное поле, закрытое бетонными стенами с колючкой поверх. Частично площадки занимали другие автобусы, фуры, внедорожники и даже группа военных Хамви. Нашлось место для нескольких легковушек – стояли запаркованными в самом центре, словно телята в стаде,

прячущиеся от волков. Горели костры, в открытое окно ветер доносил запахи жареного мяса и каши.

Главное – присутствовал порядок. Нам выделили провожатого-мальчишку на велосипеде – он рассекал восьмерками впереди, словно поторапливая осторожно двигающегося колесного монстра – и привели на секцию с отметкой двенадцать дробь четыре, ближе к правой стене. Всего было четырнадцать секций вдоль и поперек, но какая-то часть их была длиннее, какая-то сильно короче. И не к каждой секции прилагались удобства, как у нас – синяя будка сортира, место для костра, место для ночевки на улице в виде деревянных коек. В общем, грузовиков под пятьдесят площадка вместила бы легко, остальное предназначалось для машин размером меньше. Где-то треть площадей пустовали, как и секции вокруг нас. Возможно, заполнятся позже – пока солнце еще дарило свой свет запаздывающим путникам.

И все это неплохо охранялось – талант показывал вооруженных людей на площадках вдоль и под стенами.

Первыми на улицу вывели пассажиров «эконом-класса» – с матом и подзатыльниками, иногда выволакивая не стоящих на ногах и сгружая на одну из деревянных коек. Громко объяснили правила пользования площадкой, жестко обозначив, что не несут ответственности, если кто-то покинет «наш» квадрат. Потом опустили вниз корзины – кому-то из пассажиров тоже пришлось помогать стоять, ноги за время пути не держали. Добрались хозяева и до разбитой корзины под номером двенадцать…

Через какое-то время под нашим окном – я смотрел талантом, не решаясь подойти – собралась комиссия из трех человек. Видимо, водила, Хорхе и мой приятель в цветастой шапочке – все, кто был от владельцев транспортного средства. В голос они не ругались, обсуждали ситуацию сдержанно – до нас долетали обрывки слов. Но, судя по тону, ситуация им не сильно нравилась.

«Интересно, позовут представителей парковки?..» – Наблюдал я за развитием событий с отстраненным интересом.

Но судя по скорости, с которой лязгнула лестница в конце кузова, решили для начала поговорить сами.

– Генри, нам важно, чтобы ты не сказал лишнего, – словно извиняясь, сказала мне Агнес, присаживаясь рядом так, что закрыла меня от входа.

«Да нет проблем», – приготовился я молчать, но до боли знакомое уведомление настигло раньше.

«Внимание! Зафиксировано влияние. Степень эволюции таланта ниже на два и более уровня! Влияние: усеченный

контроль двигательной активности. Разница в уровнях позволяет допустить контролируемое воздействие. По вашему желанию, тело может выглядеть подверженным контролю с немедленной отменой по вашему желанию. Это открывает новые стратегии боя и возможности для применения талантов! Заблокировать талант / изобразить воздействие?»

«Изобразить», – из интереса согласился я.

Это всяко лучше, чем сидеть столбом, боясь выдать себя.

Тело словно окаменело – исчезла всякая подвижность: глаза замерли, глядя в одну точку, язык прилип к небу, легкие еле двигались, прокачивая воздух, и еле-еле билось сердце. Но даже так – я чувствовал себя превосходно, слизистая глаз не сохла, дышать не было нужды, а разум отлично работал. Хотя, наверное, полагалось бы свалиться в обморок – умереть от такого не умрешь, но кислорода-то явный дефицит. А мне – словно наплевать.

«Насколько на высоких уровнях эволюции вообще нужны внутренние органы?..»

Эта мысль цепанула не в первый раз – еще погружаясь в активный раствор ванны, легко разъедающей одежду, я задумался, что эволюция в нас что-то крепенько меняет, не ограничиваясь запрошенным талантом. Плоть давно перестала быть человеческой – иначе я весь был бы в химических ожогах. Мышцы… Даже если отбросить невосприимчивость к реагентам – за три года лежки мышцы не атрофировались, не исчезли и ощущались отлично, а общий их тонус как будто бы даже повысился. Словно я несколько раз в неделю ходил в спортзал, а не провалялся бездвижно в черно-бензиновой бурде. Органы – я видел дыру в груди мэра, проделанную спицей, с таким не живут. Но он не только жил, а еще активно двигался, чтобы отвернуть мне башку. Так что есть, о чем поразмышлять…

По металлу лестницы тем временем раздались шаги, продолжившиеся по мягкому ковролину в коридоре. Кто-то затоптался у порога – стоял с минуту, словно набираясь сил или храбрости перед тем, как постучать в дверь.

Марла в одно движение сдвинула засов и вернулась обратно.

– Войдите, – чуть повременив, громко произнесла Агнес.

Дверь – небольшая, в полтора метра высотой, дернулась наружу, пропуская на порог ссутулившегося знакомца с цветастой шапочкой – но он ее держал в руках, нервно сминая.

Всего единожды он быстро пробежал взглядом по купе, после чего заговорил, больше не поднимая головы и продолжая оставаться в полупоклоне:

– Меня зовут Рауль, мисс. Мы говорили с вами в начале

вашего пути. Я помогал занести сумки, помните?

– Да. Говори, Рауль. – Слегка отстраненно произнесла Агнес.

– Я простой водитель, мисс, и со всем привык справляться сам. Но иногда я вынужден вспомнить, что вхожу в картель перевозчиков «Хайвэймэн». Что за мной две сотни грузовиков и автобусов, – креп его голос. – Больше тысячи человек и сорока возвышенных, некоторые из которых третьего уровня и выше. Так происходит, мисс, когда моего пассажира лишают жизни и выкидывают в реку. Его проезд был честно оплачен, мисс.

– Вот как… – Чуть повернула брюнета голову, разглядывая гостя с холодным интересом. – Продолжайте, Рауль. Вы вспомнили, и что же планируете делать дальше?

– За поломку пассажирского места под номером двенадцать вам положен штраф в двести патронов. За жизнь пассажира вам положен штраф в две тысячи патронов. Откажетесь платить – профсоюз потребует справедливости у Ордена и возьмет вдвое.

– Вы так строго оцениваете свою ответственность перед пассажиром? – Подняла Агнес брови от удивления.

– Мы живем этим, мисс, – упрямо кивнул водитель. – В моем автобусе я и профсоюз гарантируем, что все доедут до места живыми.

– А эти две тысячи патронов – кому они пойдут? Тебе, родственникам убитого?

– Родственники убитого могут обратиться в профсоюз и получить свою виру.

– При предъявлении билета и надежных свидетелей, а?

– Все так, мисс. Но профсоюз еще ни разу не отказывал в выплатах. И ни разу не отступался от штрафа. Каким бы уважаемым не оказался виновник, – чуть поклонился он.

– А какой бы выплата была, допустим… – Сделала Агнес вид, что задумалась. – Если бы в профсоюз обратилась бы скромная монахиня, в окно которой вломилось похотливое животное, угрожая пистолетом? А потом разделось бы до гола и удовлетворило свою похоть над одной из нас, лежащей на полу и не способной сопротивляться?

– Мисс… – От удивления и непонимания округлились его глаза.

Если бы я вернул себе мимику, охренел бы еще сильнее.

– Назовите сумму в ваших патронах, во сколько бы вы это оценили. Но я заранее скажу вам, что Орден с вами не согласится. – Зазвенел металлом голос Агнес. – Орден посчитает, что кто-то совсем обнаглел, смея оценивать добродетель и честь! Орден скажет, что некая организация, собрав двести ржавых грузовиков и тысячу бессовестных человек, вконец обнаглела. И,

возможно, если показательно вырезать сорок возвышенных третьего и выше уровня, они одумаются и не станут подселять рядом с честными монахинями насильника и подонка!

«Вы желаете снять имитацию воздействия?»

Это я чуть не дернулся. Я им покажу «насильника и подонка». Я им покажу хитрые схемы! У меня на них еще с Вингстона аллергия!

«Не снимать». – Все же удержался я.

– Это вы про паренька? Да вы что! Да он же совсем безобидный! – Задрожала нижняя губа Рауля. – Я чем угодно поклянусь! Он не мог! Да вы бы скрутили его в два счета!

– У него был какой-то секретный талант, – лязгнула Агнес. – Вы отдаете себе отчет, водитель, что я и моя пострадавшая сестра поклянемся на кодексе Ордена, что говорим правду? Мы уже клянемся, что сказанное мною, начиная с угрозой оружием до трусов, брошенных на лицо нашей бесчувственной сестре – истинная правда!

«Вы желаете снять имитацию воздействия?».

«Я желаю кое-кого выпороть».

«К сожалению, действие невозможно осуществить дистанционно на вашем уровне эволюции таланта».

«Ничего, я подкачаюсь. Имитацию не снимать».

– Это недоразумение, какая-то невероятная ошибка! – Искренне твердил водитель, чуть ли не отрывая пальцами куски от своей шапки.

– Ты говорил про справедливость – твой профсоюз ее получит, как только мы достигнем Сан-Франциско. А теперь – пошел вон!

– Смилуйтесь, мисс! – Рухнул Рауль на колени. – У меня же дети! Боссы свалят все на меня!

– И правильно сделают.

– Послушайте… Я скорблю, что так случилось. Я в мыслях не мог подумать, что этот щегол посмеет такое вытворить! Послушайте! Вы были в своем праве! Никаких штрафов, ничего! Только не доводите до суда!

– Никаких штрафов и не будет. – Спокойно смотрела на шокированного мужика Агнес. – Чем ты слушал, водитель?

– Я неверно сказал! Это я, я вам заплачу! Вы же служители Господа, найдите в себе сострадание! Не ради меня, ради детишек маленьких!

– Эк как заговорил… Сострадание… – Тяжело вздохнула брюнетка. – Оно есть в нашем сердце. Не к тебе, но к детям, что наверняка попадут в рабство за бестолкового отца.

– Не губите!!!

– После всего, что произошло, одна из нас желает совершить паломничество на север. Через три недели ей нужен номер-люкс и безопасная доставка с питанием.

– Спасительница! Все сделаю!

– Это еще не все. Мы выполнили вашу работу, вышвырнув убийцу. Мы оцениваем свою работу в тысячу патронов.

– Я столько не наберу… То есть, сейчас не наберу! Дайте время!

– Отдашь в Сан-Франциско, сколько есть. Остальное пусть отдадут нашей сестре через три недели. Паломничество стоит недешево… Все ли ты понял?

– Да!

– Со всем ли согласен?

– Да!

– Тогда иди с миром, Рауль. И помни, сегодня ты спас свою семью и детей.

Часто кланяясь, водила вышел спиной вперед, умудрившись не запнуться о порожек, аккуратно закрыл дверь и – судя по звукам – быстро сбежал с лестницы.

– Что смотришь? – Повернулась ко мне Агнес. – Неприятно тебе было слушать? Зато будет транспорт и патроны, как мы обещали. Орден свое слово держит.

– Скорее всего он возмущен, – присела с другого бока Марла. – Как же мирные монахини так могли поступить? – Взялась она ладошками за щечки и покачала головой.

– А разве мы солгали хоть словом? – Приподняла бровь брюнетка.

– Но так играть с правдой?!

– Ты думаешь, что этот Рауль сюда поднялся? Денег хотел поднять с мирных монахинь, чтобы в карман их себе стряхнуть. И никакая совесть его не волновала. – Вздохнув, пояснили мне. – Мир сейчас устроен так, что все пытаются трахнуть друг друга.

– А кому-то это даже удается, – шепотом произнесла Марла, вновь рукой попытавшись залезть мне под робу. – Агнес, сними паралич! Там ничего не работает!

– Не буду. И тебе нужно выспаться, и парень пусть остынет. Сейчас орать начнет, что не насильник, всю прибыль нам загубит. Странно, что его не выключило, кстати, – с интересом посмотрела она мне в глаза, будто пытаясь найти что-то на донышке. – Не выключило, слушает. Жаль.

– А давай я ему рот свяжу? У меня и скотч есть! – Тут же достала она его из своей сумки.

– Иногда ты меня пугаешь, подруга, – покачала Агнес головой, отняла скотч и от греха закинула куда-то вниз, к сумкам.

Через какое-то время в наш номер постучались вновь. Тысячу раз извиняясь, Хорхе предложил ужин с мясом.

– У нас пост. – Отправила его брюнетка восвояси.

Хотя б поел… Да и Марла посмотрела на шефа с надеждой.

– Отравят еще, – буркнула та. – Жадность человеческая не имеет пределов. Если хочется спать – ложись спать. Будет легче.

– Да знаю… А можно мне мальчика взять с собой?

– Нет. Положи на верхнюю полку, завтра поиграешь.

– Он упадет!

– Как? В стоячем автобусе? Парализованный?

– Когда я его доставать буду… – Смутилась Марла.

– Тогда на пол клади. – Вздохнула ее подруга. – И спала чтобы головой к стене! Я прослежу.

Укладывались спать без особых задержек – на улице уже смеркалось, светового времени оставалось совсем немного. Спать предлагалось в одежде – монахини только обувь сняли, заменив ее плотными носками.

А меня уложили на пол по центру, предварительно кинув подушку под голову и плед под спину. Холод не особо проникал, может, из-за особенностей паралича – наверное, так можно действительно выспаться и не заболеть.

Вместо выключателя света – закрыли окно и прикрыли его какой-то тряпкой. Вот тебе и ночь.

– Что, все еще злишься? – Хмыкнула Агнес сверху, со своей койки. – Спрашиваешь, почему это происходит именно с тобой? Знаешь, как выбирают самого крепкого и здорового щенка? Его злят. Если побежит с лаем на тебя – он подходит, – мягко спустилась она на пол и поцеловала в щечку. – Остальные – выбраковка и не стоят внимания.

– Я тоже хочу поцеловать на ночь.

– Ложись спать. Проснешься раньше меня – целуй сколько хочешь.

Марла заерзала и тут же затихла. Прислушался – дыхание ровное, спит. И это еще с улицы доносятся пьяные возгласы, шум и пляски – пассажиры нижнего яруса справляли то ли будущее прибытие в Сан-Франциско, то ли еще один день жизни.

Через какое-то время уснула и Агнес – слегка посапывая на спине.

А там и я, досчитав до трех тысяч шестисот, шепнул про себя:

«Снять имитацию».

«Имитация паралича снята».

Осторожные движения шеей – ничего не защемило, ничего не болит. Движения по памяти под койку Агнес – аккуратно снять лямки с двух баулов.

Двигаясь крайне осторожно, вглядываясь талантом, чтобы не проснулись раньше времени, накинуть лямки поверх пледа Марлы, у ног и у груди и через щели у стены провести края вниз, а потом снова на себя – до легкого узла, который легко будет стянуть. Найти скотч, медленно освободить ленту, всякий раз прислушиваясь – не слишком ли громко.

Стянуть лямки готовым узлом, жестко прижимая тело Марлы к койке. И тут же, пока она недовольно завозилась – скотч на прелестные губки.

Блондинка сонно открыла глаза, резко дернулась, пытаясь уйти на сверхскорость. Но увы – талант предсказуемо сбоил, не разрешая взять с собой целый автобус. Марла замычала и попыталась освободиться резкими движениями – получалось так себе.

Рядом что-то сонно пробормотала Агнес – но с ней было проще. Скинуть вниз, на расстеленный плед, замотать в него и, уже не стесняясь, связать скотчем отчаянно ругающуюся Агнес, матерящую почему-то Марлу. Нашим легче.

Подумав, я потратил на Марлу остатки скотча – вновь стянул лямки, которая она успела ослабить, и зафиксировал поверх.

Прикинул получившийся вид и нашел его ласкающим душу. Оставалось совсем чуть-чуть.

Я подошел к окошку и снял с него тряпку. Отсветы костров с улицы попали на потолок и слабо освещали купе – но достаточно, чтобы Агнес и Марла, повернутые друг к другу, увидели друг друга и положение, в котором находятся.

«Внимание! Зафиксировано влияние…»

«Заблокировать», – отмахнулся я, с удовлетворением глядя на округлившиеся глаза Агнес.

Слегка укололо, что Марла смотрела с ненавистью… Но да ладно.

Надо завершать с этой неуставщиной – щеночка себе нашли, вашу мать. Акценты, так скажем, расставить, но без серьезных травм – я все еще хочу побывать в их ордене, завтра им нужно быть на ногах. Да и денег они мне должны.

– Секретный талант, говорите, – негромко произнес я, поднимая подушку с пола.

Чуть надорвал наволочку и, слегка поискав внутри, достал сначала одно подходящее перышко, потом второе.

– Секретный талант, конечно же, – хмыкнул я, сняв с каждой из них носки.

А потом уселся между ними, взял в каждую руку по перышку и подвел их к розовым пяточкам.

– Что же, ночь длинная, поговорим о моем секретном

таланте.

Глава 4

Есть такая поговорка у китайцев – «страшно ухватить тигра за хвост, но еще страшнее его отпустить».

Ночные переговоры шли плохо. Отвязывать двух убийц было нельзя, оставлять связанными – тоже нельзя. Рано или поздно случится Сан-Франциско, автобус придется покинуть – но даже с небольшой форой по времени в чужом городе мне ловить нечего.

Я снимал скотч с губ Агнес, выслушивал то, что она со мной сделает, когда освободится, и возвращал скотч на место. В первый раз меня пытались укусить за палец, так что приходилось придерживать ее за лоб.

Снова возвращался к их пяткам с перышком, доводил до слез, снова снимал скотч, ожидая хотя бы злого молчания и готовности слушать – но в ответ получал схему того, как меня будут резать. После третьего раза Агнес включила в процесс прижигание отрезанного, чтобы я не истек кровью, и меня можно довести до целителя ордена, вырастить части тела заново и резать снова. На самом деле, пробирало здорово – угрозы звучали веско, от знающего как браться за нож человека.

Агнес ни разу не закричала «на помощь!», даже голос не повышала – ей было важно, чтобы я услышал, остальное не имело значения.

Тупик.

– Что же делать-то? – Спросил я тишину, находясь на полу между ними.

Прошло, наверное, часа три – сумерки окончательно свалились с неба, погрузив парковку в темноту. Даже без тряпки на окошке внутри купе ничего не было видно.

Что-то промычала Агнес – наверное, предложила мне не затягивать и быстренько покончить с собой. Тяжело с ней – но, все-таки лидер группы, и говорить я посчитал правильным именно с ней. Хотя…

Я прикусил нижнюю губу, решаясь. Может быть, получится…

Повозившись с сумками, я вновь достал конверт с посланием от приора Эллен. Сел на койку рядом с Марлой, чуть сдвинув ее вбок – она не пошевелилась, не проявила никаких эмоций. Просто смотрела через ночь, догадываясь, где я нахожусь – и от этого взгляда пробирало даже больше, чем от слов брюнетки.

Чуть покрутив конверт в руках, настраиваясь, я вновь начал читать его с самого начала, в этот раз – вслух, для Марлы. Негромко – можно сказать, шепотом – ночной порой этого хватало.

– Тут написано про твою интуицию… – Постучал я ребром конверта по ладони. – Еще говорят про ценности, которые вы везете, но мне до них нет дела. На вашу миссию тоже наплевать. Я уже понял, что там будет много крови и трупов. Я знаю, что тебе и Агнес не в первый раз заниматься этим ремеслом. Если верить письму, вы – идеальная пара, одна останавливает, вторая режет глотки. Наверное, такое ломает душу. Не может не сломать… Наверное, после всего, что ты пережила, кажется нормальным поиграться с человеком. Они ведь, в большинстве своем – те еще сволочи. Других же ты не видела, верно? Убийцы, насильники, бандиты. Они ведь и не очень-то люди? Твоя подруга называет их щеночками, и это вряд ли просто слова. Есть бешеные собаки, которых вы убиваете. Есть просто зверьки – забавные, смешные и постоянно ломающиеся в ваших руках. А люди – это сестры по Ордену. Других людей-то нет, а? Которые могут не захотеть, чтобы с ними поступали против их воли. Так вот, я человек – и я не хочу. Доступно объяснил?

По мере монолога взгляд Марлы менялся: от равнодушного, каким он был вначале – до настороженного в момент чтения письма. От внимательного, когда я описывал их жизнь – до задумчивого, когда я завершил.

– Убивать я вас не хочу и не буду. – Подытожил я. – Но как-то нам придется сосуществовать. Хотя бы до Сан-Франциско. Там я могу отправиться в это ваше «паломничество» хоть завтра, патроны мне не нужны – оставите себе. Обойдусь без документов. Могу поехать с вами дальше и просто не мешать, как договаривались. Могу помочь. Но все варианты – только на правах равного.

Помедлив, чтобы дать время на размышления, я снял скотч со рта Марлы. Та говорить не торопилась – хороший признак, наверное…

– Какой у тебя талант? – Пересохшим горлом спросила она. – Где ты служил? Откуда четвертый ранг?

– Писарем, в штабе. Читал, не вскрывая, конверты. – Усмехнулся голосом. – В одном из них было распоряжение насчет меня. Ушел раньше.

– Вот как… А врал, что не в бегах.

– Вы тоже умолчали о том, что сестру Гретту ожидает героическая смерть. Нет, в вашем слове я не сомневаюсь: билет, патроны и документы вы бы сделали, но зачем они трупу?..

– В письме сказано, что вернутся двое. Мы бы отправили тебя на автобусе…

– Парня, который всем на севере разболтал бы, что он делал с двумя монашками из ордена? Да брось. Я-то – человек

неболтливый, но чтобы это понимать, надо сначала принять меня человеком. С этим у тебя большие проблемы.

– Значит, умеешь читать закрытые конверты… Странный талант.

– Думаешь, меня спрашивали?

– Думаю, нет. Быстро прошел на четвертый уровень?

– Даже выше. Там немного-то и нужно. Зато ментальное воздействие чувствую и блокирую, тоже плюс. В темноте вижу немного, это недавно появилось.

– Я думала, амулет.

– Не, нет. Так что не делайте дырки в теле, все равно ничего не найдете. – Поморщился я.

Про то, что запрятано в теле, умолчал осознанно. Кто его знает, сколько стоят такие вещи сейчас. Беседа хоть и проходит нормально, но наличие ценных вещей в теле собеседника может повернуть ее исход в весьма печальном для меня направлении…

Тут бы убедить для начала, что я им не вреден, а местами даже – полезен.

– Думаю, резать мы тебя не будем. Трогать, раз ты не хочешь, тоже. Начнешь приставать – отниму под корень, понял?

– Полностью.

– Дежурства с нами делишь, в дела наши не лезешь.

– Принимается.

– Сними кляп с Агнес.

– Один момент. – Подхватился я с места и аккуратно снял скотч.

Надо же, на этот раз – никаких угроз вытащить мне глаза, чтобы повернуть их вниз для удобства изучения собственных внутренностей.

– Я ему доверяю, – спокойно произнесла Марла.

– Я – нет. Он знает тайны ордена. Знает, что мы везем. Знает слишком много.

– Но ему это не нужно. Он ведь и сам этому знанию не рад?

– Да идите вы в топку со своими интригами и схемами! – Сорвался я искренне. – Я в Гр… На работе этого вот – по горло! Только вырвался, а вы меня опять в это дерьмо.

– Но ты все еще хочешь попасть в Обитель…

– Я готов разбежаться хоть завтра. Но я не против новых документов и переждать три недели в безопасном месте. Не более того.

– То есть, ты не разведчик, внедренный к нам?..

– Разведчик вот с этим письмецом уже бежал бы к хозяевам этого бетонного загона. И это вы ко мне полезли.

– Иногда бывает так, что ошибаемся и лезем к разведчикам…

– Был бы разведчиком – изображал бы послушного питомца дальше. – Буркнул я.

– Агнес. – Тихо произнесла Марла. – Тогда это самый идиотский разведчик в мире. Про талант сказал, про конверт сказал, пытал так, что я два раза кончила.

Да что ты с ней будешь делать…

– Считаешь, можно верить?

– Он забавный… Опасный… Но не нам. – Уверенно произнесла она.

– Ладно, брат Генри. – Вздохнула брюнетка. – Я отзываю все обещания, данные после того, как ты меня связал. Пусть будет по слову сестры.

Наступил самый ответственный момент. Насколько я им доверяю?..

– Может быть, я последний идиот, – повинился сам себе. – Но тоже хочется кому-то верить.

С этим стал освобождать Марлу – снял скотч, развязал лямки…

– Шефу помоги, – кивнула она, растирая запястья.

Повернулся к ней спиной, снял мотки скотча с Агнес… И все еще оставался живым.

Какое странное это чувство – доверие. Как же плотно оно пропитано ожиданием боли…

– Сейчас ложимся спать, разговоры завтра, – приговорила Агнес, пока я комкал скотч в единый ком. – До утра мало времени. Марла – на вторую полку. Помоги ей, – это уже мне.

Снять крепления верхней койки со стены – несложно, поставить ее – тоже, взять за руку и подвести к верхнему ярусу – полная ерунда.

– Я не пристаю, – шепнул тихонько, подсаживая за попку вверх.

– Ага, – перебралась Марла выше, приняла свой плед и подушку и отвернулась к стене.

Я же занял ее место, накинул на себя забранный у Агнес плед и понял, что вряд ли вообще усну.

«Интересно, инопланетяне вообще предполагали, что вместо азартного убийства чудовищ, добычи ресурсов, поиска и прохождения этого их лабиринта, люди завязнут в выяснении отношений между собой?.. Начнут брать таланты, действующие только против людей. Создадут боевые группы для зачистки и будут „одалживать“ их там, где нужно залить все кровью, отстаивая власть ордена/секты/профсоюза/банды, да без разницы, как назвать. Знали ли, что власти страны начнут гражданскую войну за право ставить свою подпись под

документом?..

Понятно, что, захватив власть, можно сосредоточить в одних руках огромную массу ресурсов. Но дальше-то придется „лечь в ванну“ на очень солидный срок. Слишком много примеров в истории, когда с уходом лидера все рассыпалось, как карточный домик. Даже болезнь – и та повод, чтобы рядом с троном все перегрызлись, разворовали и растащили. А тут – много лет забвения, из которого можно не вернуться…

Стране, по уму, надо просто вырастить бойца, чтобы пройти этот клятый лабиринт – и от нас отстанут. Я уверен, что в Вашингтоне достаточно головастые люди, чтобы знать об этом условии.

Нам просто нужно объединиться, собрать ресурсы, добыть части измененных животных и запихнуть все это в плотину Гувера.

Но вместо этого север снова идет против юга…»

Я печально вздохнул.

– Ты чего не спишь? – Тихо произнесла Агнес.

– Думаю, что мы занимаемся херней. Я принуждаю к уважению пытками. Вы режете людей во славу Ордена. А время-то кончается.

– Какое время?..

– Пять «Эн». Когда всю планету зачистят. У вас в Ордене не знают?..

– Что такое «Эн»?

– Если бы я знал. Но явно больше года. Пять лет-то прошли.

– Так о чем должны знать в Ордене? – Насторожилась она.

– Надо пройти лабиринт. Возвыситься для этого. Тогда от планеты отстанут.

– Это ты в запечатанных конвертах прочитал?..

Подумав, решил умолчать про видеотрансляцию на двенадцать тысяч балбесов. Не поймет.

– Да, от высшего командования высшему. Где-то есть лабиринт, построенный теми, кто все это затеял. Надо стать достаточно сильным, чтобы его пройти. Бойца они заберут себе, и все кончится. На все про все – пять Эн. – Повторил я.

– Выглядит как бред.

– Все вопросы к высшему командованию, – прикрылся я авторитетом вымышленных людей. – Если мир сошел с ума, то причина для этого должна быть не менее сумасшедшая.

– Даже если это правда, – хмыкнула Агнес. – Что ты предлагаешь делать?

– Для начала, не говорить об этом своим командирам, – задумавшись, сделал я неприятный вывод.

– Почему?

– Я вот тут думал над тем, что всем миром можно было бы закатить одному пламенному патриоту грандиозную эволюцию. Ну, чтобы пройти лабиринт. – Закинул я руки за голову. – А сейчас понял, что если так сделать: ну, огромная ванна, неограниченные катализаторы, реагенты… То через какое-то время оттуда выйдет бог. И, наверное, в этом основная загвоздка… Поэтому стоит помалкивать…

– Какая же? – Шепнули совсем рядом, а шеи коснулось холодное лезвие ножа.

– То, что в ордене уже могут выращивать бога, – сглотнул я, стараясь не шевелиться.

Голос принадлежал Марле.

– Кто в вашем генералитете об этом говорил? Имя, звание?..

– Это догадка. Моя, личная. – Понял я, что влип. – Предположение. Несложно догадаться.

– Да ну? – Чуть надавили ножом.

Вроде, не заточенной его гранью, иначе бы кровь уже хлынула.

– Орден, служение, высшая цель. Это ведь просто! Только все равно ничего не выйдет. – Захрипел я от усилившегося нажатия клинка, попытавшись дернуть головой.

– Неужели?

– Марла! Пусть договорит. – Это Агнес.

– Потому что бог может не захотеть идти в лабиринт, чтобы служить потом в каком-то чужом войске. Он захочет быть богом здесь.

– Убери клинок от шеи этого еретика, Марла. Дай мне сесть рядом.

Я осторожно потрогал шею – действительно, без порезов.

– Дай руку. – Потребовала Агнес.

После чего сжала ладонь несколько раз – как-то странно, с явным внутренним ритмом.

Я замер, не зная, что делать.

– Он не из посвященных, – констатировала она.

«Не ответил на пароль?..»

– Может, он просто настолько умный, что дурак? – Предположила сверху Марла.

А ведь вокруг так же темно – толку было в моей помощи, если сама легко справилась…

– Я в ваши дела не лезу! – С жаром заверил я. – Просто рассуждал о проблемах мира!

– То-то тебя списать решили. Часто рассуждал не с теми людьми?

– Ну, тут компания вроде приличная… – Осторожно сказал я.

Сверху заржала Марла.

– Короче, умник. Говорю в первый и последний раз. Забудь, никто никого не выращивает. И размышления свои держи при себе. Если хочешь поговорить о том, что прочитал в конвертах – я дам тебе такую возможность. Сначала ты мне напишешь подробный отчет, а потом мы, так уж и быть, подробно поговорим о каждой написанной строчке.

«Да е-мое!»

Говорила мне мама: «врать нехорошо». Но не уточняла, насколько вредно это бывает для здоровья…

Но, вроде, сегодня еще поживу.

Надо же – ткнуть пальцем в небо и попасть в особо охраняемую тайну. Еще и рукопожатие это – к чему оно было?..

– Прекрати думать и спи, – распорядилась брюнетка, возвращаясь на место.

Легко сказать… Но, в целом, лучше не выпендриваться – повернулся я к стене, подбив подушку под голову.

Да какой тут не думать! Они обе знают, что Орден выращивает бога – может быть, прямо сейчас где-то в закрытом и особо охраняемом бассейне зреет нечто, что пойдет крестовым походом на остальные земли…

«Еретик» – ложится в версию, что они поддерживают действия своих шефов, отвергая мысль, что новоявленный бог просто захочет поклонения и жертв… Посвященный – тоже в эту кассу, есть тайна, есть посвященные…

Но рукопожатие не выходило из головы. Какая-то своя, внутренняя группа? Способ определить союзника, который якобы случайно завел разговор на опасную тему?.. Что-то еще, мне не понятное?..

А, к демонам это все…

Я уставился в стену. Чтобы отрешиться от мыслей, зашарил талантом через стены, разглядывая соседние купе. Соседей ни справа, ни слева у нас не было – наверное, монахини настояли на этом, покупая билеты. Занятые «вип» номера были ближе к кабине, и там мирно спали – не разобрать даже, кто.

Под нами никого – из «эконома» всех выгнали на улицу. Я слышал, как отмывали отсеки внизу – наверное, перед большим городом это было необходимо. Если там досмотр при въезде, например – это сколько с хозяев автобуса сдерут таможенники, если им придется ходить по грязи и дышать многодневным амбре работяг…

На крыше дремал Хорхе рядом с пулеметом. Расслабился – в безопасном месте, да предчувствуя завершение пути…

У меня завтра все только должно было начаться. Сестре Гретте могли передать имена, с кем она должна связаться – и будет странно, если она станет избегать этих встреч. А у меня даже намека на них нет – хоть бы какое завалящее письмецо или записка остались в вещах… Надеяться, что подойдут сами?..

– Ты слишком громко думаешь, – шепнула Агнес.

Я притворился, что сплю, и не ответил.

А вот странно – приор передала коммодору Маурин ценности. Эдакую дань – за теплое место и прикрытие от завистников. Случай удобный – едут свои люди, они же выступают нехилой такой охраной. А ее зам, эта Кристен? Она почему не заслала долю наверх?

Или передала – но это уже присвоено монахинями? Тогда где гребанное письмо? Нельзя засылать без теплого слова или хотя бы уважительного поклона! Такое даже на улице недопустимо. Тебе работать дают, место выделили – прояви уважение. Это не доля, а подачка какая-то получается. На словах передать… Вон, Агнес с Марлой вообще «посвященные». Но даже им не надо знать всего – я же заметил, когда читал письмо, с какой заинтересованностью Марла слушала.

– У Гретты было свое письмо? – Шепнул я, не выдержав. – К коммодору Стефании?

Через пару минут тишины я уже подумал, что все спят, и решил отложить вопрос до утра.

– Нет. – Все-таки достался мне ответ.

Значит, верна была моя догадка, что мне просто дали «обыскать сумку еще раз».

Я вновь перевернулся на спину.

– «Нет» или вы не нашли?

– Нет, не нашли.

– А подарки? Как от вашего босса?

– Нет. – Помедлив, признала Агнес.

– Ерунда получается. – Подтвердил я собственные сомнения.

– Вот и я о том же, – шепнула сверху Марла. – Но мы все смотрели. Даже внутри…

– Без подробностей, – поморщился я.

– Была команда «отбой» по подразделению, – строго сказала Агнес.

– Да это я так, – вздохнул, извиняясь и поправляя плед. – Завтра подойдут, а я глазами «хлоп-хлоп». Нехорошо может получиться.

– Обойдется. Говорю же, никогда сестра Гретта в Сан-Франциско не была. И людям из Сан-Франциско ее не представляли.

Тут верю – глупо знакомить снайпера с возможными будущими целями. Раз у них такая активная политика…

– Но если Гретта перестанет знать, что должна сделать по прибытии… – Закинул я.

– Да успокойся, хватит паниковать! – Прошипела Агнес.

– … как бы не посчитали это наведенным ментальным воздействием.

– … вот же ты человек неприятный, – подумав, признала брюнетка. – Сам не спишь, другим не даешь.

– Должно быть письмо. – Гнул я свою линию.

А если его не будет – я хотя бы должен быть уверен, что сделал все для его поисков.

– Ты как далеко видишь талантом? – Поинтересовалась она.

– И как давно смотришь на меня-голенькую? – Возмутилась Марла. – А ну отвернись к стене.

– Мне нужно, чтобы вы отсели в сторонку, – проигнорировал я блондинку. – Вы слишком сияете для моего таланта, ничего за вами не видно. Попробую поискать.

Про цветные искры на их теле благоразумно промолчал. Тут, блин, за ночь и так чуть два раза не зарезали…

– Это можно. Марла, садись рядом.

– А утром нельзя?.. – Проворчала она.

– В пути отоспимся. Брат Генри, действуй.

Ну я и принялся осматривать одну сторону купе, деловито разбивая материалы обивки «на слои», как было с письмом – пригодился опыт.

Можно было действовать и самому, никого не поставив в известность – но зачем, если результат нужен нам всем? Так что – сумки сгрести в одну сторону, одеяла и прочее – на монашек сверху. И внимательно смотреть, не промелькнет ли что.

Особую надежду я возлагал именно на «свою» стену – именно тут лежали сумки Гретты, тут она отдыхала: на том самом месте, где и я. На нижней койке, как командиру группы и положено. А раз в сумках нет… Остается либо тайник в каком-то другом помещении – вроде сортира, но тут таких удобств нет, вместо него выдвижная лестница над пролетающей снизу дорогой и редкие привалы. Либо временная захоронка рядом с собой. Гретта могла предположить, что в ее вещах захотят покопаться.

– Ну и? – Поторопила через какое-то время Агнес. – Пусто?

– Да как сказать, – я прикусил губу, уже готовясь признать, что зря всех растормошил.

Потому что было передо мной что-то неправильное. Как бы это объяснить… Я смотрел на стену, рассматривал ее слоями, переходил на сектор рядом, повторял – и ловил себя на мысли,

что талант сбоит. Он был каким-то… Медленным? И дело не в усталости – на других-то областях никакой задержки нет.

Я протянул руку перед собой и потрогал обивку рядом с койкой. Да самая обычная обвивка!..

«Это в ржавом-то ведре?..» – прикусил я губу. – «Так… Интересно… Нужно проверить».

– Марла, дай руку и закрой глаза.

– Где ты был с этим предложением днем.

– Для дела нужно.

– Ну раз для дела…

– Да не в штаны ко мне лезь, дикая! Расслабься, я раскручу тебя. Расслабься и не считай обороты!

– Расслабилась. Голова кружится! А глаза обязательно закрывать? Все равно ж не видно.

– Обязательно! Отлично. Теперь я подведу тебя к окну, ты коснешься стекла и скажешь, какое оно на ощупь. – Повел я ее к койке, к участку стены над ним. – Осторожно, тут стульчик, придется нагнуться вперед. Тянись… Коснулась. Ну?

– Обычное стекло, – пожала она плечами. – Холодное, чуть влажное. Надо бы проветрить.

– Спасибо, Марла. Ты очень помогла. – Аккуратно помог я ей встать нормально.

– Это что за хрень? – Отреагировала Агнес.

Темно-то темно, но свет от звезд с улицы прекрасно обрисовывал прямоугольник окна – видимо, тучи ушли с неба. И рядом с окном нас не было. Мы стояли возле моей койки.

Чиркнуло зажигалкой – Агнес зажгла маленький огонек.

– Марла, свечи. – Скомандовала она.

Три восковые свечи нашлись в пару мгновений – настолько быстро, что затух огонек зажигалки, и чиркать пришлось заново.

– Марла, ты точно помнишь, что касалась стекла?

– Точно, – уверенно ответила она.

– Интересно… – Агнес приблизилась к стене и принялась словно бы «зачерпывать ее» пальцами, пытаясь ухватиться за нечто невидимое. – Нет, не получается. – Отчаялась она, прикусив губу.

Марла вопросительно посмотрела на меня.

– Какое-то прикрытие стены. Ментальное воздействие высокого уровня.

Выше моего.

– Я ничего не вижу. Стена и стена. – Марла тоже попыталась ухватиться за обивку купе. – Может, поджечь?

– А по заднице за порчу ценного имущества? – Отозвалась ее шеф.

– Дайте попробую, – отодвинув девушек, уселся я на койку.

Положил руку на обивку, ощущая приятный шершавый материал и применил талант – пальцы лежали на воздухе в пяти сантиметрах над ней. Надавил сильнее – не поддается, что-то есть. Повел руку в сторону, пока не коснулся стены в самом деле.

– Ой!

– Что? – Обернулся я на Марлу.

– У тебя рука в стену ушла.

– Это хорошо…

Я провел пальцами вверх, влево, вниз, наблюдая за ними талантом – тактильно ощущения были одинаковыми, стена и стена, и, если бы не возможность видеть реальную картину, черта с два я бы определил участок тридцать на тридцать, выступающий над ней.

Вдумчиво прощупав подушечками грань еще раз, нашел край, словно бы слегка отогнутый – ухватился за него и потянул к себе.

На постель вывалился серый мешочек и конверт.

Глава 5

Металлический гул и отвратительно-бодрый голос прямо-таки настаивали на том, чтобы вылезти из койки и сделать с утра кому-нибудь что-то сильно плохое.

– Приехали, бездельники! Вальехо! – Бил чем-то железным по щитам над колесами местный водила, испытывая какое-то совершенно мерзкое воодушевление.

Еще и Вальехо! Что орать-то?! До Сан-Франциско еще куча мелких городков – это он так каждый раз объявлять собрался?

Подушка, натянутая на голову, помогала слабо – железный корпус автобуса резонировал под удары.

– Встаем-встаем! Стоянка – десять минут! Вещи не забываем!

– Да что ты будешь делать, – вскинулся я на постели.

Поискал, что бы такого подхватить, чтобы кинуть этим в окно, и озадаченно замер от картины благовоспитанно попивающих чай монашек за выдвинутым у окна столиком.

– Можно мне чашечку? – Присел я на постели, пытаясь ногами нащупать ботинки.

– Не успеем, – мотнула головой Агнес.

– Да мне этому нехорошему человеку на голову вылить… А куда не успею? – Сбился я.

– Выходим, наша остановка. – Кивнула та на выход.

Я проследил взгляд – стояли собранными все сумки.

– Так нам ехать и ехать… Наверное… – Сбился я.

Понятия не имел, где тут их Обитель – может, в пригороде. Может, Обитель отвечает за большой город, а сама где-то рядом с Вальехо.

Так что, не став спорить, принялся быстренько одеваться в «служебное».

– Могли и пораньше разбудить.

– Мы пытались, – пожала плечами Агнес, выразительно посмотрев на Марлу.

– Что? – Не понял я.

Вроде, ничего такого не снилось. Да и договорились мы держаться формально, не переходя границы.

– Да вот, – откинула блондинка прядь волос, показывая тонкий шрам от лба к виску. – Собралась будить, так из твоей руки вылетела железная спица и чуть не убила.

– Ой… – Сел я на койку.

– Пришлось прыгать в окно и убегать, пока она не отвязалась. Ладно, хоть вернуться позволила. – Криво улыбнулась она.

– Так вот, писарь из штаба, – продолжила за нее Агнес. – Если

я сейчас услышу, что это ручка у тебя такая, то мы выходим, а ты едешь дальше.

А ведь реально собрались тихонечко уходить.

– Так получилось.

– Мы на верном пути, – поощрительно кивнула Агнес. – Подробности?

– Выдали для самообороны. – Весомо заявил ей. – Место ведь ответственное. А потом я с ней эволюцию прошел пару раз. И вот, так получилось.

– Врет, – скептически цокнула языком Марла.

– Врет, конечно. – Согласилась вторая. – Там уровень не меньше пятого, охрана хозяина во сне. У нас в Рино такого даже у приора нет.

– Зато есть другая дрянь, – кивнул я на сумку сестры Гретты.

Где внутри, прикрывая рюкзак со снайперской винтовкой, преспокойно жрала себе яблоко тварь уровня эдак десятого, обладающая почти совершенным способом к сокрытию.

На общее счастье, кушать этой штуке было без разницы что – хоть плоть, хоть растения. Но ело оно постоянно, медленно и неотвратимо – все, что ей попадется. И за прошедшие пять лет, не имея конкурентов в природе, изрядно заматерело.

Прилипало оно к чему угодно – полагаю, прилипни к человеку, и тот – да и окружающие его люди – будут до последнего думать, что с ним все в порядке. Пока не доедят.

Именно это создание прикрывало тайник на стене – и, думаю, никогда бы мы его не нашли, если бы не я.

Да и потом никто бы не нашел – тварь бы доела то, что положила ей Гретта, и переключилась бы на пассажиров…

Короче, у них тут жутчайшее создание, которое только может существовать, а они с претензией к совершенно безобидной спице – погладил я руку. А та ответила спектром радостных и довольных эмоций.

«Проснулась, милая», – заворковал я.

– Ты разговор в сторону не уводи. Понимаешь, Генри. – Отодвинула от себя допитую чашку Агнес. – Ты нам нужен. Не скрою, это так. После письма этой дуры своей начальнице – нужен еще сильнее. Но неясности с тобой размером вот с этот ржавый автобус, – покачала она головой. – Попахивает от них так же.

– Да я вижу, что нужен, раз все еще чай пьете, – вздохнул я. – Марла, – обратился я к ней.

– Не лезь ко мне с интуицией. Я с утра на тебя злая. – Демонстративно отвернулась она к окну.

– Что-то мне подсказывает, что будить ты меня собиралась не

поцелуем в щечку?

Есть такое подозрение. Спокойствие после того, как человек огреб, обычно достигается по той причине, что человек знает – было за что.

– А если именно поцелуем? – Холодно отозвалась она разобиженной принцессой.

Спица в руке подала эмоции возмущения, а в голову неожиданно ударили резкие, угловатые, но вполне узнаваемые образы Марлы с половой тряпкой на шесте в руках.

– Значит, грязную тряпку из коридора притащила? – Нахмурился я. – И этим – мне по лицу?

Марла дрогнула и чуть не пролила чай в поднятой кружке, но тут же прикрылась ей, чтобы скрыть смущение.

– Вот про это я и говорю, – постучала пальцами по столу Агнес. – Ты еще с оружием разговариваешь? Шестой уровень, не меньше.

– Да что вы привязались с этими уровнями, – продолжил я одеваться. – Главное, чтобы человек был хороший.

– Мутный человек хорошим не бывает.

– Я вам много плохого сделал? – Приостановился с робой в руках. – Да вы бы этот тайник, да письмо…

– А если для твоих планов было нужно, чтобы мы нашли письмо и тайник?

– Тогда конец вам, смертные душонки. Во власти вы моей, и вечная служба заменит вам саму жизнь… Эй, чего бледнеть-то? Шучу я, шучу. – Махнул я на этих впечатлительных рукой, отправившись разыскивать носки. – Марла, где носки, ты спрятала?

– Моя вина, господин, – смиренно шепнула она.

– Марла, – укоризненно посмотрела на нее подруга.

– Еще я подложила слишком толстую стельку в один из ваших ботинков. Разрешите убрать?

– Марла! – Хлопнула кулаком Агнес по столу.

– Что? Нормальный господин, – пожала та плечами. – Может, даже отшлепает.

– Уф-ф, я уж надумала, – театрально схватилась ее шеф за сердце.

– Короче, у меня жизненные обстоятельства, – я сам вытащил лишнюю стельку из ботинка. – Дайте мне отсидеться спокойно.

– Много людей убил?

– Одного. Не убил…

«Съел», – подсказал внутренний голос, что меня аж передернуло.

– В общем, случайно вышло.

– Это был сильный возвышенный? – Уточнила брюнетка.

– Можно так сказать. Но вы его не знаете, – махнул я рукой. – Там столько времени прошло…

Неправильная какая-то тишина в вагончике. Ой, чувствую, палюсь…

– Сколько лет господин проходил возвышение? – Мягко уточнила Агнес.

Я покосился на нее с испугом.

– Хоть ты завязывай! Носком кину! Кстати, где носки?

– На потолке, – с готовностью подсказала Марла.

– О, точно. – Покрутил я головой и потянулся рукой вверх.

Потолки низкие, не проблема.

– М-да, – подытожила какие-то свои внутренние размышления Марла.

– Щеночек, твою мать, – с непонятными эмоциями произнесла Агнес, задумчиво глядя в пустой стакан – с тоской, что там нет чего покрепче.

– А ведь мог бы и убить…

– Я ж добрый. Положительный персонаж. – Заверил я их.

– Ты тому мужику скажи, которого прикончил.

– Не, там вариантов не было. Он хотел меня съесть.

– И ты съел его? – Недоверчиво покосилась Агнес. – Пожрал талант?

– А какой? – Восторженно спросила блондинка.

– Вру красиво. – Емко завершил разговор, вдевая ноги в боты. – Где тут у вас форменный берет? Монашеская фуражка? Как ее там?

– Велон.

– Вот он, – кивнул я, глядя нетерпеливо.

– Я за то, чтобы он пошел с нами, – оглянулась Агнес на подругу.

Вместо ответа Марла дернула поцарапанной щекой.

– Ты читала письмо. Если сестра Гретта не сможет нас убить, коммодор Стефания должна позаботиться об этом сама.

– Эта «Гретта» может нас убить. – Упрямо посмотрела на нее блондинка.

– А брат Генри – не будет, – уселся я одетый на койку. – Марла, ты же всегда была за меня? – Слегка удивился даже.

На попытку меня столь экстравагантно разбудить – наплевать и растереть. В школе, вон, после того как пару раз отхватывали жестко, все равно пытались прощупать – не почудилось ли им.

Так что угомонится. Причем, скорее рано, чем поздно – уже огреблась внепланово поутру. Так что пробуждение Спицы – это в кассу. Да и вообще, я оружию оказался сильно рад – той самой

любовью, что может быть только к кошкам, да собакам. К существам, которые тебе рады просто за то, что ты есть.

– Не после того, как пробежала пару миль, – хмыкнула Агнес. – Ей не нравится, что ее может что-то догнать.

– И надавать за все художества? – Иронично улыбнулся в ответ.

– Именно. Это я ее тут чаем пою. Иначе бы давно ушли.

– Так допивайте и раздевайтесь. – Махнул я рукой, подводя итог беседе, и принялся стягивать с себя неудобную робу.

– Ну, допустим, минут пятнадцать нас автобус еще подождет, – задумчиво покосилась Агнес на бодро принявшуюся раздеваться Марлу. – Но потом-то все равно выходить.

– А нам точно не в Сан-Франциско? – Замер я.

– Никто туда через мосты не едет. Мостовой сбор – десятая часть всего, что при тебе. И цену мостовые определяют сами. – Пояснила та.

– А-а… – Принялся одеваться я обратно.

– Агнес, ты все портишь! – Возмущенно притопнула ногой Марла, уже раздевшаяся до нижнего платья.

– Хотела бы раздеться – хватило бы секунды. Хватит дразнить, – пригрозила старшая. – Договорились же – работаем вместе.

Это когда договорились? Я все еще не против три недели проваляться в келье – когда стены не являются препятствием, такое даже заточением не назвать.

«Кстати, что там у нас снаружи?» – Применил я усовершенствованный талант и замер от открывшегося обзора на место стоянки автобуса.

Проекция отражала широченную стоянку перед сгоревшим зданием Воллмарта, на которой наше ржавое транспортное средство соседствовало еще с пятеркой таких же. Один автобус, правда, уже никуда точно бы не уехал – стоял без колес на кирпичах и, судя по двум пулеметам наверху, выполнял функцию огневой точки и прикрытия места выгрузки. У пулеметов под раскрытым зонтом скучали два татуированных типа в джинсовках с каким-то логотипом на спине – спинки стульев не давали разглядеть, но что-то на тему шестеренок.

Хотя местные, видимо, полагали окрестности безопасными – от автобуса уже отделилась группа бывших пассажиров и пешком двинулась на юго-запад, в сторону видневшегося там моста.

– С пещцев денег не берут? – Опомнился я.

И только сейчас заметил крайне эротично одевавшуюся перед лицом Марлу, с досадой смотревшую на меня. Я ж в угол взглядом уперся и на нее – ноль внимания.

– Один патрон с человека.

– Тогда да, лучше ножками пройтись, – согласился я.

Кивнул Марле – мол, продолжай, а сам снова уставился в угол и продолжил наблюдение.

Было рядом с автобусами еще кое-что интересное – первое, это что-то вроде мини-рынка за отдельным забором. Вход туда, видимо, был тоже платным – но люди возле лавок имелись, о чем-то разговаривали, к чему-то приценивались. Видимо, даже что-то продавали свое – при мне доходяга из автобуса показывал какой-то клок шерсти продавцу, вытащив из заплечной котомки, и яростно что-то доказывал. Видимо, убеждал, что это – реликт от монстра сотового уровня, а не рваная женская шапка. Продавец улыбался и качал головой, но гнать взашей не торопился – наверное, скучно им, а тут хоть какое-то развлечение.

– Агнес, у нашего Генри батарейки сели, – обеспокоенно похлопали ладонью перед лицом.

– А? Это я с открытыми глазами сплю, – потер я их руками. – Очень полезное умение.

– Для писаря? – Отозвалась Агнес.

– Для распоследнего вруна, – предложила блондинка, резко отвернувшись, будто я ее страшно обидел.

А ведь секунду назад был «нашим». Ладно, остальное разгляжу на выходе – закинул сумки на плечи и чуть присел в коленях от слитного «куда?!».

– Да что опять не так? – С раздражением повернулся к ним.

– Сестра Гретта, – мягко окликнула меня Агнес. – Какого хрена ты нацепила восемь сумок на себя и прешь походкой грузчика? Ты же девочка!

– Так, давайте без этого, – покосился я на уже собравшуюся что-то вставить Марлу. – Сумки на себе не тащить, это я понял. А кто их понесет?

– Кто-то? Обслуга автобуса. Мы, монахини, смиренно ждем помощи у сильных и благородных мужчин. – Пропела старшая.

– Еще можно кому-то в рыло дать и пистолетом пригрозить, – добавила Марла.

– Но только если им не хватает собственной добродетели для правильных поступков! – Сложила Агнес ладони перед собой.

– Понял, тяжелое не трогаю. По походке что?

– Ты шагаешь как солдат в бордель – слишком широко, слишком быстро и со слишком деловитым выражением лица. – Вступила Марла. – Шаги – мельче, никакой торопливости, взгляд – задумчивый и кроткий. Короче, знаешь состояние, когда съел что-то не то, и сомневаешься, дойдешь ли до сортира?

Я проникся и постарался изобразить.

– Вот! Идеально! – Поощрила кивком блондинка. – Голову чуть ниже, дышим через ротик… Да перестань ты через свои яйца перешагивать! Не сгибай колени! Вот так!

– Да как вы вообще ходите! – Возмутился я.

– Сноровка нужна. Ничего, потом научу – мужики шеи сворачивать будут.

– Давай вот этого не надо, – поморщился в ответ.

– Но сортир все равно придется выбирать женский.

– А в Обители бывают другие? – Полюбопытствовал вполне искренне.

– Нет, но ссать стоя не надо.

– Да уж разберусь.

– Так, а ну уселись и лица праведные состроили! – Шикнула Агнес. – За нашим багажом поднимаются!

Получилось, как и предсказала босс – сумки предложили отнести, с чем мы смиренно согласились. Даже с лестницы мы спускались не самостоятельно – она там без поручней, железная. Дам было решено просто взять на руки – так проще.

– Ого, – хекнул от натуги Хорхе, взвалив на руки. – Вы, случайно, стол и койки с собой не прихватили? – попытался он пошутить, пыхтя на железных ступенях.

«Да что б ты сдох, хамло!» – сказала бы, наверное, типичная женщина.

«Это я пожрал плотненько», – басом ответил бы я и полетел бы с этим обалдуем с высоты на асфальт.

Скромная монашка промолчала.

Нас поставили рядом – Хорхе сделал это с величайшим облегчением.

– Ваш билет на любой рейс нашего профсоюза, – обращаясь к Агнес, с поклоном преподнес красный кулон на цепочке водила с цветастой шапочкой. – На нем нужно записать название любого города – пока вас не довезут, все будет бесплатно и по высшему разряду.

Обращение он явно репетировал, потому как, отдав кулон, отступил назад, выдохнул и вытер пот шапкой с лица.

– Совсем скоро, между нами не останется обид, – намекнула брюнетка на патроны.

– Не сомневайтесь! – Кивнул он и, будто опомнившись, стянул с плеча подсумок песчаного цвета. – Тут три сотни патронов! Остальное соберу через три недели!

– Мы решили, что вина ваша не столь велика. – Покачала Агнес головой. – Пусть будет не две тысячи, а тысяча.

– Благодарю вас, мисс, – радостно вздохнул он.

– Вам не составит труда найти для нас приличный кэб? –

Попросила монахиня.

И тот, разумеется, не отказал.

Было еще кое-что интересное на парковке, что я не успел рассмотреть – то самое «второе», в виде самых натуральных велорикш – целый закуток их присутствовал за символическим ограждением, а определенная их часть уже ехала вместе с богатыми пассажирами в сторону большого города, обогнав пешцев. Надо сказать, в передачах про Индию подобные транспортные средства смотрелись симпатичнее – технологичнее как минимум, в заводском исполнении, а не велосипедами с жестко приваренной платформой для пассажиров. Впрочем, минимальный комфорт обещался – колеса платформы были на рессорах, сзади находилась багажная полка, а над головами был раскрыт тент от солнца.

Еще у «наших» были значки «Мерседеса», «Форда» и «ДжиЭмСи» под рулем. Номеров не наблюдалось.

– Кэбы считаются как пешеходы, – шепнула тихонько стоявшая рядом Марла.

Видимо, взгляд был слишком удивленным – я вернул себе прежнюю скорбь и кроткость, стараясь их поддерживать.

Хотя не округлить глаза все равно было сложно – когда перед нами подкатила настоящая карета с двумя велосипедистами позади, одним велосипедистом-рулевым впереди и роскошными кожаными креслами под стильными белыми зонтами. Не хватало только слуг с опахалами, которые бежали бы рядом.

Под рулем головного велосипеда красовался логотип «Роллс Ройса».

– Не слишком ли, – усомнилась даже Марла.

– Вряд ли мы можем принять это, – озвучила свои сомнения Агнес.

– Подарок от чистого сердца! – Заверил водила. – И к тому же, коммодор Милена в прошлый раз выбрала именно этот экипаж!

– Так то коммодор…

– Но она сказала: что от чистого сердца – то тяжкий грех не принять!

– Ну раз она так сказала, – прищурилась Агнес. – То не нам идти против слов коммодора. Сестры, возблагодарим же Его за щедрый дар от верных последователей его.

– Вам помочь подняться? – Озарился улыбкой водила.

– Нет необходимости, – деловито подошел пилот головного велосипеда. – Тут выдвижная подножка, – продемонстрировал он чудо техники.

Позади обрадованно выдохнул Хорхе.

– Багаж разместите у ног. – Попросила-распорядилась брюнетка. – Я слышала, из багажа подворовывают на ходу.

– Только не у нас! – Решительно отозвался велосипедист, похлопав по кобуре револьвера на поясе.

Такие же были у «велосипедистов-движков».

– Тем не менее, там важная духовная литература. Возможно, сестры захотят скоротать дорогу за чтением.

– Как изволите, – пожал он плечами.

– Едем, – кивнула нам Агнес.

Первой забежала Марла. Потом забрался я – конструкция чуть качнулась в мою сторону. Да что ж такое…

Благо, старшая сориентировалась и уселась противовесом напротив Марлы – а там и сумки отбалансировали конструкцию.

– Счастливого пути! – Радовался нашему отбытию персонал автобуса, чуть ли не махая вслед.

Велосипедисты принялись деловито крутить педалями, и конструкция начала довольно бодро набирать скорость.

Солнце не палило, ветер приятно обдувал кожу, впереди был огромный и интересный город. Чего еще нужно?

– Сейчас доедем, вы из кэба не торопитесь выходить, – негромко сказала Агнес. – Хочу скандал устроить.

Ну конечно же – не хватало хорошей драки.

Глава 6

Друзья погибшего отца часто возились со мной – я как-то упоминал об этом. Неплохое времечко, приятно вспомнить. Кое-что, конечно, с тех пор забылось навсегда. А на что-то я не обращал внимания, просто не понимая увиденного – и только когда подрос и переехал в старшую школу, вспоминал некоторые моменты с удивлением.

Например, совместные посещения стрельбища – в такие места мои новые «взрослые друзья» надевали форму, оставшуюся со службы. Такой там был дресскод – место для отставных военных, «только свои».

Странность заключалась в том, что нам охотно уступали дорожку для стрельбы люди старше по званию. В детстве-то объяснение находилось простое – уступали из-за меня. Как стал постарше понял, что хрена с два кого бы разжалобил ребенок.

Тогда все казалось иначе – все вокруг были друзьями, не было субординации, закрытых каст офицеров и солдат, которые обычно старались не пересекаться даже на гражданке.

То, что это не «коллеги из заповедника», мне в те годы тоже было вообще без разницы. Это уже потом, когда мать вручила мне-уезжающему футляр с отцовскими наградами – чтобы не попадался ей на глаза в новом доме и новой семье, наверное – вот тогда я понял, что «Пурпурное сердце» вряд ли дадут на мирной службе. Хотя если бы первой попалась завалявшаяся на дне «За кампанию в Афганистане», то и размышлять бы не пришлось. Батя отслужил, вышел в отставку, занялся мирным трудом. Параллельно заделал меня и развелся.

Так что отцовы товарищи – они тоже от «Дяди Сэма». И из наблюдений за ними – осознанными гораздо позже – я понял, что кроме званий есть неформальные признаки старшинства. Например, принято уважать военных ветеранов.

Ну а если ветераны захотят взять слово – им как минимум дадут высказаться.

Не знаю, в каком церковном чине была Агнес, но строила она представительную компанию, вышедшую встретить «Роллс Ройс», вдумчиво и энергично. И ее, что характерно, все эти кругломордые и пухлощекие слушали с великим вниманием.

– … и что увидели мы с сестрами?.. Миряне считают, что это нормально – дать взятку служителям Его! Что мы возьмем ее, прикрывшись самооправданием о ложном грехе! Что нет больше в сердце и душе наших смирения! Ради этого несем мы слово Его в самые дальние уголки штата? Ради этого сестры крепят доверие к

Ордену среди простых людей, испытывая лишения в попытках помочь им, жертвуя здоровьем, а зачастую – и самой жизнью? Чтобы вы здесь вот на таких каретах рассекали?!

Место для проповеди находилось почти у самого въезда – постовым тоже было слышно. Да и при звучном голосе сестры – разносился на всю Маккалистер стрит, хотя обращалась она в первую очередь к сестрам, вышедшим из восьмиэтажки, сложенной из бело-желтого кирпича. За спиной располагалось гораздо более величественная постройка с колоннадами и мрамором – там тоже мелькали чьи-то лица, и, возможно, пламенная речь была рассчитана в первую очередь на них. Там-то явно кто-то непростой обитал.

Мы с Марлой встали чуть в стороне – нам было велено присматривать за лицами недобровольных слушателей, когда Агнес поворачивалась к ним спиной. Мало ли что промелькнет на благостных лицах.

Я этим занятием пренебрег, все еще переживая внутри себя поездку по крупному городу. Да и не сосредоточился бы никак – эмоций было слишком много.

Сан-Франциско производил впечатление очень контрастное.

Я и в Вингстоне видел запертые кварталы – забаррикадированные хламом или машинами. Но пройти по городу из конца в конец – при определенной доле осмотрительности – все-таки было возможно вполне свободно. В Сан-Франциско блокировано было все – улицы перекрывали баррикады, упиравшиеся в дома с заложенными кирпичом окнами на нижних этажах. Да, были условно «свободные улицы», вроде широченной Маркет Стрит, по которой мы ехали, вывернув с побережья – забитой нищими, попрошайками, жульем всех мастей, не стеснявшимся лезть на ступени кэба – наше сопровождение без затей стреляло по особо наглым, и выстрелы резонировали между домов. А эхом им – слышалась стрельба дальше по улице, где тоже кто-то ехал. Даже мне довелось впечатать свой ботинок в лицо прыгнувшему сумасшедшему – тот мирно валялся на проезжей части – охрана прозевала и его, и нож в его руках.

– Отличный удар, мисс, – одобрительно отозвался водитель.

А я вопросительно посмотрел на Агнес с Марлой – с их-то талантами нас бы никто не потревожил. Старшая даже бровью не повела, а Марла все-таки шепнула на ухо: мол, нечего рекламировать свои таланты на весь город.

При этом, Сан-Франциско выглядел весьма неплохо. Чувствовалось, что город живет – ни одного обветшалого дома и рваных черных пакетов вместо окон. Рядом с блокпостами в

закрытые кварталы поддерживалась идеальная чистота – нищие не пересекали незримую черту рядом с ними. Опять же, дорога, по которой мы ехали, не была перегорожена – то есть, местной голытьбе не позволяли этого делать.

У меня, в общем-то, было сочувствие к обездоленным людям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации – но после нескольких попыток зарезать и обокрасть мирных монашек, оно изрядно поубавилось. Желания читать нотации и учить, как жить, впрочем, тоже не нашлось – сам чуть дважды в рабство не попал и некоторое время работал за еду. Да и сейчас – не сказать, что будущее безоблачно. Вот уж кому точно стоит держать свои советы при себе…

Но самое важное, в Сан-Франциско была власть – тот самый кулак, что выбивает за свою территорию все беззаконие, позволяя детям гулять по улицам, а женщинам в одиночку ходить по гостям. Это, пожалуй, самое сильное впечатление от посещения монастырского квартала, занявшего солидную территорию за развилкой на Голден гейт авеню – стоило заехать внутрь, и как в прошлое вернулся. Чистые окна, гул кондиционеров(!) на первых этажах, спокойно прогуливающиеся люди и цветники, разбитые в клумбах по обочинам – правда, утилитарно-практичные, со всяким съестным. Из необычного, разве что, перекинутые мостки между домами на высоте – чтобы не выходить на улицу.

В общем, порядок был такой, что хотелось тут жить. Возможно, в остальных кварталах не хуже.

Проблема, что властей в городе было слишком много – на каждом закрытом квартале, который мы проезжали, был свой герб – обычно простенький, неброский, без закоса под средневековье, но все-таки герб, намалеванный на щите при въезде.

Да даже у мостов в сторону города был герб – тот самый мост белой краской, соединяющий синие берега. И зарабатывали там неплохо: держали нехилую охрану при автоматах и броневиках на въезде и выезде, жили с семьями – целый городок был в опорах на мосту Зампа, который мы проехали первым, а на Треже айленде, люди которого подгребли под себя мосты между Окландом и Сан-Франциско, были целые поместья с обрабатываемыми полями. Машины ведь глохли, оказавшись поднятыми на метр от земли. С наката проехать мост было невозможно, так что владельцам грузовиков приходилось платить – за буксировку на веревке, в которую были впряжены крепкие мужики. Ну а так как товаропоток между крупным центром и областью не останавливался, то у хозяев мостов с десятины были и продукты, и оружие с патронами, и товары на обмен.

Думаю, остальные «гербовые» кварталы тоже существовали по

принципу «маленького штата» в большой стране – свои правила, своя территория и какой-то специфический товар или услуги, необходимые остальным. Кто-то наверняка грызется по мелочи, конкурирует, мягко или грубо отжимает рынки сбыта – но в мирное время было бы то же самое. Главное, чтобы действовал общий закон – выступить единым фронтом против внешнего врага.

И вот теперь кто-то из местных бугров, судя по письму приора Эллен, соблазнился щедрыми дарами и принял сторону президента. Не удивлюсь, если банды, указанные ею, это и есть владельцы гербов – а кем же еще они могут быть в глазах Ордена и церкви?..

То есть, город на пороге внутренней войны и большой крови. На пороге – потому что он еще не горел с четырех концов, и стреляли в нем, я бы сказал, умеренно – по крайней мере, воздух над нами не гудел крупным калибром…

Враг внутренний – это не враг внешний, никто не станет требовать действовать всей толпой, чтобы замирить старых конкурентов. Ну а когда чужие войска подойдут к городу – выставлять окажется и поздно, и некого. Проблема…

А ведь где-то здесь должны быть и военные, и местные власти – или за три года, пока я спал, их выдавили из города настолько, что глобальными проблемами вынужден заниматься монашеский орден?..

Пока я размышлял, со стороны «непростой» двухэтажки подошли новые лица – даже целая группа почтенных дам, замершая чуть сбоку от Агнес и вслушивающаяся в слова проповеди с живым интересом.

– Ведь сказано: «Даров не принимай, ибо дары слепыми делают зрячих и превращают дело правых»! Сказано: «Нечестивый берет подарок из пазухи, чтобы извратить пути правосудия»! – Агнес сделала вид, что только сейчас заметила новых людей. – Коммодор Маурин! – Поклонилась сестра. – Прощения прошу за горячность.

О, а вот и наше высокое начальство – тут же присмотрелся я к коммодору, весьма выделяющейся из свиты властным взглядом и полуулыбкой, обращенной к Агнес. Что можно сказать: в возрасте, но живой блеск синих глаз ее сильно молодит. В отличие от иных в собственной свите, весьма подтянута, осанка прямая, рост – на голову выше остальных, что явно доставляет ее окружению некоторое неудобство. Вон – четверо монахинь возле нее в более темных, чем у остальных, робах все еще не определились, осуждают ли они поведение рядовой сестры или же горячо поддерживают – для этого они стояли на шаг позади коммодора и

не могли видеть ее благосклонность, а нагло заглядывать в лицо коммодору опасались. Поэтому вся свита выглядела одинаково задумчивой.

Явно ведь, не каждый день скандалят перед дверьми – да еще при чужих: велосипедистов и их кэб еще никто никуда не отпускал. Правда, не сказать, что те тяготились заминкой – вроде, даже нравилось им, стояли-поддакивали.

– Нет причин для раскаяния, сестра. Сердце твое занято верой и правдой, и это хорошо, значит, нет там иному места. Ибо сказано в Евангелии от Марка: «Извнутрь, из сердца человеческого, исходят злые помыслы, прелюбодеяния, любодеяния, убийства, кражи, лихоимство, злоба, коварство, непотребство, завистливое око, богохульство, гордость, безумство, – все это зло извнутрь исходит и оскверняет человека».

Свита тут же закивала, горячо поддерживая.

– Благодарю, коммодор, – замерла сестра Агнес в смиренном поклоне.

– Расскажешь ли нам, кто пустил в свое сердце грех лихоимства?

– Коммодор Милена, – словно бы с заминкой и неохотой произнесла она.

Небольшая толпа слушателей охнула.

– Пройдем со мной сестра, расскажешь мне в подробностях, – посерьезнела Маурин, жестом показав следовать за ней, в сторону двухэтажных хором.

«Акт дискредитации коммодора Милены произведен успешно?» – Хмыкнул я. – «Хрена с два Агнес тут распиналась просто так…»

Собрался было идти за ними, но Марла придержала, головой кивнув в сторону восьмиэтажки.

– Бывшая гостиница, – шепнула она. – Нам туда.

Да и толпа расступилась, явно давая нам дорогу – вместо того, чтобы самим зайти, с интересом смотрели на нас. Так что пришлось семенить мелким шагом в ту сторону.

При себе у меня – только маленькая сумка с письмом и «подарками». Марла прихватила похожую торбу через плечо. Остальной багаж был доверен сестрам.

«Надеюсь, тут не воруют…» – Пронеслось в голове с изрядным скепсисом.

Хотя лично мне потерять было бы обидно только винтовку – но там тварь десятого уровня в комплекте, так что царствие небесное тем, кто решит украсть…

Оглянувшись еще раз на фасад – интересный рисунок кирпича – я шагнул внутрь.

На двоих нам от щедрот выделили номер с двухъярусной кроватью – тесный, с единственным окном, выходящим на внутреннюю территорию квартала.

Из плюсов – тут был душ, из минусов – вода не регулировалась никак, предлагалось привыкать к еле теплой слабой струе. Ну, хоть так…

Оглянулся вокруг талантом – хотя бы без соседей. Или те еще не вернулись обратно?..

– Небогато, – походил я по местной тесноте, отметив крепление под снятый кем-то телевизор.

– Сестра Агнес была столь пламенна в своей проповеди, что нам выдали самое скромное, что тут есть, – пояснила Марла, падая на нижний ярус постели.

– То есть, я сплю на полу, – хмыкнул чуть расстроенно.

После поездки хотелось минимального комфорта. Я аж обрадовался, когда услышал про отель…

– Не, ты на втором ярусе, – показала Марла глазами вверх. – Сестре Агнес выделят полулюкс.

– А как же проповедь?

– Ее выделила сама коммодор Маурин, – пожала блондинка плечами. – Если поселят вот в такой комнате – обидят коммодора.

– Так мы к ней и ехали…

– Мы обычные паломники из глубинки. – Закинув руки за голову, ответили мне. – Получили поощрение и в качестве награды попросили послушать пламенные речи главы Ордена в церкви святого Бонифация. Это тут, недалеко.

– Нас тут не подслушают?.. – Осторожно уточнил.

Людей рядом нет, но ей-то откуда знать?

– Во-первых, тут достаточно высоко для этого. Электроника не работает. Во-вторых, зачем подслушивать, если их шпион уже среди нас? – Иронично уставилась Марла на меня.

– Ты, все-таки, языком по осторожней работай…

– Я очень осторожно работаю языком! – Зажглись нездоровым энтузиазмом ее глаза. – Особенно с прошлого раза! Никаких зубов, доказать?

– Нет, я очень устал, – скороговоркой пробормотал я, скинув ботинки, ухватившись за верхние перила и шустро забравшись на верхний ярус.

Дерево подо мной подозрительно заскрипело.

– Марла… – Ухватившись за бортики, задумчиво произнес я.

– О, ты передумал?

– Нет… Тут вопрос есть…

– Сейчас поднимусь и спросишь.

– Стой! – Не успел я ее остановить.

Хотя с ее скоростью это вообще нереально.

– Спрашивай, – удобно устроилась Марла у меня под боком, закинув ногу на меня сверху и прижавшись щекой к левому плечу.

Днище кровати недовольно клацнуло крепежом и провалилось вниз, на первый ярус. Рейки первого яруса хрустнули от удара и переместили нас еще ниже. Благо, под спиной было два матраса.

– В общем, мне кажется, я немного располнел, – обеспокоенно уточнил я, глядя на дыру в кровати над головой.

– Хм… – Глубокомысленно отметила Марла, глядя туда же.

– Сколько там паспортная нагрузка на такие конструкции?.. – Задумчиво попытался я припомнить.

– А это точно не диверсия? Приехали две дуры из глубинки, а им решетки на кроватях подпилили… – По-прежнему лежала на мне Марла.

Падать-то дальше все равно некуда – внизу железобетон.

– Не, это я стал тяжелее… Хорхе не даст соврать.

– Это кто?

– Тот, который меня из автобуса выносил. С позвоночной грыжей…

– Так чего он вообще с такой болячкой полез?..

– Так ее до этого не было…

– Слушай, а ты возвышение когда проходил?.. – Приподняла голову Марла.

– Недавно. – Вынужден был я признать.

Точно, эволюция!

– Совсем-совсем недавно? – Прищурилась она.

– У нас в Вингстоне таких хрупких кроватей нет! Когда бы я заметить мог изменения в весе?..

– Ага, только из ванны вылез… – Вновь улеглась блондинка. – Короче, это все – возвышение. Там все перекраивается: мышцы, органы, кожа, все остальное. Видимо, какой-то из талантов затребовал более плотные, а значит, тяжелые мышцы и кости… Вряд ли это нужно для чтения запечатанных конвертов, так что… Какой ты там талант съел?..

– Ломать кровати.

– Тогда все работает, как и должно.

– Как теперь монахиням объяснить, что тут случилось? – Тяжко вздохнул я. – Марла, ты чего? – Забеспокоился, ощутив, что штаны стягивают самым бесцеремонным образом.

– Ты вообще не о том думаешь! – Мягко попеняла она мне. – Ты в первую очередь спроси, что подумает Агнес!

– Так мы ей объясним…

– Да хрена с два ты ей что объяснишь! Она сразу скажет, что мы тут перетрахались так, что сломали обе кровати! – Села блондинка сверху. – Тебе-то плевать, а на меня опять епитимью наложит!

– Но это ж неправда!

– Вот именно! А я за неправду страдать не намерена! – Разом стянула Марла с себя всю верхнюю одежду через голову и строго посмотрела на меня. – Так и будешь смотреть на грудь? Хватайся уже!

В общем, к приходу шефа мы нагрешили достаточно, чтобы отводить виноватые глаза в сторону.

– На час вас нельзя оставить! Всего на час! – Подняла очи сестра, сложив руки в молитвенном жесте. – Вот за что мне это?

– Я все объясню! – Храбро выступил я. – Понимаете, я залез на второй ярус, тот сломался, я полетел вниз…

– И попал кое-чем в кое-кого, – закивала Агнес. – С Марлой это часто. Так. – Перешел гневный взгляд шефа на подчиненную. – Неделю на хлебе и воде, как вернемся. Мне твои мартовские месяцы – знаешь где?

Марла понурилась, шаркнув ножкой.

– Будут рейки – я починю, – виновато хмыкнул я.

Мебель мы попытались собрать обратно – не просто так сидели и ждали – так что верхняя полка вполне держалась на штатном месте. Матрас нижней, правда, лежал на полу.

– Вот иди и добывай!

– А где? К кому обратиться?

– Ты как будто в армии не служил! Иди и узнай! Стой! – Остановила она меня, шагнувшего на выход. – Заодно возьми у сестры-эконома еды на неделю, мыло, полотенца, зубные пасты и все остальное по списку.

– А где взять список?

– Ты уж как-нибудь сама выясни, сестра, что нам полагается, и постарайся ничего не забыть, – мягким голосом, от которого немедленно захотелось свалить, подсказала Агнес.

Терпение ее явно подходило к концу. А тут условия такие, что она гаркнет – вся гостиница меня пинать набежит.

– Есть, сэр, не забыть, сэр! – Козырнул я рукой к велону и заторопился на выход.

– Куда маршируешь! Шажками, шажками!..

– Есть шажками! – Кивнул я и закрыл дверь за собой.

Оттуда тут же донесся начальственный рев. Это она еще меня стеснялась, получается?..

Что-то резко расхотелось проваливать ее поручение.

«Так, где тут сестра-эконом?» – С любопытством покрутил я головой.

Слева коридор, справа – коридор с лестницей. Обычно склады в подвалах – значит, мне к лестнице. Хотел уже было шагнуть широко, но, спохватившись, зашагал мелко-мелко, чуть наклонив голову, приоткрыв ротик и напустив на себя кроткий вид.

Возле лестницы оказалось зеркало – поправил велон, выровняв козырек по центру лба, убрал складки с робы. Нашел внешний вид идеальным для выполнения боевой задачи.

Такой милашке – и не выдадут? Ха!..

…когда я через час возвращался обратно с двумя плотно наполненными баулами, улыбки на лице не было.

Я ввалился в номер, бросил сумки и молча ушел в душ. Кажется, меня что-то даже спрашивали.

Вода освежила и позволила адекватно воспринимать реальность – то есть, не думать матом.

Мельком отметил, что в мои способности договариваться никто не поверил – рейки под нижним матрасом уже заменили и постелили туда белье. Было куда сесть с угрюмым видом, глядя, как девушки разбираются с содержимым тюков.

– Тут двойной объем пайки на троих, – удивленно обернулась Агнес. – Полотенца мягкие…

– Консервированные ананасы! – Обрадовалась Марла, повернувшись ко мне с консервой в руках. – Как тебе удалось?!

– Давайте не будем, – безжизненным голосом отозвался я.

– Генри! Да ты гений снабжения! Да мы только тебя будем отправлять! – Сияла Агнес.

– Никогда! – Вскинулся я.

– Да что случилось-то? – Переглянувшись с блондинкой, уточнила шеф.

– Ну… – Односложно ответил я, потом по взглядам понял, что все равно не отстанут. – Короче, трогала меня эта старуха. Я только перед и мог прикрыть двумя горстями, чтобы не спалиться…

– И-и?..

– Еще спросила, была ли я с мужчиной…

– И что ты ответил? – С любопытством придвинулась Марла.

– «Не дай бог!!!».

Глава 7

Прямоугольник чуть смазанной фотографии лег на столешницу, раздвинув контейнеры из трех армейских рационов и банку с консервированными ананасами.

Для Агнес все-таки выделили полулюкс рядом с нами на этаже – полноценную комнату-спальню и небольшую гостиную со столиками и креслами. Так что обедали мы с некоторым комфортом.

– Это кто? – Придвинулась ближе Марла, изучая фото престарелого азиата в длиннополом халате, идущего через толпу.

Шел тот свободно: в паре шагов двигалось его охранение с палками – одна застыла в замахе на замешкавшегося бродягу, заставляя его и остальных прижаться к лавкам. Еще два охранника прикрывали тылы – лиц не видно, кадр сосредоточен на боссе.

Все на фото были азиатами – старик, охрана, люди вокруг. Судя по бумажному фонарику, попавшему в кадр, китайцы.

– А ну руку в сторону! Фото закапаешь. – Грозно отреагировала на движение шеф.

Марла послушно отвела назад кусочек поднадкусанного ананаса. Заметила мой укоризненный взгляд и уточнила:

– Хочешь?

Я мрачно мотнул головой, отказываясь. На кусочек лакомства в ее руках я смотрел со смешанными эмоциями.

Во-первых, есть его я категорически отказывался просто из чувства противоречия. Во-вторых, они-то его ели преспокойно. Принципы болезненно отдавались чувством голода в животе.

А ведь могли бы и поддержать! Отложить банку в сторону, хотя бы.

В общем, изобразил, что во всем мире мне интересно только фото. Я вопросительно глянул на сестру Агнес – мол, продолжайте.

– Это наша цель. Имя интересно?

– Вообще без разницы, – отклонившись назад, хрумкнула Марла ананасом. – Колоритный старичок. Чем он Ордену не угодил, интересно…

– Цель плохая, – проигнорировала ее Агнес. – Талант неизвестен – всего неделю как приехал из самого Нью-Йорка. Так или иначе, защитных амулетов там должно быть много. Проживает в китайском квартале, кошмарит там местное руководство – проверяющий от диаспоры.

– Так чего он еще несвежих огурцов не поел? – Приподняла

бровь блондинка.

– Ну отравят одного, три приедут, – покачала головой шеф. – Местные не хотят прямого столкновения. Они просят показать Нью-Йорку, какое тут опасное место. Мол, жил дедушка в квартале, все было хорошо – пойло, девки, уважение. Поехал инспектировать причалы – дедушку пристрелили. Высокая криминогенная обстановка! Хотите – присылайте нового. Считают, что после нескольких трупов желающих ехать в такую даль не найдется.

– Ордену-то это зачем? – Вновь поинтересовалась Марла.

– Через их территорию электрический кабель к нам проходит. – Пожала плечами Агнес. – Соседи нужные, чего бы не помочь?

– А откуда, вообще, электричество? – Полюбопытствовал я.

Централизованное, без ограничений и зорких смотрителей, которые бы хлопали линейкой по пальцам, если кто зазевается и не выключит свет.

– Когда ехали, помнишь, видели Голден Гейт взорванный?

– Ага.

Зрелище печальное – я этот мост как-то вживую наблюдал целым. Красивый. Был…

– Ну вот. В залив заманили атомную подлодку, взорвали мост. Обрисовали морячкам, что им выбраться не вариант, предложили договориться – те перспективы оценили и кинули кабель с лодки на берег. Весь город от их установки запитан. Не знаю, на сколько лет хватит, – помассировала Агнес виски. – Не отвлекаемся, смотрим на цель, выдаем глупые версии, пока мудрое начальство не скажет единственно верный вариант.

– А что тут думать? – Облизала Марла пальчики. – Стрелять надо.

– Старая Гретта могла бы выпустить в одну точку всю обойму, – мельком глянув на меня, добавила Агнес. – С этим, как оказалось, связан и выбор цели.

– Так Гретта же того… – Удивился я.

– Вот именно, что того… Цель нам навязали. Внутренние интриги Ордена – фактически, нашего коммодора обошли. Она выписала группу для решения своей задачи, а Орден заменил цель на свою.

– Так, поскандалить? – Не поняла Марла.

– Скандалить о чем? Чья смерть будет полезнее для Ордена? Уже решено – вот этот старикашка должен загнуться на выезде. Потом группа покидает город, чтобы не засветиться. Наш коммодор не будет оспаривать решение, она уступила. Враги ликуют.

– Но задача у нас другая, – хмыкнул я.

– Поэтому и уступила. Меньше к нам внимания. Но цель, – постучала Агнес по фото. – Цель все равно надо работать.

– Один раз я попаду…

– Будет сильный синяк. Амулет надо или сразу перегрузить, или не стрелять вообще.

– Давайте зайдем с другой стороны, – принялся размышлять я вслух.

– Давайте! – Радостно поддержала Марла.

Но под взглядом Агнес тут же скисла.

– Зачем этого старикашку вообще убивать кому-то в городе? Правильно, чтобы снять с него дорогостоящие вещи, – не дал я вставить слово. – Значит, тело должно быть условно целым.

– Взрывать нам все равно нечем. Орден такие вещи не держит.

– Хм… Тогда, наоборот, надо взрывать… – Тут же поменял я мнение.

– Тебе ж сказали – нечем, – мимо моего лба пролетела пластиковая ложка в руке Марлы – успел уклониться.

Или она не собиралась попадать – скорее так.

– Тс-с, – шикнула Агнес на подчиненную, глянув на меня серьезно. – Генри?

– Если Орден никогда не взрывал свои цели, то следствие даже смотреть не будет в вашу сторону.

– Да это и Марле понятно. Но покупка готового изделия рано или поздно вскроется.

– Да сделаю я вам эту взрывчатку. Хотите с таймером, хотите с радиоканалом. – Пожал я плечами.

Это уже не «друзья отца», а практика второй стороны работы в мастерской – иногда сейфы было проще взорвать. Иногда требовалось взорвать стену, ведущую к сейфу. Так что растяжку, как Ральф, я не сниму. А вот соорудить что-нибудь да снабдить взрывателем…

В общем-то, плевать мне, даже если на Орден выйдут обозленные китайцы из Нью-Йорка. Мне важно, чтобы нам дали спокойно уйти из города. А если не будет подозрений, то сделать это будет гораздо легче.

– И этого человека мы привели в Обитель! – Патетично воздела руки Агнес, но тут же перешла на деловой тон. – Что нужно для бомбы?

– Да, в общем-то, сойдем за огородников-любителей… Немного химии, немного удобрений. Провода, рации – смотря какой вид управления. Я список составлю.

– Взорвать и добить винтовкой? – Постучала Агнес пальцем

себе по губам.

– Я так понимаю, ваши таланты лучше вообще не светить?

– Если не останется живых свидетелей, можно. Но нет уверенности, что мой талант подействует, – заметила Агнес. – Свиту остановлю с гарантией, там не может быть «тройки» и выше. По старичку информации никакой. Его и бомба может не взять.

– А если его сотню раз пырнуть со скоростью Марлы?

– Замучаюсь ножи менять, – прокомментировала та. – Они об амулеты гнутся или ломаются.

– А если Спицей?

Из руки донеслись укоризненные эмоции. Мол, да этой, да меня в руки?..

«А ты представляешь, какой вкусный этот старикашка, если он выше четвертого?» – Вкрадчиво предложил я. – «Мэра помнишь? Тот всего-то двойка!»

Спица завибрировала предвкушением, тут же сменив эмоциональный ряд – мол, никогда во мне не сомневалась, и вообще – вы тут кушаете, а я?..

– Хм… – Задумалась Агнес.

– Она кусается, – опасливо отозвалась Марла.

– Это вы просто были незнакомы. Добрейшее оружие! – Заверил я. – Только Спицу придется на какое-то время оставить в теле, чтобы она поела.

Марла, потянувшаяся было к новому кусочку ананаса, замерла и, видимо, передумала, сев с кислым выражением лица.

Как я ее понимаю: богатая фантазия – это всегда проблемы. Особенно, когда еще сегодня чуть не съели тебя.

– В общем, предварительно решили, – хлопнула в ладоши Агнес. – Взрываем по маршруту движения, в неразберихе работает Марла, я прикрываю.

– А как же мудрый и единственно верный план начальства? – Напомнил я.

– Вы его только что прослушали. Мудрость начальства, Генри, в том, чтобы подчиненные сами рассказали его план! Хвалю! – Придвинула Агнес к себе банку с ананасами, явно собираясь наградить себя за руководство.

– А что по настоящей цели?

– Завтра, – чавкнула она кусочком. – М-м, вкусно… Завтра мы идем слушать проповедь в храм. Как послушаем, паломничество трех сестер из Рино завершается. Официально мы едем домой. Паек на дорогу нам уже выдали. Неофициально переходим на нелегальное положение и готовимся к ликвидации нашего китайского друга. А еще более неофициально, пока готовимся,

решаем основную задачу.

– Нелегальное положение – надеюсь, это не под забором лежать на Маркет-стрит? – Осторожно уточнил я.

– Не, тут есть гостевые кварталы для купцов и людей с деньгами. Заплатим, устроимся. Переоденемся, разумеется. Станешь снова Генри.

– Слава тебе, Господи! – Возликовал я во весь голос.

– Вот видишь, Марла – человек всего один день в Ордене, а уже искренне уверовал, – наставительно покачала шеф кусочком ананаса.

– По такому поводу, не грех и отметить, – воодушевленно подвинул я к себе железную банку.

– Учти, у нас правило – кто съедает последний кусок, идет за новой банкой. – Деловито уточнила брюнетка.

Я заглянул на дно – последний и остался. Молча отодвинул банку от себя.

– Да что тебе стоит? – Заканючила Марла. – Ну пощупает она тебя еще раз!

– Так, не надо тут, – рубанул я рукой по воздуху. – Даже слышать не желаю.

– А мы, женщины, так всю жизнь живем. – Забрала последний кусочек Агнес. – Если бы не матерь-настоятельница, скверно бы нам пришлось…

– А она что умеет? – Полюбопытствовал, даже не став напоминать об озвученном ею правиле.

Все равно ж выкрутится.

– О, у нее удивительный талант. – Покачала головой брюнетка. – Она повышает уровень эволюции любой женщины с первого на второй. Моментально.

– Ого, – офигел я. – А это… Ну, не тайна?.. – Осторожно уточнил у сестры.

– Это главная реклама ордена! – Рассмеялась Марла. – Если ты достаточно сильна и крепка волей, чтобы взять первую ступень – вступай в Орден.

– Это ж имба какая-то, – все еще пребывал я в удивлении. – Если матерь-настоятельница пройдет возвышение, то это ж…

– Не пройдет, – мягко остановила меня Агнес. – Не дадут. По крайней мере, сейчас не дадут, пока даже второй уровень – это ого-го какая сила! Поэтому мы во всем штате имеем вес. Нас просто много.

М-да… И верно – если конкуренты узнают, что скоро им предстоит иметь дело с сотнями монахинь третьего уровня… Бомбу скинут, сами в атаке лягут, но не дадут возвыситься.

– Наверное, матерь-настоятельница всегда на виду?.. –

Предположил я.

Потому что если пропадет надолго – это повод бить тревогу всем в городе…

– Завтра послушаем ее проповедь. – Кивнула шеф. – А пока: отдых по подразделению. Стоп! Генри – список к вечеру!

– Сделаю, – почесал я затылок. – Может, несколько списков? Чтобы раздать по разным людям?

– Не учи работать. Ваяй общий, мы уж сами догадаемся. Так. Марла ночует в полулюксе, мы с Генри – в двуспальном.

– Но почему? – Возмутились мы с Марлой в голос.

– Потому что блудница! – Топнула на нее Агнес.

– Я тоже блудница! То есть, я хотел сказать… – Покраснел я, глядя на заинтересованные лица сестер. – Короче, меня надо надежно изолировать от похотливых домогательств!

– Ананасовый спонсор придет, что ей скажешь? – Прищурилась Агнес.

– «Спасибо, но твоя принцесса в другом замке», – буркнул я. – Басом.

– И вся операция – под откос! Генри, – смягчился ее голос. – Я просто обязана приглядывать за Греттой. Иначе наблюдатели со стороны очень сильно удивятся, чего это ты не побежала докладываться к куратору прямо сегодня. А так – я тебя удерживаю. Зато завтра после проведи быстренько скинешь конверт и подарки. Минимум шансов влипнуть в историю! Я же для тебя стараюсь!

– Ладно. Нижняя полка моя. Я правда верхнюю массой тела продавил, – вставил я. – Ну или я и на вас упаду.

– … кое-чем, – добавила Марла с кошачьей интонацией.

– Снизу так снизу, – пожала плечами брюнетка. – Я, к слову, люблю сверху.

– Ага, – осторожно качнул я головой, стараясь не искать в ответе подтекста.

Да и какой подтекст! Она – шеф, а мне еще список писать. Надо бы, кстати, с запасом его составить – что-то смущают меня некие намеки на неубиваемость возвышенных стандартным оружием.

Заодно всунуть в общий список какой-нибудь дымовой компонент. Главное в любом деле – уйти чисто. Так постоянно говорил мистер Митчелл, и я был полностью с ним согласен.

Уже выходя в коридор, подумалось – как же просто я стал думать о ликвидации другого человека. А у него ведь могут быть дети, любящая жена…

Наверное, не последнюю роль играли люди с палками, метелящие толпу на фото. Но ведь это могут быть не его люди, и

не его решение…

– Слушай, сестра Агнес, – помялся я, зайдя внутрь комнаты. – Ты не могла бы выяснить, вот эта цель – это полностью законченный подонок или случайный клерк?

– А что? Совесть зацарапало? – С любопытством окинула она меня взглядом.

– Ну… Мне важно, в общем.

– Запомни, среди возвышенных выше третьего уровня безгрешных людей нет, – наставительно помахала она пальцем перед моим носом. – И чем выше уровень, тем, обычно, больше на них крови. Но я узнаю. И не совру, – чуть подумав, добавила она.

С тем и удалилась в душевую – смывать пот длинного пути.

«Как это приличных нет? А я?..» – Хотел было возмутиться, но потом поник.

Вор и людоед. Не специально – нет. Но о собственной святости заикаться даже не хотелось.

Чтобы отвязаться от тяжелых мыслей, принялся искать бумагу и ручку. Не нашел – крикнул через створку душевой.

Душевая открылась, показывая Агнес во всей красе – стройную, со слегка рельефной мускулатурой, но весьма округлую в нужных местах, плавную. Как античная статуя, только с мокрыми волосами, откинутыми на спину.

– А? – Опомнился я.

– В сумке моей возьми, говорю. – Повторила она. – Карман спереди сверху. Дальше не лезь – узнаю, убью.

– Ага, – отвернулся я.

В спину глубокомысленно хмыкнули и створку с небольшой паузой закрыли.

Искомое нашлось, где было указано – перекидной блокнот и мягкий карандаш, вырисовывающий широкие линии.

Присев на диван, быстренько накидал требуемое – в нынешних условиях, когда реагенты являются просто необходимой частью возвышения, а значит, и самой жизни – найти будет несложно. Подумав, проставил единичку перед каждой запрашиваемой массой и количеством.

Проси больше, получишь хоть сколько-то. Нормальное правило – даже после конца света должно работать. Вес, конечно, получался под тонну – но не мои проблемы.

Потерев глаза, посмотрел в окно – смеркалось привычным для Западного побережья способом: небо побледнело. Нелегкий вышел день… Сложный, местами приятный…

Обернулся – обнаружил сестру Агнес спящей на верхней полке. От сердца отлегло – как-то крайне неприятно примерять на себя роль «молодого, привлекательного, легкодоступного».

Года три назад, наверное, потребовал бы еще трех таких монашек. Сейчас хотелось уважения. Партнеры достались сложные, опасные даже на уровне штата. Отношение как к равному грело душу. А еще – так меньше шанс, что они все-таки решат: «давайте его убьем, он даже не из Ордена…»

Дозаполнив страницу и добавив туда кое-что из «личных позиций» – авось прокатит – я закрыл блокнот, вернул его обратно в сумку. Посмотрел в окно – квартал замер, будто приготовившись ко сну. Хотя, если прислушаться, где-то там, в городе, щелкали выстрелы – одиночными, очередями…

Я осторожно улегся на свой нижний ярус кровати – поддерживающие рейки чуть скрипнули, но потом смолкли, стоило весу распределиться.

– В душ не пойдешь? – Шепнули с верхней полки.

– Уже, дважды.

– Распутники, – вздохнули сверху.

Возможно, с завистью.

– Коммодору Милене хана? – Полюбопытствовал я, раз не спит.

Не зря же она распиналась с обличительной речью.

– Да куда там… Но капля – камень точит.

– А коммодор Лин?.. – Прикусив губу, уточнил я о главной причине, зачем полез на территорию Ордена.

Не взрывать китайцев, не воевать за независимость Калифорнии. Пересидеть возможную погоню из Вингстона и узнать, что с Лин все в порядке… Хорошо – лично увидеть ее. Возможно, что-то спросить – пока, правда, не знаю что…

– Ее нет в Ордене. Не будет еще две-три недели точно.

Тоска придавила грудь.

– Значит, не увижу?

– Если повезет, увидишь, – недовольно заворочалась Агнес. – Говорю же – две-три недели. Три у нас есть, что расстраиваешься?

– Не расстраиваюсь…

– Да уж мне не ври. Я же слышу. Кто она тебе в прошлой жизни? До Беды?

– Бывшая. Плохо расстались, – приоткрыл я душу.

– Изменил? – Сурово уточнила монахиня.

– Нет. Сильно поругались. А потом камни с неба начали падать.

– Забавно.

– Да уж не очень-то, – заворчал я.

– Да я о своем, – отмахнулась Агнес.

– А Лин – она за Маурин или за Кристен? – Осторожно уточнил я.

Как бы не влезть во внутренние разборки не на той стороне.

– Она за себя и выше всех.

– То есть, ее все не любят.

– С ее уровнем возвышения, ей плевать на чужую любовь… – Хмыкнули сверху.

– А у нее что?

– Сам спросишь. Может, даже ответит, – отбрили меня.

– Агнес…

– М-м?..

– Вопрос можно?

– Валяй.

– Мне бы добавить талант на живучесть, – осторожно поинтересовался я. – Это мне искать добровольца для передачи таланта?..

Сверху раздался нервный смех:

– Суицидника?.. Передачу таланта невозможно пережить. Да не ерзай, есть другие варианты. Идешь к черному камню, пятерню на символ, просишь.

– И все?.. – Удивился я.

– И запускается таймер. – Хмыкнула Агнес. – Проблемка есть. Таймер на все таланты один. Все таланты будут возвышаться одновременно, а не только новый. Вообще все – даже твой то ли шестой, то ли седьмой по чтению конвертов…

– Это же сколько ресурсов надо… – Охнул в ответ.

– Ты ведь говорил – немного?..

Я промолчал.

– Завтра расскажешь, что действительно умеешь. – Жестко постановила она. – На эти три недели я – твой командир. Знать возможности группы – моя обязанность. Доступно?

– Угу.

– «Угу», – передразнила она. – А с выживаемостью решим. Обереги и амулеты нам дадут. Все, отбой. Утром рано разбужу.

– Спокойной ночи.

– И тебя туда же, – буркнула та.

Утром, когда Марла, подначивая подругу, задела ее локотком и, выразительно посмотрев на меня, громко шепнула «Ну как он?», то в ответ получила емкое:

– Не храпит.

Глава 8

Под свод храма возносился высокий голос матери-настоятельницы – по-особенному текучая, завораживающая речь привлекала и держала в напряжении, воодушевляла зал и позволяла погрузиться в размышления. Женщина у алтаря – немолодая, разменявшая шестой десяток лет, умела работать с вниманием сотен людей, собравшихся послушать ее в воскресный день. Делала она это, что уж скрывать, профессионально – ни одной просадки, ни одного зевка этим ранним часом. Проповедь длилась второй час, перемежаясь хоровым пением, зачинаемым монахинями у стены и подхватываемым всем залом. Даже я пытался подпевать, но Агнес даванула на ногу, и дальше просто открывал рот, стараясь попасть в тон. А уж когда в дело вступил церковный орган, пробирая вибрациями классической музыки до костей – там даже некоторое количество местных закачалось в ритуальном трансе.

Надо признать, ради такого перформанса три монахини вполне могли рвануть в паломничество.

Даже дышалось тут по-особенному легко – потолки высоченные, света много: окна в человеческий рост, украшенные мозаикой по мотивам жизни святого Бонифация – аж в два ряда. Да еще отдельным солнцем сияет окошко над алтарем.

В общем, я слушал и украдкой разглядывал окружающее убранство – как полагается монахине из глубинки. И, раз Агнес снова не наступала на носок ботинка, ничего этим не нарушал.

Правда, взгляд то и дело соскальзывал на ряд будок для принятия исповеди. Вот туда смотреть не рекомендовалось, только тут как с любым запретом – оно только притягивало.

Просто, когда проповедь закончится, во вторую слева исповедальную мне предстояло занять очередь – выстоять ее до конца и зайти внутрь. Если где-то освободится раньше – не переходить, даже если станут смотреть косо. Потому что куратор от коммодора Стефании – только во второй, и она ждет свой конверт от заместителя приора из Рино. Честно, я думал, что конверт подменят, но отдавать предстояло то же самое. Объяснили почему – впечатлился.

Зато они заменили содержимое кошелька с дарами. И вот последнее заставляло нервничать чуть сильнее, чем полагалось.

– Хорош зырить, – шикнула босс.

Я поспешно увел взгляд на алтарь. Просто я ведь знал точно, что человек в исповедальне уже был – и, казалось, над переносицей чешется от пристального взгляда в мой адрес…

Подмена даров запускала очередную интригу внутри Ордена, в результате которой кое-кто из соперников потеряет свое место сразу, а остальные – немного позже. Уж больно ловко, опираясь на послание, можно было подставить как минимум двух высших чинов.

Текст письма все еще был в памяти – сложно забыть то, что приходилось читать раз двадцать для въедливой Агнес и якобы равнодушно-легкомысленной Марлы. Они-то текст за плотным конвертом видеть не могли, а просто полагаться на малознакомого человека не желали – поэтому, для начала, переписали текст под мою диктовку к себе, а затем просили читать с определенной строчки, с определенного слова и даже задом наперед – для сверки.

Можно сказать, текст я выучил. И, признаюсь, Агнес оказалась права, когда мне не доверяла – кое-что я упрямо не зачитывал. Когда речь идет об абзаце на пару строк в самом конце листа, проверку несложно обойти. Так было лучше для меня – можно сказать, так я оценил свои услуги по чтению запечатанной корреспонденции.

Тем более что главное из послания им досталось без малейших искажений.

«Уважаемая сестра моя, коммодор Стефания.

Воистину, благоволят твоим делам небеса, раз подвернулся удачный случай доставить тебе письмо и результаты моих изысканий, выполненных по твоему наущению с особой осторожностью и в великой тайне.

Те бродяги, наткнувшиеся на странные кости к юго-востоку от Равендейла, провели нанятых мною людей в обещанное место – воистину, покинутое Им еще до начала времен, мертвое и безжизненное. Они указали на следы, а потом и на останки твари невиданных размеров, добравшейся туда, видимо, с юга. Туда же, на юг, уходит узкая дорога к одной из военных баз, брошенной после Беды – наемники не увидели отсветов в ночном небе и полагают, что люди там не живут.

На свой страх и риск отряд отправился по дороге и через какое-то время наткнулся на останки еще одного монстра – по их словам, химера из стали и кости была мутировавшим волком, но размером с доброго слона. Но что более невероятное, люди убеждены – умер волк от голода и обезвоживания. Нет ран на шкуре, который не всякий клинок возьмет. Нет следов рвоты, если он был отравлен. Люди говорят – тварь убили горы: мертвые и лишенные источников воды. Если бы тварь добралась хотя бы до ближайшего населенного городка, то великой беды не миновать. Уберег Он нас.

Продвинувшись дальше на юг, отряд видел еще пару мертвых туш – несомненно умерших, но не убитых – пока не добрался до местечка, откуда в бинокль хорошо видны окраины разоренной военной базы. Там-то твари знатно попировали… Идти дальше отряд не захотел, пусть и клянется, что видел у самого горизонта на юго-востоке поросль зеленого леса, немыслимую в тех краях.

Без моего благословения, нанятый отряд позаботился о судьбе бродяг, и те более никому не смогут ничего рассказать.

Для доказательства своих слов, наемники принесли в мою церковь останки найденных существ, которые смогли взять со стальных тел – это зубы, фаланги пальцев и когти – но потребовали щедрой платы, если Орден пожелает забрать их для исследования, так как уговора про них не было.

Прости меня, сестра, но я посчитала правильным выкупить у наемников все, что они принесли, не став торговаться. Люди эти – лишены понимания общего блага, и охотно продали бы все кому-то еще, вздумай я отказать.

Винюсь перед тобой, сестра, но я была вынуждена преподнести отряду кубки вина из особой секции. Теперь наемники смогут обсудить находки только с бродягами, упокоенными от их рук.

Винюсь перед тобой, сестра, повторно, но забрать плату обратно в храмовую казну оказалось сложнее, чем я полагала – крепкие телом, наемники смогли добраться до бара, чтобы отметить сделку, и умерли уже там. Виновником отравления посчитан хозяин бара. Каюсь, но ныне он тоже в компании наемников и бродяг. Однако же содержимое карманов отряда, вместе с прочими вещами, ныне изучает шериф города. Он добрый прихожанин и не подумает на нас. Но вернуть потраченные средства обратно в казну мне пока не удалось.

Полагаю, переданные мною находки ты оценишь стократ дороже казны моей скромной церквушки. Даже я, недалекая, ощущаю исходящую от них мощь.

Сестра моя, коммодор Стефания, я обязана поведать о том случае, что помог добраться этому письму и ценному грузу до тебя в столь краткие сроки.

Наш приор, эта сумасшедшая, ведомая наркоманкой из твоей обители, вырвала своих сучек из очередной кровавой бойни. Эти двое, по ошибке получившие наречение Марла и Агнес, зарабатывают для приора слишком много, чтобы я верила в мирные цели столь долгой их командировки. Опасаюсь за твою жизнь.

Руководствуясь твоими советами и проявляя должную бдительность, я заставила эту психованную взять третьей в отряд

мою преданную Гретту, верную почитательницу Его. Всего одно твое пожелание – и цепные псы нашего приора отправятся в ад, где им самое место. Винтовка в руках Гретты прочитает заупокойную над ними надежнее всякого клирика.

Но мне, скудоумной, неведомы все мотивы их поездки – и я, дабы не навредить, велела моей Гретте не трогать попутчиков до твоего города, сестра. Возможно, хотя бы в этот раз эта кодла решит совершить что-то хорошее во славу Его, а не ради своего брюха и кошелька…

Даже если Гретту убьют, ни письмо, ни содержимое не достанется твоим врагам – ты знаешь об этом, когда держишь письмо в руках. И я знаю это, выводя эти строчки, что греет мою душу и крепит уверенность в успехе в моем сердце.

С великим почтением, твоя верная слуга.»

Так было в том письме, копию которого Агнес наверняка уже отдала своему коммодору. И я упрямо верю, что этого им – по горло.

Свою добычу они уже получили – кости измененных существ забрали. Партию, чтобы снять Кристен, тоже запустили – как только коммодор Стефания поймет, что ее подчиненная ухнула всю казну церкви на обычные, пусть и не сильно распространенные вещички – то есть, ее попросту надули – воплей будет аж до Вашингтона. А там, глядишь, и проверяющие в церковь к Кристен наведаются – доходы с расходами сверять, недоимку и кражу выискивать… Да и второй слой интриги, про который мельком обмолвилась Агнес, я тоже уловил – вещички-то, что в кошельке попадут к коммодору Стефании, все до единой ворованные и взятые с трупов при очень нехороших обстоятельствах… Словом, будет сложно объяснить, что они делают у нее – случись коммодору их продать или подарить.

Насчет судьбы тайны, находящейся под Равендейлом, Марла и Агнес ни словом мне не упомянули. Но, уверен, партия разведчиков либо уже выехала в те земли, или собирается это сделать в самое ближайшее время. Когда они поймут, что не Равендейл, а Ридервилл, я планировал быть отсюда далеко.

Что до строчек, так мною и не зачитанных – ну зачем им знать, что тварь десятого уровня, прикрывавшая вещи Гретты, тоже передается коммодору Стефании? И если соблюсти небольшой ритуал, ее можно свободно одеть на себя, без опасения быть заживо сожранным. Кристен пишет, что еще две такие же «прелести» подрастают на телах прихожан и едят хорошо, а значит ее приход останется способен выполнять «деликатные миссии». А в Обители сестре-коммодору такой «подарок» может весьма пригодиться.

Разумеется, подарок полагалось передать по завершению миссии. То есть, в текущих условиях, никогда.

– Поднимайся, – шикнула разозленная Агнес.

Это я так задумался, что пропустил завершение проповеди – люди уже аплодируют, поднимаются с мест. Разве что цветы никто не несет к алтарю – не принято тут. Вернее, только по другим поводам: например, если матерь-настоятельница преставится…

Разумеется, смерти я столь энергичной и приятной женщине не желал ни в коей мере. Но когда в твоей организации коммодоры имеют собственные боевые подразделения и грызутся друг с другом, выписывая высокоуровневых тварей и приговаривая конкурентов к смерти, невольно начинаешь задумываться о судьбе лидера. А так как отношение к настоятельнице после проповеди было самое светлое, то я ей невольно сочувствовал.

Только сделать ничего нельзя – правильно сказала Агнес, никто не даст матери-настоятельнице пойти на следующий уровень возвышения. А без этого уровня – пожалуй что, рано или поздно ее задвинут на второй план. Мол, хочешь и дальше ковать силу Ордена – пожалуйста, печатай нам монашек второго уровня. Но дальше мы сами решим, как Ордену будет лучше…

Или матерь-настоятельницу уже задвинули?.. И те самые, кто не даст ей возвыситься – это, в первую очередь, коммодоры и есть?..

– Ты спишь на ходу, что ли? – Зашипела в ухо Марла, больно щипнув за руку. – Уже на исповедь идут!

– Ага, – кивнул я, скидывая с себя задумчивость.

Действительно – люди принялись выходить из рядов деревянных лавок в общий коридор. Большая часть устремилась к матери-настоятельнице – в их числе и Агнес, сияющая лицом горячей фанатки… Или как это лучше назвать?.. Верного воина, увидевшего генерала армии перед собой?.. В общем, к будкам для исповеди направилось не так и много людей – наверняка из того числа, что не могли с тяжелым грузом на душе радоваться матери-настоятельнице и попытаться получить ее благословение. Ну или такие же, как Гретта, шпионы, агенты и информаторы, спешившие сдать свой доклад…

Марла пристроилась в очередь к первой исповедальне, демонстрируя желающим, как она присматривает за мной. А я уперся взглядом в спину монахине перед собой и набрался терпения.

Хотя, какой с меня спрос? Доставил – отдал – до свидания…

Словом, заходил я в тесную сдвоенную будочку практически

спокойным.

– Сестра Гретта, ты ли это? – Мягко уточнили из-за закрытого частой сеточкой окошка.

Внутри оббитых мягким войлоком деревянных стенок голос звучал по-особенному приглушенно, таинственно. Но я-то видел почесывающую левое бедро старую каргу в полуметре от меня, и меня не проняло ни разу.

– Я, сестра. – Тем не менее, тоненьким голосом смиренно отозвался я.

– Как прошел твой путь?

– Сложно, сестра.

«Я вылетела мертвой в окно».

– Надеюсь, я смогу прочитать о возникших сложностях? – Уточнили у меня.

– Как будет возможность, я доверю свои мысли бумаге, сестра. – Намекнул я на сложности с одиночеством.

– Я распоряжусь, чтобы столь верной последовательнице Его выделили отдельный номер.

– Спасибо, сестра. Но, боюсь, мне не дадут провести в нем и часа. Сестра Агнес велела быть готовой отбыть немедленно.

– Я подумаю, как ее можно задержать, – задумчиво поведали мне, почесывая вынутую из сапога пятку.

– Со мной письмо и дары. – Напомнил я.

– Да, разумеется, – открылась потаенная загородка, куда я передал письмо и мешочек из сумки.

– Что-нибудь на словах?.. – Уточнили, забирая.

«Вперед, Лейкерс!»

– Все доверено письму, сестра. – С приторной покорностью поведал я.

– Хорошо. Прошу простить, сестра, что отняла время от твоей исповеди. Можешь начинать.

«Начинать что?!»

– Разреши собраться с мыслями, сестра, – вздохнул я.

– Конечно, сестра.

«Так… Исповедь – это ведь про сокровенное? Что бы ей слить такое?.. Когда я убиваю, чувствую возбуждение… Бр-р, что за бред… О, точно!..»

– Прости меня, сестра, ибо я согрешила. Прошлым вечером сестра-эконом лестными речами желала склонить меня к близости, пообещав банку сладких ананасов, и ласкала мое тело через одежду.

– Где труп? – Буднично уточнили у меня.

«А так можно было?!.. В том смысле, что не убить, но хотя бы руки поломать!»

Блин, я же – цепной пес и коммодора Стефании! А у меня в голове только и вертелось – «Терпи, чтобы не провалить дело!»

– Я остереглась привлекать внимание, – честно произнес я. – И вытерпела все. Банку с ананасами отдала сестрам, не в силах смотреть на нее. А они – ели, желая, чтобы я видела! Они издевались надо мной!

– Бедняжка… – Со странной интонацией посочувствовали мне.

– Но я чувствую, что хотела бы съесть эту сладость даже больше, чем убить ту, что осквернила меня, – добавил я шизы.

А нехрен заставлять молоденьких девочек убивать себе подобных!

– Осознание ценности чужой жизни – это важно, сестра. Это облагораживает твою душу. Но мания к сладостям, моя бедная девочка, может привести к большой беде. Поэтому возьми, – послышался звук ручки по бумаге и звук отрываемого листка из блокнота. – Это повеление сестре-экономке выдать тебе пять банок консервированных ананасов. Съешь их все и ни с кем не делись, дитя. Удовлетвори свою страсть, дабы она не правила тобой.

– Благодарю вас, сестра! – Забрал я протянутый из тайничка листочек.

– Иди с миром.

«С миром и великой радостью», – выдохнул я, выходя из тесной кабинки.

И улыбнулся так счастливо, что все вокруг поняли силу настоящей исповеди – избавляющей от тревог и окрыляющей!

Так, где там сестра-эконом?..

К слову, та сначала обрадовалась моему визиту – а потом заметно скисла, заметив красную треугольную печать на бумажке с повелением, написанным поверх печати от руки. Банки выдавала с видом брошенной женщины, исподволь глядя с укоризной и осуждением – но в лицо ничего не сказала, только глубоко кланялась. Ничего-ничего, тебе еще и сверху прилетит, старая извращенка.

В номер я завалился первым, выставил банки на крошечный пристенный столик и, чуть прикрыв глаза, торжествовал. Даже в этой глобальной афере удалось откусить немного для себя.

– Ты смотри, мы его везде ищем, а он тут расселся!.. – Ввалились в номер Агнес и Марла, заметив сначала меня, а потом и банки. – Ах ты профурсетка!.. – Охнули они.

– Но-но! – С возмущением поднял я палец ввысь. – Прочь грязные мысли! Перед вами – плод труда отточенного разума, гениальной комбинации и хитрого маневра, исполненного… А ну

руки убрали! – Подгреб я под себя банки, закрыв, как ястреб накрывает крыльями гнездо с птенцами.

– Ты гений, ноль вопросов, – нетерпеливо приплясывала рядом Марла. – Теперь можно мою банку?

«Мою?!»

– У меня повеление от сестры Бернарды, полученное на исповеди – съесть все самому!

– Не у тебя, а у Гретты, – деловито уточнила Агнес, прицениваясь, как бы зайти с тыла.

– Короче, ничего не дам, – еле удержался, чтобы не показать язык.

– Ну Генри, – заворковала Марла, присаживаясь на койку рядом. – Ты ведь хочешь посмотреть, как капли сладкого ананасового сока будут капать на мою обнаженную грудь?..

– Н-нет, – выдохнул я.

– А как они упадут на грудь Агнес, и мы будем слизывать их друг с друга?..

– Кхм! – Откашлялась шеф.

– Или ты хотел бы это сделать сам?.. – Вкрадчиво добавила блондинка, приближаясь ближе и облизывая губки.

А рука тянется к банке!!!

– Нет! Кыш, похотливые создания, – указал я движением головы на дверь. – Идите в свой полулюкс и делайте друг с другом, что хотите.

– Вот кстати, Генри. – Заметила брюнетка. – Тебе ведь тут и кушать будет неудобно. Переходи в мой номер и чавкай там сколько хочешь. А мы с Марлой тут полежим, подождем, пока ты насытишься.

– М-да? – Скептически прищурился я.

– Это твоя добыча, мы это уважаем. – Переглянулись монахини, чуть ли не подмигивая друг другу.

Угу, знаю я – когда подрабатывал грузчиком, это называлось «бой при транспортировке».

– Никуда не пойду. – Постановил я.

– Ладно. – Прищурилась Агнес. – Тогда, пользуясь тем, что все сборе, давайте обсудим легенду группы на выходе. Изначально планировалось, что Генри у нас – избалованный мажор из Лос-Анджелеса с двумя легкодоступными телохранительницами, который приехал куралесить по городу и развлекаться со всяческими излишествами. Но, все обдумав… – Приложила она пальчик к устам. – Я решила, что это будет слишком дорого, хоть и дает изрядный маневр передвижения. Я думаю, сестра Марла, что Генри будет у нас умственно неполноценным сыночком высокой госпожи, а ты – нашей

телохранительницей. Мы будем разъезжать в поисках врача.

– Слыш…

– Нет-нет, Агнес! От этого – одни расходы! Давай Генри будет играть симпатичного мальчика, которого мы будем продавать для забав всяким извращенцам.

– Да вы охренели обе!

– Ладно, признаем, перегнули палку. – Уступила Агнес. – Марла, как тебе вариант, что мы обе становимся на три недели мужчинами? Сбрить волосы и брови, чуть поработать с лицом…

– Хм… – Задумалась блондинка. – Для мужчин все дороги открыты, будет проще. Группа наемников в поисках работы. Одежду нам подберут.

Я настороженно следил за обсуждением.

– Нанесем тату на руки. У нас в Рино была забавная банда, я себе на память зарисовывала приметы.

– Тогда решено?

– В чем подвох? – Не сдержался я.

– В том, милый, – мягко произнесла Марла. – Что первой же ночью я приду в твою спальню и буду давить из тебя стоны наслаждения до утра. А поскольку компания у нас, по легенде, мужская, о чем будут знать все соседи, тебе с этим придется жить все три недели.

Я молча подвинул в их сторону по банке консервированных ананасов.

Дамы аж запрыгали от восторга, после чего, подмигнув друг другу, принявшись деловито стягивать с себя верхнюю одежду.

– Вы чего? – Хмуро уточнил я.

– Чтобы робу не закапать, – сказала Агнес, обнажая грудь.

– Ага-ага, – занималась тем же блондинка. – Ты, кстати, тоже раздевайся.

– Да так берите…

– Так! – Строго ткнула в меня пальцем Агнес. – Мы тут не ерундой занимаемся, а прорабатываем легенду.

– Про байкеров? – Не понял я.

– Мажорчик и телохранительницы уже утверждены. – Открыла жестяную крышку с банки и подхватила кусочек Марла. – Так что у нас тут боевое слаживание, – хрумкнула она ананасом неосторожно, что две капли упали на грудь.

Я невольно сглотнул.

Проследив мой взгляд, обнаженная Агнес хмыкнула, откашлялась, чтобы я вопросительно посмотрел на нее, и, подхватив всю банку, слегка опрокинула ее, прижав себе к шее.

Капли, стекая вниз по ключицам, по груди, скользнули ниже, пробивая себе дорожку, и медленно закапали на пол с округлых

бедер.

– Ну, чего ждем?

Я уже принялся стягивать робу с себя, как заметил плящущих бесенят в их глаза.

После чего резко схватил их одежду, прижался к двери в душевую и принялся раздеваться уже там.

– Эм. Генри, на самом деле утвердили байкеров… – Откашлялась Агнес. – А если ты продолжишь приближаться, размахивая вот этим в воздухе – дойдет и до мальчика-извращенца, – с угрозой добавила она.

После чего резко повернулась из-за загудевшего по полу стульчика, которым Марла подпирала дверь.

– Шеф, а мне первая легенда больше нравится! – Откинув прядь волос, бодро призналась она.

«Воздействие: паралич. Имитировать/Отклонить?»

«Отклонить».

– И кто же трогал мою банку?.. – глубоким, пробирающим тоном произнес я, приблизившись к шефу совсем близко. – И всю ее пролил на себя? – Попробовал я ее шею языком.

– Кто же это был? – Мягко вторила мне Марла, прижавшись к брюнетке сзади и не дав отшатнуться.

– Две недели на хлебе и воде! – Хриплым голосом отозвалась шеф.

– Да хоть три, – мурлыкнула блондинка, забирая свою часть ананасового сока с шеи.

Словом, боевое слаживание резервной легенды провели успешно.

– А может, хрен с ними, с байкерами? – Задумчиво произнесла Агнес сильно позже, лежа между нами на брошенных на пол матрасах.

– Марла, там ананасы еще остались?

– Еще банка.

– Тащи сюда, идею заесть надо.

* * *

Страшная суета началась, когда я рассказал о пожелании письменного доклада и «мыслях» Бернарды удержать нас как-то в городе.

– Не мог раньше сказать?! – Подпрыгивала Агнес на одной ноге, второй пытаясь влезть в чулки.

– Ты хоть понимаешь, что за сутки они доберутся до автостанции и могут все узнать? – Проигнорировав белье,

накинула Марла робу на чуть влажное после душевой тело.

Ну нет, угроза так себе – оба водителя будут молчать о происшествии в пути. Они сами отвалили немало, только бы информация не ушла выше. Не в их интересах.

Да и отчета, как такового, я не боялся – он все равно будет коллективным творчеством монахинь. Писать его тоже пришлось бы не мне – почерк у меня мужской.

– А ты тут со своими ананасами!

Да-да, я во всем виноват, а не их задумка разместить ананасы кое на какой части моего тела и с гоготом скрыться в душевой… Но ничего, зло, таящееся под монашеским обличием, было разоблачено, повержено на пол и… Короче, помирились мы со злом.

– Ты одеваться-то собираешься?!

Как будто в тесном номере нашлось бы место для меня – итак пришлось вернуть матрасы на место и лечь на нижний ярус, чтобы не затоптали. Я промолчал, наблюдая за торопливым облачением со стороны.

Что мы там потеряли? Час времени? Да ерунда в глобальном масштабе. Даже если задержат, я не против отоспаться сутки. Но Агнес, рванувшая в свой номер, стоило привести внешний вид в более-менее норму, придерживалась иной точки зрения.

С начальством, пусть и временным, не спорят – так что спокойно оделся, пока Марла нервно расхаживала по комнате, перекидывая наши сумки поближе ко входу.

– Лучше надень исподнее, – посоветовал я, глядя, как очерчиваются иные ее формы под мешковатой робой. – А то остановят нас за ненадлежащий вид, а тебя на сутки в здешнюю тюрьму.

Та, чуть помедлив, последовала совету.

– Да вы совсем совесть потеряли! – Ввалилась внутрь Агнес на середине процесса, пыхтя под тяжестью груза на плечах.

К слову, в трех сумках – ее личной и двумя с недельным запасом провизии – было килограмм под сорок. Я носил, я знаю. Все-таки что-то делает с нами возвышение помимо талантов – да, ей тяжело, но все равно тягает…

– Перепутали робы, пришлось меняться, – подобрал я свои сумки и забрал у брюнетки пару самых тяжелых.

Марла покивала, завершая приводить себя в порядок.

– Ладно, не до этого, – поджала губы шеф. – Поднимаемся на крышу, уходить будем оттуда.

Пожав плечами, затопал за ней следом – по коридору, затем по лестнице вверх. Позади почти бесшумно следовала Марла со своей поклажей. Пока путь не уперся в железную дверь с засовом

и массивным замком поверх.

Узкую лестничную площадку перед выходом на чердак освещал прямоугольник света из крошечного мутного окошка сбоку под потолком.

Агнес деловито юркнула рукой в потайной кармашек робы, примерила взятый оттуда ключ к замку. Ключ не подходил.

– Не может быть, я же вчера проверяла, – словно оправдываясь, шепнула она, вновь пытаясь провернуть личинку замка.

Повернула его к себе, посветила зажигалкой. Вновь попробовала открыть.

– Дай я, – предложил дружелюбно.

– Какая разница, ключ тот же самый! А я и в ту, и в другую сторону крутила! – Раздраженно зашипела Агнес.

– Марла, есть шпилька? Заколка, невидимка, что-нибудь тонкое и железное? – Уточнил я у блондинки.

Понятное дело, нашлось – укладывать волосы под велон, то еще нелегкое дело.

– Дай пройти, – потеснил я тихо ругающуюся брюнетку, клянящую на чем свет стоял каких-то «предателей» и безнадежно присматривающуюся к, даже на вид, слишком тесному окошку.

– На, пробуй! – Попытались вручить мне ключ, который я проигнорировал.

Тонкая заколка сработала куда лучше – заведенная со стороны дужки, она нажала на внутренний механизм замка, и тот приятно щелкнул в полумраке.

Спрашивается, на что надо было тратить так много стали…

– Благодарю, – вернул я заколку в прежний вид и передал Марле.

– Хм… – Осторожно коснулась Агнес выдвинутой вверх дужки, словно не веря.

– Чего стоим? Кого ждем? – Нетерпеливо потоптался я на месте.

Подстегнутые моим ворчанием, замок тут же отстегнули, дверь открыли, и мы прищурились от яркого солнечного света – ясное небо тут почти круглогодично, а день уверенно приближался к полдню.

– А можно как-то закрыть замок? – Не торопилась отходить Агнес, изучая пространство перед дверью.

Так-то на выходе на чердак хорошо мыли полы, как и на ступенях ниже – не особо и заметно, что кто-то подходил.

– Это прямо важно? – Поднял я бровь.

– Очень. – Емко ответила шеф, но потом расщедрилась на уточнения. – Пусть проверяют другие пути. Как поймут, что

ошиблись, вернутся сюда. Если замок закрыт, то был сообщник. В этом здании у нас союзников нет, так что пусть подозревают своих.

Для улучшения мысленного процесса, почесал затылок. Вариант, на самом деле, был.

Я осторожно подкрался к краю и заглянул вниз. Подобным маневром обошел всю крышу.

– Тогда Марла закроет дужку с той стороны, а мы выдернем ее с этажа ниже. На простыни, веревкой, не знаю, что там у вас есть.

Внизу была мансарда, забитая с одной стороны антеннами и мертвыми блоками кондиционирования, а вот с другой некогда приспособленная под ресторан. Понятное дело, столики и стулья были убраны к стене, туда давно никто не выходил – но, главное, пространства для маневра там хоть отбавляй.

– Выход на мансарду закрыт, ключ у коменданта здания.

– Марла, заколку! – Тяжко вздохнул я.

В отеле раньше полагались на электронные ключ-карты и камеры наблюдения, не особо заморачиваясь с надежностью замков – шпильки и в этот раз оказалось достаточно. Слегка грело душу, как на все это смотрели монахини – даже шпильку они после всего изучали с неким благоговением, а уж мне доставались взгляды покруче тех, что часом ранее.

Сторону, понятное дело, мы выбрали со стороны чужих кварталов – меньше шансов, что кто-то свой заметит. Хотя именно с этой стороны постовые ходили по мосткам над четвертым этажом, глядя, чтобы никто не полез по зданию – ниже четвертого этажа все окна были заложены кирпичом, а под ногами шумела Маркет-стрит. Но даже взгляни охранники вверх, ничего бы не увидели – крыша была значительно меньше контура здания.

Пришлось, правда, объяснять Марле, как закрыть дверь на мансарду со своей стороны – слушала с приоткрытым ртом. Хотя чего там сложного – я ж оставлял отмычку в замке, когда уходил, ей оставалось только дважды провернуть и не забыть ее забрать.

В общем, выдернули мы блондинку, обвязанную тонкой, но прочной веревкой, со скоростью пробки из бутылки шампанского, через десяток минут всех маневров вновь оказавшись на плоской кровле.

– А дальше-то куда? – Скептически отозвался, до того держа мнение при себе. – Где тут отмечают командировочные монахиням из Рино? – Обернулся я вокруг.

– Прекрати паясничать, мы уже все оформили, – дернула Агнес сумкой у себя на плече. – Считай, что мы выехали. А

предупредил бы о сестре Бернарде сразу, мы бы реально выехали полтора часа назад! – Тихо ругнулась она.

– Угу, и замок полтора часа назад сменили? – Скептически уточнил в ответ.

– Все равно нельзя о таком молчать.

– Да ладно, наоборот, удачно получилось, – смотрела Марла на город. – Чувствую, на выезде нас бы тоже развернули.

– Ну, если так, – отчего-то не стала спорить Агнес, глядя в том же направлении.

До соседнего здания со стороны чужой территории было футов сто. Вниз падать – примерно так же.

– Леди, я искренне надеюсь, что мы ждем вертолет, – уселся я по-турецки.

А удобная эта штука – велон, хорошо глаза от солнца защищает.

Хотя он же и подвел – когда три стремительных силуэта рухнули с неба вниз, заметил я их только, когда они были совсем рядом.

– Ни звука! – Придержала меня за плечи, не дав инстинктивно отшатнуться, и закрыла мне рот Марла, встав за спиной.

Признаюсь, чуть не куснул ее за руку – потому что три твари, выглядящие ящерицами-переростками с прозрачными крыльями, беззвучно сели на крышу и деловито зацокали когтистыми лапами в нашу сторону.

Эдакие недодраконы с двумя комплектами конечностей и одутловатыми мордами, косящими на нас один глаз, сложили крылья за спиной – те словно исчезли – и поперли в сторону вышедшей ей навстречу Агнес.

Что-то перелетело с рук монашки по воздуху в сторону одной ящерицы – та выплюнула вперед язык, подхватила им и, довольно заклокотав по-ящериному, остановилась и зачавкала. Еще два кусочка – и все три твари принялись пережевывать угощение.

– Быстро! – Шикнула Марла, поднимая меня на ноги. – Рюкзаки через грудь!

И, проследив за моими нервными движениями, буквально подвела меня к крайней ящерице.

– Лезь! – Подтолкнула она.

– Куда?! – Шепотом отозвался я, чувствуя неуверенность в ногах.

То есть, желание сесть и никуда не ходить.

– Куда-куда?! Сверху! Прижался-обнял! Ну же, они уже доедают!

Я поискал взглядом Агнес – та уже полулежала на дальней

твари, сомкнув на ее туловище руки.

«Она же не сможет открыть крылья!».

– А, плевать, – ругнулся я, резко шагнув вперед.

Ящерица столь же стремительно отшагнула и нервно покосилась глазом.

– Да осторожнее! Плавно двигайся! – Словно за ящерицу зашипела блондинка.

– Да понял, – шагнул я уже плавнее, заходя дугой.

Ящерица тоже двинулась дугой от меня подальше.

– И что делать? – обернулся я к Марле.

Которая уже обнимала соседнюю с Агнес задумчиво жующую тварь.

– Придумай что-нибудь! – Искренне верили в меня.

А я в себя – нет!!!

«Может, покормить чем?» – Сбросил я одну из сумок и залез внутрь.

– Они не едят нашу еду! – Подсказали мне до того, как я надорвал пакет с дневным пайком.

А, ч-черт! Рука рванула к ранцу с маскировочной тварью, но я отдернул от него руку. Во-первых, это козырь.

Во-вторых, что сделает ящерица, когда внезапно обнаружит меня на спине?.. В-третьих, Агнес и Марла непонятно как поступят, если я исчезну из виду.

Есть и в-четвертых: вдруг приписка к письму – это изощренный способ убийства, и метод, там описанный, не сработает?..

Слишком много числительных против этого действия. Не подходит.

«Но что делать-то?!» – Начал я раздражаться.

И уже интуитивно провалился в черно-белое зрение. В котором ящерки исходили прямо-таки аппетитным зеленым цветом.

Поймав взгляд «моей», я облизнулся, а как та попыталась отодвинуться, резко шагнул в сторону – как хищник обходит добычу – и та испуганно замерла.

– Тебе же хуже будет, – мягко пообещал я тоном, от которого два других недодракона развернули крылья-пузыри из желез на боку и рванули вверх и в стороны. – Стой на мест-ш-шше, – сливался голос в низкий рык, пока я медленно подходил к прижавшемуся к поверхности созданию. – Не съемм-м. Не сс-сейчас-сс, – обещал я, дойдя почти до нее.

Включил вид-проекцию, чтобы не упустить ее товарок – те тревожно кружили над нами, пока ничего не предпринимая.

Я опустил руку на тварь, и та рухнула на ослабших лапах, дав

удобно забраться сверху со всеми сумками и приобнять.

– Что стоим? – Буднично шепнул я. – Полетели. Или сс-емм-м, – добавил я, раздражаясь из-за испуганного дрожащего тела подо мной.

Ящерица, стремительно напузырив крылья, рванула вверх.

– Полегче там! – Рыкнул я, чуть стукнув пятками.

И та, словно понимая, угомонилась, закружив вместе с соплеменницами.

А потом, словно успокоившись, все три резко набрали высоту и рванули куда-то на юго-запад через весь город.

Глава 9

Пожалуй что, настолько неловко я себя давно не чувствовал.

– Сломал, – обходила Агнес прижавшуюся пузом к бетонной площадке ящерицу. – Сначала кровать испортил, потом служебный транспорт. Худеть тебе надо!

Три крылатые ящерицы доставили нас на закрытую с четырех сторон бывшую баскетбольную площадку – с одной стороны высился серый храм в готическом стиле, рядом с которым была, по всей видимости, школа при церкви, а замыкал контур высокий забор, за которым виднелись крыши двухэтажных построек – то ли частных домов, то ли еще непонятной надобности зданий. Как слезли с транспорта, Агнес шустро отдарилась за перевозку очередной партией лакомств, которую ее тварюга и тварюга Марлы подхватили с воздуха и умяли с превеликим удовольствием. Лакомство, подкинутое для моей ящерки, упало на бетон.

Собственно, уже тогда было ясно, что мой транспорт засбоил – а уж когда две рептилии махнули в небо по своим делам, а третья осталась… В общем, ко мне появились вопросы.

– Да отойдет, – уверенно заявил я.

Кто ж знал, что они такие впечатлительные…

– А ну не пинай ящерку! – Заметила Агнес движение моей ноги.

– Да даже думать не думал, – возмутился я, выполняя аккуратное «па» правой ногой.

– Она и так тебя тягать устала, дай отдохнуть бедному созданию.

– Какое «бедное создание»?! Вы ее пасть, вообще, видели?! И что значит «отдохнуть» – оно ж в полете даже ничем не махает!

Я, пока летели, убедился – ящерица надувает огромный пузырь вокруг себя, которым ловко подхватывает потоки воздуха. Причем, все три твари как-то наловчились объединять пузыри и маневрировать синхронно. Короче, зверушка не устала, просто со слабой психикой.

– Кровать тоже ничем не махала!

– А вот кстати, вы чего важную информацию зажимаете? – Перешел я в нападение.

Еще недавно меня костерили за фразу сестры Бернарды, из-за которой все это стремительное отбытие и произошло – и там, видите ли, я важную информацию задержал. А тут!..

– Это какую? – Нахмурилась Агнес.

– То, что за нами прилетят три зеленые хреновины!

– Тайна ордена!

– Так разбирайтесь тогда сами, что «тайна» настолько шуганная, что на нее даже топнуть нельзя! – Ругался я поверх ящерицы, отчего та стремилась вдавиться в бетон.

– Они вообще ничего не боятся! – Экспрессивно махнула Агнес рукой. – Мы иногда стреляли, когда они были рядом! На машине гнали прямо на них!

– Значит, оформляйте возврат! Эта – бракованная! – Ткнул я пальцем в ящерицу, и та зажмурилась.

– До тебя нормальная была! И мы их сами выращиваем! Что я коммодору скажу?!

– Хватит! – Рявкнула Марла, и мы недовольно посмотрели на нее. – Вы ящерку совсем зашугали!

– Вот, я же говорю – у вас ящерка больно нежная, – смягчился я и снизил тон.

– Ящерка?! Нежная? Вот эта хрень наглая?! – Агнес сама замахнулась на наше транспортное средство ногой, но под укоризненным взглядом блондинки сдулась. – Там не психика – там каменный монолит! Два рефлекса – жрать и искать, чтобы сожрать! Там страха нет! Вот ты слышал, чтобы по нам палили в пути? – Обратилась шеф ко мне.

– Нет. Но мы ж высоко…

– Высоко, – передразнила она. – Да из любви к искусству бы пальнули! Тут у банд «Стингеры» валяются, а самолеты не летают. Знаешь, как им тяжело? Деньги потрачены – удовольствия ноль!

– Мне им соболезновать? Или зачем это все? – Не понял я.

– Да не видно этих дур зеленых в небе! Никому не видно!

Странно, я же видел. Хотя не глазами – талантом, так что язык лучше прикусить.

– Агнес! – Снова возмущенное от Марлы.

– Да не буду я ее пинать.

– А почему нет? – Недоумевал я. – Она ж придуривается. Пнем – полетит. Все летает, если пнуть!

Законы физики, между прочим.

– Это, в первую очередь, подотчетное имущество! И оно сломалось!

– Да не сломалось, – прикусил я нижнюю губу. – Просто… Ну… В депрессии, – почесал я затылок, глядя на чудовище перед собой.

– Из-за тебя! – С торжеством постановила Агнес.

Как будто кому-то от этого легче.

– Дай эту еду, которую ты ей кидала. Попробую покормить, – буркнул я.

– Она же не хочет, ты видел.

– У меня все захотят. – Прищурился я на ящерку.

Та принялась медленно отползать от меня.

– О! Шевелится! Живая! – С торжеством ответил я.

– Генри, реакция на корм – это когда к корму идут, а не пытаются свалить.

– Сначала выдайте корм, а потом это вот все ваши обидные слова. – Протянул я ладонь к Агнес, и та, взглянув скептически, все-таки положила не нее нечто компактное, но тяжелое.

Присмотрелся – муравей, только какой-то слишком крупный для нынешних мест. Из преимуществ – муравей был хорошо прожарен и не шевелился, так что руку я не отдернул.

– А говоришь, еду обычную не едят. – Невозмутимо ответил я.

– Это муравей-солдат четвертого уровня, а не галеты из сухпайка.

– Четвертого? А какого уровня тогда королева? – Иначе взглянул я на насекомое.

– Была тридцатого, до того как по муравейнику атомная бомба прилетела. Вот, выкапываем такое на окраинах воронки – попадаются почти целые. Ящерицы их обожают, еще и потому, что сами достать не могут.

Нормально я в ванне полежал…

– Так эта гадость, наверное, радиацией фонит? – Сглотнул я.

– Ну и что? – Пожала Агнес плечами. – После возвышения заживет.

– Миленько, – не нашелся я с ответом. – И много таких муравейников еще?..

– Какая разница? Всякий враг человеческий падет супротив искренней веры и ядерного оружия… Ты там кормить собрался или нет? У меня кошелек свинцовый, давай обратно положу.

– Да сейчас накормим, – приценился я к ящерке. – За маму, папу и святого Беккереля.

– Не богохульствуй!

– Даже не начинал, – подкидывал я мертвого муравья в ладони, пытаясь привлечь внимание этой жабы.

Жаба смотрела, но испуганно и на меня.

– Что ж он тяжелый такой, – вновь оценил я массу насекомого.

– Железный на две трети. Они там, с уровнем, все бронируются, еще насмотришься…

– Не хотелось бы. – Емко отозвался, подходя чуть ближе.

Ящерица плавным движением переползла подальше.

– Слышь, зеленая, – миролюбиво начал я переговоры. – Вот эта штука все равно попадет в твой организм, –

продемонстрировал я муравья. – Но будет либо вкусно, либо унизительно больно.

– Да не понимает она наш язык! – Проворчала Агнес.

– Но вы же как-то договариваетесь?

– Дрессировка. Там разума как у собаки.

– Значит, точно договоримся. На-на! – Потряс я муравьем. – Ай, как вкусно! Ам-ам! Это не Марле, не Агнес, а симпатичной ящерке… Ну, «ам»?..

Что-то не шевелится, смотрит настороженно.

Из посторонних звуков – только звук от ладони Агнес, хлопнувшей себя по лицу.

– Так, хрень чешуйчатая, – включил я талант и придавил этот сочный чешуйчатый кусок плоти взглядом. – А ну подползла ближ-ж-ш-ше… Ещ-ще-е ближ-ж-ш-шее… Яз-зык, я хочу видеть твой язык…

Я положил муравья на нечто противно-розовое, осторожно выдвинутое из пасти. Ну хоть лакомство язык обхватил в нормальном режиме – базовые рефлексы есть.

– Ж-жевать. – Подстегнул я голосом.

Ящерица бодро зажевала.

– С-с-сказать «с-с-пас-сибо».

Зеленое что-то проклокотало, вжимая голову в грудь.

– С-с-свалить нахр-рен, пока не пос-с-ову. Живо!!

Рванило вверх, как здоровое.

– Ну вот! – Отряхнул я руки. – А пнули бы раньше – муравья бы сэкономили… Чего это вы так смотрите?..

– Вот один в один наша нянечка настоятельница, – относительно спокойно прокомментировала Марла.

– Генри, – поразительным образом выматерилась моим именем Агнес. – Я пока не буду спрашивать, что это было… Но задача была – починить, а не заставить свалить из штата!

– Да что вы все шумные такие, – поморщился я. – Ну куда она свалит!

– По воздуху! На север, на юг, подальше от тебя! Ты, дурень, не понимаешь! Боевая тройка выйдет на крышу, покажет лакомство, а сверху прилетят только два транспортных средства! Два, не три! – Для выразительности показали мне на пальцах.

Так, где эта хрень зеленая – заволновавшись, посмотрел я талантом сверху вниз. Да нормально все с ней – вон, летает с двумя товарками, наверняка обсуждает меня матом.

Улетит она от радиоактивных муравьев, да щас!

– Да ты, паразит, всю логистику Ордена испортил! – Не сдерживалась шеф.

– А ну к ноге! – Рявкнул я, найдя взглядом «мою» тварь в

воздухе.

Та резко сорвалась вниз.

– Агнес, отойдите, будьте добры, – мягко попросил прильнувшую монахиню. – Сейчас состоится посадка.

– А? – Не поняла та, глядя чуть блуждающим взглядом.

И чуть вздрогнула, когда на бетон плюхнулась зеленая хреновина, складывая пузыри-крылья, и бодро затопала ко мне.

– Выдайте муравья, будьте добры, – попросил я чуть неадекватную брюнетку.

– А нет. Кончились. Марла, у тебя есть? – Повернулась она на блондинку, не нашла сразу, но потом заметила на заборе, жующей питательный батончик.

– Да и не было никогда, – отозвались оттуда.

– Муравья нет, – чуть нахмурившись, встретил я взглядом летающую жабу. – Но благодарю за службу!

Стоит, топчется, порождение мрака.

– Надо положительное подкрепление, – шепнула Агнес. – Они привыкли!

– Но муравья нет.

– Нет.

– Ладно, – вздохнул я, не отпуская «талант». – Иди ко мне, страшилище. Нет, язык пока держи при себе, тут ваши муравьи в дефиците, – подошел я ближе. – Хм… Хороший мальчик! – Бодро похлопал я ящерицу по башке.

Со стороны забора заржали и, судя по звуку, упали на ту сторону.

– Да куда ты языком лезешь, – вздохнул я, не найдя понимания.

– Сейчас бы тебе Марла высказала, – откашлявшись и взяв себя в руки, деловито отозвалась Агнес, заняв позицию за моей спиной и чуть позади.

– М-да, интеллекта тут поменьше, чем у собаки. – Трепал я ящерицу за чешую, уклоняясь от настойчивых попыток забрать несуществующее лакомство. – И страха на один раз.

– Не были бы они такими ленивыми и привередливыми, плохо бы нам было… – Философски отметила шеф.

– Уже не первая мутировшая зверюшка с таким описанием, – хмыкнул я.

– А до этого что было? – Полюбопытствовала брюнетка.

– Черная птица.

– А, это да… Только нефть любит, – покивала она. – Сталкивался?

– Съел. – Задумчиво отозвался, приглядываясь к шкуре зверя.

Вроде на затылке чешуйки мягче и мельче – они даже как-то

подсвечены по-особенному, чуть желтоватым, если талантом смотреть…

Ну ка – попробовал почесать. Тварь замерла, словно прислушиваясь к ощущениям.

Есть контакт!

Деловито осмотрел зверушку – похожие «желтоватые» области нашлись в местах примыкания лап к туше, куда я для эксперимента залез и сразу же отпрыгнул, когда тварь завалилась на бок, вытягивая лапу выше, чтобы удобнее было чесать.

– Не, ну ты совсем уж не борзей, – выдохнув и чувствуя холодный пот, все-таки принялся я расчесывать явно труднодоступные места, стараясь не прислушиваться к довольному полускулежу-полушипению. – Все! – Постановил я через пару минут. – Сеанс окончен!

Лежит, смотрит возмущенно.

– А по жопе?!

Вот, подобралось, крутнулось вокруг себя, глянув с надеждой, но увидев кулак перед мордой, рвануло с площадки вверх.

– Ну и? – Возмущенно повернулся я к Агнес, смотрящей в небо.

– Что, «ну и?». Отличная методика, брат Генри. Я сегодня же передам доклад в виварий. Признаюсь, раньше пытались найти подход к ним через ласку, но после нескольких откусанных рук опыты были приостановлены. Оказывается, мы неверно выбирали то самое место…

– Хочешь, покажу какое у меня «то самое место»? – Шепнула Марла, внезапно оказавшись совсем рядом.

Я покосился на нее и отметил желтое пятнышко на ее ухе. Хм… Кажется, я и без подсказок теперь знаю… Но это потом!

– Да фиг с ним, с докладом! – Все еще кипел я возмущением. – Ящерка-то здоровая. Не слышу извинений!

– Тебе в письменном виде? – Подняла брови шеф.

– Просто «извини». – Сдал я чуть назад.

– Сойдет в качестве извинений, что я не буду докладывать коммодору, что посторонний может пользоваться нашим транспортом, когда ему вздумается?..

– М-м… – Почесал я затылок, невольно взглянув в небо. – Пожалуй, да. Еще и сдача останется, – пришлось признать.

Потому что грохнут, не задумываясь.

– Генри, Марла. Прошу в дом. У нас три недели. Но это не так много, как вам может показаться. – С чем Агнес деловито зашагала в сторону здания школы – видимо, уже бывшего.

– Стой! – Придержал я Марлу за плечо и, игнорируя удивленный взгляд, слегка коснулся мочки ее уха.

Хм… А если языком?..

– А посреди баскетбольной площадки, это не слишком? – Жарко шепнули мне.

– Прошу прощения, надо было кое-что проверить, – невозмутимо отодвинулся я и затопал вслед за шефом.

– И как, проверил? – Заинтересовавшись, догнали меня.

– Почти. Надо формировать программу исследований!

Именно этим настоящий ученый отличается от дилетантов! А я почти ученый – дал бы кто четыре года отучиться еще…

– Если что, я доброволец, – закивала Марла. – Слушай, а у тебя такие ящерицы уже были? – Словно вскользь уточнила она, пока мы протискивались через вход, отчего-то решив зайти одновременно.

Понятно, я подвинулся, пропуская, и тем не менее заминка создалась.

– Нет.

– Ел их? – Не торопилась входить блондинка.

– Нет.

– Странно…

Покосившись, я все-таки юркнул вперед, зашагав по коридору. Сначала потерялся в пустующей постройке – множество дверей, две развилки в зоне видимости и лестница, уходящая наверх. Потом нашел талантом Агнес в подвальном помещении, куда вела лесенка в отнорке перед кладовкой, и целеустремленно заторопился к ней.

– Значит, через стены ты тоже видишь, – меланхолично заметила она.

– Да я просто заметил…

– Титьки Марлы ты заметил, пока на входе терлись. – Агнес прошлась по комнатке подвальчика, заставленной вешалками с плотно упакованными в полиэтилен костюмами, и заняла место за небольшим столиком-партой у дальней стены.

Взгляд у нее был мрачноватый, да еще низкий потолок и неважное освещение – монахиня зажгла газовую лампадку – нагнетали обстановку.

– Генри. – Потерла она переносицу. – Мне очень не хотелось бы составлять слишком сложные планы, если твои таланты могут облегчить нам работу, – доверительно продолжила она. – Согласись, полной дурой себя буду чувствовать, когда ты одним пальцем всех положишь, а у меня десять человек подстраховки по кустам.

– Переоценивать не надо. Просто вижу.

Сверху зацокала обувью по ступеням Марла.

– Я тоже послушаю? – Встала она возле выхода, скрестив руки

на груди.

– Вы задачу поставьте, – мельком оглянулся я на нее и снова посмотрел на босса. – А я подскажу, чем могу быть полезен. Я же все еще не знаю, чем мы планируем заниматься. Кроме старика-китайца, царствие ему…

– Генри, не богохульствуй, – поморщилась сестра Агнес. – Если можешь, избегай этого. Нам это неприятно.

– Ладно, – пожал я плечами.

Не став озвучивать, что их монашеский статус весьма сомнителен, если учесть, как они легко перешагивают через трупы. Хотя если снять ограничения веры… Нет, пусть лучше будут монахинями, и язык я тоже придержу.

– По нашей миссии. Письмо нашего приора помнишь? – Напомнила она.

– В деталях. Кто-то что-то передает из Сан-Диего к вам в город по морю.

– На подводных лодках, – забарабанила шеф пальцами по столешнице. – В контейнерах для перевозки органов. Из места, где, по слухам, разделывают высокоуровневых тварей.

– Это тоже помню, – кивнул я. – И про то, что это плата за гражданскую войну внутри города – тоже. Так делать-то что?

– А что, по-твоему, могут делать три человека? – Хмыкнула она.

– Смотря каких… Если как вы, то много чего. От резни на весь город до точечных операций.

– Массовую зачистку нам никто не санкционирует, ты должен понимать.

Я только плечами пожал.

– Наша задача, Генри, перессорить тех, кто взял плату. – Загорелись азартом глаза брюнетки. – Забрать плату. Выкрасть плату. Убрать мотив действовать по наущению врага. И в то же время, заставить их думать на ближайших союзников. Ведь кто, кроме них, знает о контейнерах?..

– Контейнеры можно уничтожить или обязательно выкрасть?

– Выкрасть.

– Содержимое важно сохранить? – Принялся давить я раздражение внутри себя, уже чуя приобретенным опытом, когда меня хотят поиметь.

– Важно сохранить.

– Для этого вашего нового бога?

– Генри! – Хлопнула Агнес ладонью по столу, опасливо посмотрев по сторонам. – Марла, убери лезвие.

Легкий ветерок у шеи – а я ведь и движения не заметил.

– В здании, кроме нас, никого нет. – Сухо озвучил я.

– Генри, если операция может выполнить несколько задач сразу, то почему бы нет? – Пожала шеф плечами. – Ценные реагенты пригодятся Ордену, а мы – слишком мелкие сошки, чтобы знать, для чего.

– Что я получу после миссии, кроме лезвия через горло? – Не подумал я даже оборачиваться назад.

Вряд ли увижу что-то, кроме легкомысленного взгляда.

– Приглашение в Орден. В качестве рыцаря Его, как исключение за особые заслуги. От тебя не потребуется служение, но Орден в любом городе и любом штате будет рад тебе помочь.

– Но лезвием-то дешевле…

– Генри, я ведь никогда тебе не врала. Вспомни, с первой же секунды нашей встречи – было ли такое хоть раз?

– Не было, – приходилось признать.

– Ты не можешь остаться вне Ордена и живым, ты знаешь слишком многое. Но Орден не принимает мужчин. И даже будь ты женщиной, ты на недопустимом для посторонних кругу посвящения. Наградой за невозможное – немыслимое.

– А вы, я смотрю, здорово оцениваете шансы на успех.

– Мы привыкли, – хмыкнула Марла.

– Сложности будут, – признала Агнес. – Начиная с того, что мы все еще не выяснили, кто продался Мексике и президенту.

– То есть, нет ни количества контейнеров, ни их места расположения.

Шеф развела руками:

– Разведка работает, но результаты нужно ждать. Пока они ищут информацию, сможем вжиться в роль. В каждом квартале есть злачные места для приезжих, даже наш открывают несколько раз в месяц для паломников. А уж обычные, с азартными играми, боями на выживание и тотализаторами доступны круглосуточно. Успеем примелькаться. Бюджет у нас очень хороший. Одежда, – посмотрела она по сторонам на запечатанные в пластик костюмы, брюки, платья, джинсы. – Оружие, документы. Есть все. По твоему списку тоже работают.

– Так, – задумался я. – Есть встречное предложение.

Агнес вопросительно подняла бровь.

– Мы добываем контейнеры до момента, как вам дадут на них наводку. Решаем проблемы с китайцем и залегаем так глубоко, как только возможно.

– Генри, – слабо улыбнулась шеф. – План отличный, но я действительно понятия не имею, где хотя бы один контейнер.

– Это не проблема. А вот предательства от своих я нажрался по горло. Пока мы не убедимся, что вас – и меня вместе – не собираются пустить в расход, хрен им, а не содержимое

контейнеров.

– Коммодор Маурин…

– Плевать я на нее хотел, извините. Из вашей кодлы я знаю только коммодора Лин. Сдавать груз будем только ей.

– Это нарушение субординации.

– Апостолу Петру жаловаться на это будешь?

– Генри, я же просила…

– Извини. Но если я вкладываюсь своим талантом, действовать будем по моей схеме.

– И ты действительно можешь… Увидеть… Где находятся контейнеры? – Шепнула Марла, тепло дыша в шею.

– Я даже вижу, где ты хранишь клинок, – отведя руку назад, сжал я ее левое запястье, под кожей которого хранился вшитый контейнер.

Почти такой же, как у моей Спицы. Может, поэтому они друг друга сразу невзлюбили?..

Марла чуть дрогнула, пытаясь увести руку в сторону, но, чуть расслабившись, осталась на месте.

– Генри? – Заинтересованно смотрела шеф.

– С определенного расстояния увижу, – кивнул я ей. – Покататься все равно придется.

Глава 10

Машина подкатила к серым стальным воротам и заорала сигналом – сначала вызывающе длинно, потом исполнила нехитрую мелодию, сменившуюся снова нетерпеливым гудением.

В бронированное стекло «Линкольн Навигатора» деликатно постучались, и я убрал руку с клаксона, перестав будить квартал. Пару раз крутнул ручку окна вниз, чтобы мужик в камуфляжной форме смог заглянуть внутрь.

– Уже поздно сэр, после часа ночи квартал закрыт, – поклонился и развел тот руками, придерживая лямку автомата, перевешенного за спину.

Имени я его не знал, да и не планировал знать – зато он меня помнил, как и десятка два других «привратников» по всему югу Сан-Франциско.

– Мне отыграться, – не глядя, взял я горсть патронов с бокового сидения и рассыпал их в подставленные руки за окошком.

Кое-что, понятно, упало вниз – но издевки в этом не было, я ссыпал аккуратно. Просто не жадничал, вот и падало что-то на асфальт и в грязь.

– Я понимаю, но…

– Лапонька, покажи, – проигнорировал я.

«Лапонька» – она же стриженная под мальчика Марла, перекрасившая волосы в агрессивно-красный цвет, разрисованная татуировками и таскающая на разгрузке поверх майки фунтов сорок всяких смертоубийственных вещичек – опустила окошко позади меня и продемонстрировала зеленый ящик с белой этикеткой «Федерал» на четыреста двадцать патронов стандарта 5.56.

– Удачи отыграться, сэр! – Шустро рассовав надаренное по карманам, козырнул нам мужик, махнув куда-то в сторону рукой.

Ворота вздрогнули и принялись со скрипом сдвигаться влево.

За неделю кутежа, пьянок, сумасшедших пари и азартных игр ко мне начали привыкать – и если какого другого дурака все-таки спровадили бы домой, то «дать этому малолетке проиграть наше годовое жалование» стало доброй традицией во многих кварталах.

Забавно, но за все время нас ни разу не попытались банально грабануть – суммы-то с собой я возил немалые, тратил их без малейших сомнений и частенько мотался через ночь «докупаться». Ощущение, что город принял джентельменское соглашение – мол, зачем грабить?.. Пусть проиграет все сам – а

уж у кого сколько, это уже вопрос личной удачи.

Ну или роль играли римские цифры III, выцарапанные в уголках лба Лапоньки и Котеночка, дававшие посторонним знать о уровне возвышения охраны.

Машина под моим управлением нахально катила по Хантингтон-авеню к уцелевшему зданию казино. Местечко, конечно, дрянное – заштатное, некогда выстроенное для бедноватых туристов, но – по сравнению с другими – тут хотя бы незаблеванное зеленое сукно на столах, стаканы чистые, почти не стреляют и не пытаются пользовать легкодоступную обслугу в метре от серьезной игры.

Знал бы, что «поездить посмотреть» окажется настолько выматывающим делом, десять раз подумал бы перед тем, как согласиться. Но согласился бы все равно, что уж…

Просто «развлечения» в моем понимании – это дело веселое. А не колесом машины ногу неудачника переезжать, уверявшего, что ключи, поставленные на кон, от настоящей машины. Оказалось – копеечный брелок… На что только надеялся? Думал, раз я посадил девку за руль, то просто пугаю? Так за рулем ведь «Котеночек», и без того бешеная от своего нового имени. А тут еще чемоданы эти клятые как на зло не ищутся…

«Может, они вообще не на юге?» – Как-то попытался я сместить вектор поисков, за что чуть сам не огреб.

Шеф была уверена, что восстанет именно юг, потому что север – большей частью под орденом, союзными китайцами и солидными людьми, которым любые перемены поперек горла.

Север города – место, куда пять лет свозились и где разворачивались производства, пользуясь наведенным порядком, доступной электроэнергией и возможностью перевозок морем. Пусть тамошние заводы, в общем-то, кустарные и ограничены площадями подземных парковок и подвалов в выставочных центрах – но это, по словам Агнес, позволило сохранить технологии и персонал. А значит, и цивилизацию с чистой водой, кондиционерами, медицинскими приборами и всем тем, что резко стало недоступной роскошью в других местах.

Юг города все пять лет увлеченно обгладывал кости цивилизации. Понятно, что за это время они сожрали все рядом с собой, перекинулись на пригород и активно зашагали к границам штата. Север на это закрывал глаза – в конце концов, проще было заказать нужные вещи и оборудование поисковикам, чем организовывать рейды самостоятельно. А рейдерам нужен был ремонт машин и оружия, медпомощь, пошив одежды, алкоголь и кое-что покрепче – и этим им платил север за бесполезные для них железки. В конце концов, электричество тоже шло с севера –

поэтому город жил относительно спокойно.

Бывшее правительство штата, откликаясь на жалобы населения с территорий, подвергающихся разграблению, в спайке с военными стали плантаторами – поделили между собой мелкие города, обеспечили им охрану, а в качестве платы за безопасность отправили местное население на принудительные работы. Когда часть рабочих вышла из строя, ввели понятие «неграждан Калифорнии» и охотно покупали людей «не из штата» у приунывших было рейдеров.

Некоторое количество «плантаторов» и военной верхушки тоже проживала в Сан-Франциско – не на полях же им жить. Запад города – плантаторы.

В общем-то, у Ордена тоже были свои города – только без скупки рабов. Люди сами тянулись на их территории – множество монахинь второго уровня возвышения обеспечивали безопасность и медицину гораздо эффективнее военных. Ну а то, что за это приходилось поработать на полях Ордена – так времена сложные, куда деваться. Там хотя бы организовывали школы для детей.

Городским нищим время от времени предлагали переехать за город – Орден организовывал транспорт на точке за мостами. Бедняков вербовали в свои мини-армии владельцы других кварталов. Бедняков организовывали на принудительное благоустройство города, пытались вытеснить за его пределы, но, в конечном итоге, смирились с тем, что число их не уменьшается. Беженцы из малых поселений каждый день заменяли тех, кто разочаровался в большом городе и уходил из него – или в нем умирал.

Центр и восток города – нищета и те, кому не повезло. Или это одно и то же?..

Это все к тому что с точки зрения Агнес, перемены, хаос, кровь выгоднее всего были именно югу. Север врос в землю, получил влияние и отдавать его не хотел. Плантаторы в ночных кошмарах видели возвращение прежних времен и последующие федеральные расследования того, что они творили. Нищих нет смысла воспринимать всерьез. Рейдеры, в целом, за пять лет тоже набрали жирок и начали обустраиваться – но если появится возможность пограбить, то почему бы и нет?..

Марла тоже интуитивно склонялась к югу, но опиралась на предоставленную шефом информацию.

Я, единожды попробовав возразить, далее помалкивал – сложно судить о положении дел в городе и штате, то и дело отлучаясь на два-три года. Хотя аргументы поискать в другом месте имелись – только легенда «набедокуривший сынок большой шишки» для севера не годилась. С чего бы мажору, зависающему

по злачным местам, внезапно менять интересы и лезть в «чистые» кварталы?.. Слишком подозрительно.

Так что приходилось верить команде. Ну а команда упрямо кормила меня витаминами для зрения – морковку подсовывали. И молились, понятно, за успех предприятия – пока что безуспешно.

В общем, чемоданов не было нигде – на той глубине восприятия, которую я мог проверить, пока рассеянно проигрывал патроны на рулетке, за столом в «двадцать одно», с шулерами в покер. За все время не мелькнуло ничего серьезного в цветовом спектре – я помнил расцветку Черной птицы и ее первенца и ожидал, что в цветовой гамме увижу либо то же самое, или покруче. Но неделя прошла, а успехов – ноль.

Успокаивало, что служба разведки Ордена тоже не добилась никакого результата. У Котеночка был радиоканал со «своими», так что краткое «нет сведений» получали каждый день. Хотя «спокойствие» относительное – через две недели в городе должно было «рвануть».

Потихоньку начало складываться мнение, что либо мы полные неудачники, либо ищем не там, либо контейнеры прикрыты какой-нибудь тварью, аналогичной той, что использовала покойная сестра Гретта. Последний вариант не нравился мне настолько, что я его даже озвучивать не стал. Но, если задуматься, талант «видеть катализаторы», «видеть редкости» – это, пожалуй что, обязательное умение для группы, промышляющей грабежами. А уж у любой серьезной организации рано или поздно такие группы заведутся.

Значит, вполне возможны меры по сокрытию ценностей. Незачем заморачиваться с высокоуровневыми созданиями – сокрыть можно и талантом. Заставить дежурных охранников просить у камня «скрывать от любого взгляда кубовый объем», раскачать – и я обречен буду проездить все три недели вхолостую, зверея с каждым днем.

Это не значило, что мой талант бессилен. Просто надо сменить тактику.

– Рад вас видеть снова, сэр! – Подбежал к машине паренек в алой ливрее, угодливо распахивая для меня дверь.

Позади хлопнули створками Марла и Агнес.

– Не суетись, свои чаевые ты уже заработал, – буркнул я.

Часом раньше, проигравшись вхлам, я некоторое время стоял у машины, разглядывая оставшиеся в салоне патроны, изображая, что всерьез раздумываю забрать их в казино и попытаться с них раскрутиться. Но в итоге все они достались этому пареньку, а я «поехал за нормальным банкроллом».

– Я просто рад вас видеть! – Не согласился служка.

Ну еще бы не рад – вон как сияет улыбка без пары передних зубов.

– Лапонька, тащи ящик за мной. Котеночек – смотри, чтобы машинку не обидели. – Привычно скомандовал я, зашагав ко входу в казино.

Сегодня был день Марлы – с утра они кидают монетку, кто следит за колесами, а кто не дает всадить мне шило в печень. Хотя меры защиты этим не ограничивались и напрямую зависели от места отдыха – где-то им приходилось вежливо отводить в сторону людей, желавших навязаться в друзья. Где-то наливать мне из бутылки, взятой с собой – после случая, когда глотнул какой-то химической дряни и чуть не полез на ближайшую официантку, зарекся пить местное пойло в мутных местах. В тот раз обошлось – Агнес накинула паралич, который я принял. Так что коренные, уже приготовившиеся выставить меня на деньги, остались весьма разочарованными. Как же – чуть невинную пастушку не обесчестил… Остатки той бурды Марла забрала «на опыты». Она, с моей подачи, тоже мелкими шажками двигалась в сторону науки.

Тут, повторюсь, квартал был спокойный, в нынешних условиях – даже с замахом на респектабельность, поэтому функцию Котенок выполняла парадную и патроно-таскательную. Ну не мне же носить тяжести, несолидно.

Я кивнул холуям, открывшим перед нами двери и согнувшимся в поклонах.

Итак, новая тактика была. Выбор правильного места обошелся мне в два дня головной боли и редкого сна – для начала, вспомнить и проанализировать все уже посещенные места. Потом – приехать в избранные точки снова и до рези в глазах вглядываться через стены, пытаясь найти уже не контейнеры, а кое-что другое. И наконец, потребовалось внутренне решиться на нечто большее, чем изначально планировал – я-то должен был просто показать, где цель есть, а все остальное было бы за Лапонькой и Ко… Тьфу, за Марлой и Агнес.

Со своими мыслями и планами к монахиням я до поры не лез, хотя, возможно, они могли бы подсказать. Но город для них – такой же чужой, как и для меня. А видел я все равно больше.

Например, слишком хорошо вооруженных людей для небольшого квартала. Благосостояние, которое трудно объяснить. Отсутствие детей и женщин внутри жилых домов – вернее, малый их процент.

Да, тут есть казино, оно кормит, и его нужно защищать. Но я тут не первый день и примерно представлял обороты. Казино не

заработает на наемников и патрульных с густым южным загаром. Не купит броневики, до поры скрытые под чехлами на подземных парковках.

«Вот! Вот оно!» – Закричала бы Агнес, если бы узнала об этом сразу.

Но ей нужен контейнер, а не доказательства, которые можно предъявить – так я мотивировал свое молчание перед тем, как рассказал, что буду делать.

– Мне надо согласовать с руководством, – прикусила она губу, потирая место под майкой, где было вытатуировано DEUSVULT.

– Тебе не нужно этого делать, – мягко заверил я ее.

– Почему? – Насторожилась она.

– Могут запретить. – Сообщил я очевидное. – А так – неизвестные люди, неизвестно зачем…

– Авантюра.

– Тактика! – Не согласился я.

Тактика готова. Правильное место выбрано. Какая там еще причина, по которой мы не нашли искомое?.. А! То, что мы просто неудачники.

Время проверить, так ли это.

Уже как дома, я привычно завернул к кассам, где нам разменяли ящик патронов на стопки керамических фишек. Пока Марла пересчитывала выданное, складывая в захваченный с собою пакет, я скучающим взглядом окинул решетчатую загородку, за которой сидели девочки-кассиры. Несмотря на довольно-таки легкомысленную конструкцию – через прутья несложно угрожать пистолетом – шансов на успех у возможных грабителей не было никаких. Не хранились в комнатке ценности – от клиентов они сразу же уходили через лаз в полу в подвальные помещения. Выигрыш поднимали снизу вверх – и, если он был крупным, предварительно блокировали двери. Правда, я тут обычно проигрывал – сложно сосредоточиться на игре, когда цели совсем другие.

– Готово, сэр, – с довольной улыбкой продемонстрировала Марла увесистую упаковку.

Я нетерпеливо кивнул и пошел сквозь залы, игнорируя позднюю игру на рулетке и комнаты, где играли с дилером в блекджек. Прошел мимо местного бара, заполненного на треть – готовили тут прилично, а если играть, то наливали бесплатно. По левую руку осталась лесенка, внизу которой призывно светились игровые автоматы. Там я как-то был – просто огороженная часть подвала с ненасытным до фишек железом и раздражающим звоном из-за паршивого эхо. Помню, пожаловался – обещали

устранить, но что-то не торопятся.

Мне нужно было в самый конец здания, куда ленивый просто не пойдет, а случайного завернет вежливая охрана – вон стоит чернокожий в два метра ростом, ему в проходе встать, уже никто не сунется. Завидев меня, он изобразил улыбку. Я же его просто не заметил – так принято. Только перед самым входом забрал пакет с фишками и, оставив Марлу скучать с молчаливым охранником, зашел через неширокую арку.

В желтом свете ламп, отраженного от пола хитрой системой зеркал, вился дым сигарет. Полукруглое помещение без окон, выкрашенное в бледно-желтый, с парой-тройкой алых картин-абстракций, предназначалось для большой игры. Или, попросту, для дойки заезжих лохов, вроде мажора из южного штата. Хотя игроки – их за полукруглым столом было четверо – подобрались крайне душевные.

– Генри! – Поднялся из-за стола мужчина со внешностью бухгалтера – может, он и был им, потому не обращал внимание на линялый пиджак и застегнутую не на ту пуговицу сорочку.

– Леви, – приветственно кивнул я ему.

– Мы делали ставки, вернешься или нет, – откашлялся из-за стола мужик с седыми усами и бессменной ковбойской шляпой поверх лысины – здешний шериф, мистер Уэйн.

– Кто победил? – Проходя вдоль стола, здоровался я с жизнерадостным пухлым коротышом Майком, который держал здешний самогонный бизнес.

– Я, разумеется, – фыркнул в ответ шериф. – Я видел решимость в твоих глазах!

– А я проиграл, – Фред закусил сигарету в зубах, чтобы освободить руки, и уважительно пожал мою ладонь двумя своими.

Мутный тип, слишком «средний» для любой профессии. Одет, как в забегаловку – кофта, джинсы. При этом, задевать его за столом люди опасались.

– Лучше бы ты проиграл моему «стриту», – попенял я ему, игнорируя здешние порядки.

– На каждый «стрит» есть «стрит» старше, – хмыкнул он.

– Жоан, – кивнул я даме-дилеру, занимая то же самое место, что и час раньше.

– Здравствуйте, сэр, – кивнула она, ставя передо мной «большой блайнд» – обязательную ставку.

Через минут двадцать я был в плюсе на треть банка, еще через полчаса имел половину от того, что было на руках, через час дважды удвоился – игра шла интересно, в этот раз я за ней активно следил, ни на что не отвлекаясь. Ну и жулил немного,

чего скрывать.

– «Флеш», – перевернул я карты, с торжеством глядя на утиравшего пот со лба бухгалтера.

Пятая «черви» досталась вместе с последней перевернутой картонкой на столе – до этого я «отчаянно блефовал».

– Как же так, – лепетал Леви, глядя на «две пары» в своих руках, в которые верил настолько, что поставил все сразу. – У вас же ничего не было!

– Должно же было когда-то повезти, – азартно складывал я столбики из фишек, переданных на мою сторону дилером.

С этого банка я почти окупил потери этого утра. Хотя, если вспомнить прошлые дни, все еще был в жесточайшем минусе.

– Господа, может мне кто-то занять? – Посмотрел Леви на соседей, с отвращением сбросив свои карты в отбой.

– Было бы из чего, – страдальчески посмотрел на остаток своих фишек Майк.

Еще кругов десять раздач без ставок, и ему тоже придется докупаться.

– Я могу, – заикнулся было я. – Только вернуть придется через неделю.

– О, неделя – пустяк!

– Да ему руки в сейф запустить – минутное дело! – Хихикнул самогонщик.

– Майк, – укоризненно глянул на него Леви. – Деньги будут даже быстрее! Пять… Нет, четыре дня! – Быстренько посчитал тот что-то в уме.

– Леви, ты и так должен заведению, – меланхолично заметил Фред. – Иди домой.

– Ладно, Фред, – вздохнул он и принялся откланиваться. – Ты прав.

Именно в этот момент где-то в отдалении что-то грохнуло, заставив слегка вздрогнуть пол и стены. Свет мигнул и погас.

– Что за черт? – Озадаченно произнес мистер Уэйн.

Послышались отодвигаемые от стола стулья. Чиркнули зажигалки, появился тусклый свет.

Под ним я суетливо закинул фишки в бумажный пакет и отправился на выход.

– Генри, подожди. Пусть разберутся, что там происходит. – Хотел притормозить меня Фред.

– Вряд ли тебе сейчас обналичат, – поддержал Майк. – Останься.

– Проверю машину и вернусь, – изобразил я, что задумался, но все-таки упрямо потопал с выигрышем на выход.

Но притормозил возле прохода к слотам, откуда пытались по

стеночке вылезти местные лудоманы, и запустил в пакет руку.

Добрался до дна, провел пальцем по спирали из центра пару раз – не торопясь, от волнения чуть прикусив язык. И когда тварь, доставшаяся от Гретты, наконец-то проявилась, решительно переложил ее себе на левое плечо.

Для окружающих я исчез – или стал чем-то настолько обыденным, что даже при свете не обратишь внимание.

Именно так убивала Гретта свои цели – именно так планировала ликвидировать мечущуюся из стороны в сторону Марлу, которая бы не понимала, откуда в нее стреляют. Именно под прикрытием твари на нее не подействовал бы паралич Агнес. Монстр десятого уровня воспитывался как симбионт, и мог защищать владельца.

Ну а мне даже воевать, надеюсь, не потребуется – деловито направился я в сторону бара, ловко обходя взволнованных людей. До зажигалок додумались многие – но меня никто не замечал. Только времени от этого не становилось больше – на улице завели машины, свет фар был виден в распахнутом проеме входной двери. Скоро развернут машины к окнам казино – они тут занавешены, чтобы игроки терялись во времени, не отличая день и ночь, но ведь несложно и расшторить. Очень бы не хотелось, чтобы меня начали искать и не нашли…

Я торопился, стараясь оставаться спокойным – но когда зашел в техническое помещение за барной стойкой и остановился возле неприметной дверки, руки чуть-чуть подрагивали. Выдох-вдох…

Отмычка легко справилась с замком, хорошо смазанные петли не скрипнули – и только озадаченное лицо охранника, глядящего с включенным фонариком наружу, заставило вздрогнуть.

– Босс, это вы?

– Я, – буркнул я, отчего-то имитируя говор Фреда.

– У нас нет электричества, босс. – Послушно посторонился он, уводя свет фонаря вниз.

– Я знаю. – Прошел я мимо, обливаясь потом.

– Что делать, босс? – Спросил он в спину.

Я молча прошел дальше.

– Вот так всегда, – вздохнули тихонько сверху.

Значит, все правильно сделал.

Ступени спускались все ниже – уже даже не подвал, а второй подземный этаж. Небольшой холл со столом и стулом – пустые, видимо, для балбеса-охранника.

Мне налево – шел я по памяти, изучив маршрут за прошлые визиты, пока не уперся в сейфовую дверь с очередным

охранником.

Тот тупил в телефон, разглядывая порнушку, и за стонами даже внимания на шаги не обратил.

– Так ты на посту стоишь? – Строго обратился я, что он аж телефон выронил.

– Шеф! Виноват, шеф! Я хотел фонарик в телефоне включить…

А включил видео.

– Дверь открой.

– Так… Ключ только у вас. – Растерялся он.

– Правильно. Отвернись.

Тот послушно уставился в стену.

Не знаю, скроет ли возню с отмычками тварь на плече, но лучше без наблюдателя. Два замка, оба сувальдных – пришлось повозиться.

– Ничего внутрь не засовывал? – Строго спросил, возясь с механизмом.

– Нет! – Замотал тот головой.

– Тогда почему не открывается?

– Не могу знать, шеф!

– Стой, не трясись. Разберусь. – Многообещающе пообещал я, вскрывая первый замок и занимаясь вторым.

Через минуту сдался и он – легко, когда видно механизм.

Я открыл дверь и прищурился от разноцветого блеска на стеллажах по обе стороны хранилища казино.

Расчет был прост – если наша цель здесь есть, то она в самом защищенном месте. А какое самое защищенное место в этом квартале?.. Нет смысла искать другое, если в казино и так налажена охрана.

Хотя, конечно, риск ошибиться был.

«Черт, да он и сейчас есть!» – Прикрыв дверь за собой, смотрел я на цинки с патронами, слитки золота, разнообразные сверкающие амулеты и части тварей, хранимые тут.

Контейнеров – нет. Богатство на полу и по полкам – несомненное. Даже есть вещички ранга Черной птицы, но… мелкие. Я, конечно, положил их в карман – а чего им быть пустыми.

Контейнеров – нет. И того роскошества, что они содержат – за которое можно вырезать остальной город, отправив людей в самоубийственную атаку – тоже нет.

Изо рта вырвалось тихое ругательство.

Я уже собрался выбираться обратно – время-то идет – как отметил странность у стены напротив. Как так – тут на полу всякое валяется, что пройти тяжело, у стен стеллажи чуть ли не

гнутся – а у стены слева стеллаж только половину закрывает. Нерациональное использование места.

«Или просто идиоты», – глянул я сквозь стену и обнаружил темноту земли.

Потихоньку отчаяние, до того стоявшее, как и я, на пороге, начало царапать спину. А ведь нам еще валить отсюда – и дай Он, чтобы Фред не решил спуститься в хранилище до нашего отъезда… Или прямо сейчас…

Но я упрямо зашагал к пустому участку. Потому что надо было проверить. Минутное дело – просто чтобы успокоиться…

Голая стена – прохладная на ощупь. И тоненькая линия низенькой двери на уровне груди – пока не подойдешь вплотную, не видно.

«Есть!» – Чуть не заорал в голос и тут же заволновался. – «Только бы не тайный механизм».

Оказалось – просто крошечная щель для ключа. Которую я, хоть убей, но просмотреть насквозь не мог – а значит, не видел и механизма замка.

Так что в первый раз работал, полагаясь только на щелчки и ощущения от давления отмычки на подушечки пальцев. Замок не сопротивлялся долго – его настоящая защита все еще пялилась в стену в коридоре. Щелкнул, открылся.

Внутри оказалась полноценная комната – стол с записями и конвертами на столе. Рядом со столом – два закрытых контейнера занятного вида.

«Нашлись!»

Вторая половина комнаты была занята крупногабаритной ванной с телом внутри.

Еще раз взгляд на контейнеры талантом – ничего яркого, цветного и ценного внутри. Серый прямоугольник объема.

Я аж присел, чувствуя, как уходит вся радость, сменяясь меланхолией.

Только сейчас почувствовал кислый запах химии, шедший от раствора, в котором плавало тело.

«Опоздали».

«Ладно, черт с ним», – поджал я губы, собирая хотя бы документы со стола и запрятывая к себе в нашитые по одежде тайные карманы. – «Может, там что найдется?»

Было безумно жаль потратить столько усилий и прийти ни к чему…

Ну конечно – если ценности хранить, то в хранилище. Если проходить эволюцию – то вряд ли найдется место надежнее…

«А Фред – доверенный человек местного босса», – сделал я вывод, встав у ванны и собираясь уходить. – «Странно, что они его

хотя бы не раздели… Одежда ж пропадет…» – С горечью смотрел я на пассажира ванны.

«Стоп», – замер я. – «А какого черта одежда не пропала?»

Осторожным движением руки я коснулся раствора.

«Зафиксирован подготовленный раствор. Степень концентрации недостаточна для прохождения эволюции!»

«Идентифицируйте объект в растворе: труп человека, возвышенный ранг четыре».

«Реагент», – сглотнув, отозвался я.

«Добавлены бонусы к эволюции: возвышенный ранг четыре. Внимание! Зафиксированы „Глаза малого василиска“, „Легкие с дыханием стужи“, „Скверное, переломленное алое перо из крыла огненной птицы“. Выполнены условия для передачи таланта!»

Это что же, можно не живых, можно трупы в ванну таскать?! Я озадаченно посмотрел на мертвеца, а потом на жижу вокруг него. Тоже важная деталь – система говорит о трех катализаторах, а талант видит труп в ванне. Раствор экранирует сияние?..

Тогда, может быть, ценные вещи где-то на мужике или на дне ванны? Если это предметы из контейнера, вдруг их еще можно забрать?

Закатав рукав, подвинул труп в сторону. На дне ничего не было. Осторожно перевернул мертвеца – полюбовался странно выглядящей рукояткой ножа в его спине на уровне сердца. Если смотреть талантом, ручка, показавшаяся над водой, слегка мерцала алым.

«Миленько…» – Прикусил я губу. – «Допустим, алое перо – нож. Остальное сожрал? Выходит, что так… Мэр тоже что-то сожрал до погружения – и это, как я понял, послужило триггером к передаче таланта. Но поглощенное мертвецом не дает других бонусов! Так зачем ему скормили содержимое контейнера?.. Тоже – не успели, как и я?.. Дерьмово… Ладно, время уходить.»

Потянул клинок из спины мертвеца – а мертвец возьми и задергайся… Клинок вдавил обратно в рану – затих.

«Э-э, нет. Он живой», – стер я холодный пот со лба. – «Помочь?.. А почему бы и нет?.. Пусть добавит бардака нашему отходу.»

Вновь принялся доставать клинок и немедленно засунул обратно, как заметил прорастающие из шеи и головы алые шипы.

«Нет. Мертв.»

«А возрождать „огненную птицу“ в подвале – вообще не вариант», – кивнул я орущей в панике интуиции.

Усилием воли, стараясь забыть о трупе в ванной, я вновь посмотрел на алюминиевый багаж – взялся за ручку, приподнял.

«Может, отдать просто контейнеры? А что – хотите

контейнеры – берите. За содержимое не договаривались…» – И одернул себя. – «Не паясничай».

Но забрать все равно надо. Если прижать к груди, тварь скроет и их – сделает неважными для остальных. Как делала неважной ту же снайперскую винтовку, выпирающую на добрый метр.

Вторая попытка уходить завершилась тем, что от контейнеров оторвались питающие проводки, идущие к стене.

«Так».

Провода – обычные, как к бытовой технике от розеток. Как к холодильникам… Почему-то не отключенные – значит, контейнеры были запитаны от сети. Значит, сейчас должны перейти на внутренние аккумуляторы, если не отключены – но смысл их держать включенными, если внутри ничего нет… Ничего ж не мигает, сигнализируя о заряде!..

А почему оно должно замигать? Почему не просто светиться?.. Электричества нет уже несколько минут – на аккумуляторы оно должно перейти еще до моего прихода.

Я посмотрел обычным зрением – и правда, светятся желтым светодиодные прямоугольники у ручки. А в таланте все черно-белое – не разберешь…

«Хм», – подстегнул я мыслительный процесс чесанием затылка. – «Получается, они не пустые?..»

«А кто мешает проверить?..»

Присев рядом, поискал, как контейнер открывается – нашел две защелки с кодовыми замками и отверстие под ключ. В темноте усмехнулся, доставая комплект отмычек.

Клацнули затворы, слегка приоткрылась крышка, выпуская яростное золотое сияние – и я тут же захлопнул контейнер обратно.

А на лицо начала возвращаться улыбка.

«Значит, чемоданчики и сами по себе экранируют таланты», – сделал я наконец-то верный вывод и, прижав не такие и легкие контейнеры поближе к себе, победителем собрался на выход.

«Внимание! В ванне остался носитель таланта четвертого уровня!»

«Да знаю», – печально вздохнул я. – «Но тащить на себе труп с ножом в спине – это уже перебор. Он же все закапает».

«Вы можете отложить поглощенный талант до следующей эволюции».

«Да?» – Обернулся я.

«Вы можете поглотить и одновременно поддерживать до трех талантов на девятом уровне эволюции! Третий слот свободен! Повышайте уровни для одновременного использования большего

количества талантов!»

До трех – это неплохо. Если там не ерунда какая…

«Ненужные таланты можно отменить», – соблазняли меня.

Тогда интересно… Подошел я к ванне и окунул правую руку. Вновь всплыло старое сообщение, на которое я ответил буднично:

«Поглотить».

«Выберите вариант передачи таланта: активный навык „Мощь гризли на пять минут“, уровень четыре, бонусное время „плюс четыре минуты“. Пассивный навык: „Ярость“, уровень два. Обращаем внимание на особенности активных и пассивных навыков: активный усиливающий навык не будет пробивать барьеры талантов выше вас уровнем. Такой же результат будет при наличии на цели защитных оберегов равного или выше уровня. Пассивный навык не требует активации. Его невозможно отследить оберегами, от него невозможно защититься. Выбор за вами!.. Выбор принят!»

Хрена с два я еще на несколько лет из мира выпаду. Обойдемся активным.

Уже привычно посмотрел, как серые ленты утянули труп на дно. Только в этот раз в руку будто впилось что-то одновременно ледяное и адово огненное – двумя иглами прошибив до локтя. Я не удержался от вскрика.

– Шеф? – Окликнули от входа. – С вами все в порядке?

– Лучше не бывает. – Буркнул я, смахивая капли с пальцев в ванну.

Теперь – точно все.

Двери я дисциплинированно закрывал за собой – да, время словно бы поселилось в затылке, выбивая заполошный ритм секунд, но так будет правильно.

– Шеф, я разбил телефон. Больше никаких нарушений, шеф! – Испуганно сказал охранник мне в спину.

Зря, к слову. Но я молча кивнул – пусть ему некоторое время будет спокойно.

До того, как придет Фред и начнет спрашивать, куда делись контейнеры, письма и, черт возьми, труп.

Я адово боялся, что наверху уже вовсю горит свет. Я тщательно задвигал назад мысль, что сверху лестницы уже ждет комитет по встрече – да, всего одно слово, и в дело включится Марла… Но коридор – узкий, пуля – быстрая, а контейнеры, которые я держал перед собой – не ощущались особо тяжелыми…

Однако на первом этаже была прежняя суета, громкие разговоры и обсуждения, что кто-то взорвал питающий кабель в паре кварталов отсюда, обесточив половину города.

Появилось локальное освещение – кто-то жег свечи,

зажигалки. Кто-то все же открыл часть штор – и луна вместе со звездами заглядывали внутрь казино.

Я деловито прошел на выход, открыл багажник машины – рядом встрепенулась Агнес, пытаясь кого-то найти рядом с собой. Положил внутрь контейнеры, все письма, добычу. После небольшой процедуры, отлепил-таки от себя хтонь десятого уровня, скормил ей яблоко из багажника и ляпнул поверх контейнеров.

Хлопнул багажником и обратил внимание на вопросительно глядящую Котеночка.

– Электричества нет. Может, черт с ней, с игрой? – Пожаловался я.

– Вам виднее, шеф.

– Пойду, попрощаюсь с друзьями. – Захватив горемычный пакет с фишками, поперся я обратно.

Пренебрегая талантом, двигался как все – по стеночке, помогая себе зажигалкой. Добрался до зала с игрой – там уже расставили пару десятков свечей.

– О, Генри! А мы уже играем, – жестом пригласил меня Майк.

– Так даже интереснее, – нашелся за столом и Леви, которому, видимо, все-таки дали взаймы.

– Черт, и вправду. – Почесал я затылок, занимая свое место.

– Что там на улице? – Спросил Фред.

– Говорят, кто-то взорвал кабель. – Ответил я ему, выкладывая фишки. – Полгорода обесточило. Так что даже если я поеду к себе в Бальбоа, все равно сидеть в темноте… – Замедлился я. – Черт, господа, – принялся я укладывать фишки обратно. – Я вынужден вас покинуть. У меня в Бальбоа батюшкины деньги, а эти уроды с охраны без света свою жопу не найдут.

– Генри, не материтесь, – укоризненно пыхнул сигарой мистер Уэйн.

– Прошу прощения, сэр, был взволнован.

– Фишки вам все равно не обменяют. – Напомнил Фред.

– Я могу доверить их вам? – Прикусил я губу. – Если все в порядке, я вернусь.

– Разумеется. У нас – не обманывают, вы же знаете.

Примерно на три тысячи патронов знаю.

– Благодарю. – Кивнул я ему, оставляя рядом с ним пакет. – Господа! Надеюсь, я скоро.

– Я могу попросить парней вас проводить, – поднял бровь мистер Уэйн. – Взрывы будоражат кровь мерзавцам.

И не только им, не только им…

– К счастью, мне не о чем беспокоиться. Кроме батюшкиных

денег, – кивнул я благодарно и с озадаченным видом быстрым шагом направился на улицу.

«А мог бы молча уехать!» – Грызло внутри. – «Вот зачем этот риск? А если он почувствует запах кислот от одежды?!»

«Я не окунался – раз. Уехал бы молча – кто сказал, что нет команды никого не выпускать?!»

В общем, в такой перебранке добрался до своей машины, заметив молча пристроившуюся на полпути Марлу.

– Домой. Тревожно мне. – Забрался я за руль и завел машину.

После чего рванул к воротам, бибикнув на подъезде. Ворота никто открывать не спешил.

– Сэр! – Подбежал к машине старый знакомец.

– Ага, я. Открывай.

– Приказ – не открывать до утра.

– Свяжись с командиром, скажи кто я. Скажи, что мистер Уэйн, мистер Фред, Леви и Майк вкурсе, что я скоро вернусь.

– Вы так быстро проигрались? – Охнул он.

– Старина, я сегодня в большом плюсе! Но какие-то придурки взорвали кабель, и света нет там, где все мои вещички. Как бы кто не запустил в них липкие руки, братишка. Так что давай запрашивай начальство. – Нетерпеливо похлопал я по двери через открытое окно.

– Да, сэр! – Опрометью побежал он к зданию поста.

«Ну вот – не зря возвращался за стол».

Вернулся боец через пару минут и вид имел виноватый.

А за его спиной я видел еще пару вооруженных людей, выдвинувшихся в нашу сторону, но остановившихся на полпути.

– Что на этот раз? – Добавил я к голосу раздражения.

– Велели досмотреть машину перед выездом.

– Лапонька, Котенок – из машины. – Распорядился я.

Шустро открыл все двери, капот и багажник, всем видом показывая, как тороплюсь.

– Тут у меня кроме колес – ничего, – кивнул я подходящему охраннику.

– Ага, вижу, – глубокомысленно согласился он, заглядывая внутрь.

Да чего скрывать – я тоже видел два штампованных диска с резиной, сложенные друг на друга.

Но постоять все же пришлось – охранник подошел к делу ответственно, пусть и корчил чувство вины. Под сиденьями, в бардачке, под капотом, под днищем – все проверил, все просветил фонариком.

– Ну? – Набычился я. – В карманы мне полезешь?

– Что вы, сэр! Извините, сэр! Прошу простить, это приказ

командования! Можете ехать, сэр!

– Да меня там десять раз ограбили, пока ты возился… – Заворчал я, захлопывая капот и садясь за руль.

– Простите, сэр!

– Простил. Махни там, чтобы ворота открыли.

Те со скрежетом стали откатываться. Я вдавил газ и буквально вылетел на улицу, как позволил проем. Повернул на север и помчался, вглядываясь в освещенную яркими фарами дорогу. Чуть сбавил скорость – не вдолбаться бы еще по-глупому…

– Придурок, – мягко обратились ко мне с заднего сидения.

– Да, Котеночек?

– Тебя за чем посылали? Ты нахрена колеса украл?

А, они же тоже не видели…

– Ты видела протектор? Почти новые. Ай! – Вильнул я по дороге от подзатыльника.

– Генри! Нахрена мы кабель взрывали?!

– Да успокойтесь, – хмыкнул я. – Контейнеры это. Две штуки. Зверушкой просто прикрыты.

Ну хоть дали отдохнуть в тишине.

– А я знаю, какой у тебя второй талант. – Безмятежно произнесла Марла.

– Да ну? – Покосился на нее.

– Ага. Ты взял вечную молодость! На самом деле, ты дряхлый, хитрый и продуманный старикашка семидесяти лет, который захотел быть вечно восемнадцатилетним! – Веско постановила она.

– Это значит, что я смелый, умный и у меня все получается? – Где-то внутри меня рвалась из груди отчаянная радость торжества, хотелось во весь голос кричать и улюлюкать.

Ведь цель – у нас. Не знаю, два контейнера – это много или мало. Но мы уже не с пустыми руками. Мы уже добились успеха.

– Это значит, что ты мерзкий и старый извращенец, который трогал наши юные невинные тела! – Обиженно отвернулась она.

– Генри, я все равно вижу два старых колеса! – Пыхтела, пытаясь перебраться с заднего ряда в багажник Агнес. – Черт, я застряла.

– Генри, она застряла! – Подтолкнула меня Марла локотком.

– Ну помоги ей, – хмыкнул я.

– Ладно… – Фыркнула она и полезла назад. – Генри! Я тоже застряла!

Тяжко вздохнув, я включил свет в салоне и чуть довернул центральное зеркало.

– Допустим, застряла. Но штаны зачем было снимать? –

Добавил я газ, возвращая зеркало обратно.

– А ты догадайся.

– Доеду – догадаюсь.

– Генри… Ну ты хоть свет выключи, – фыркнули позади.

Я прищурился, представляя, как мы выглядим со стороны, и ткнул магнитолу, тут же выкрутив «Хайвей ту хелл» на полную.

– Генри!

Стекла вниз, левую руку под поток ветра. Вот сейчас можно и поорать.

– Генри!!!

Странно, под холодом – левая, а слегка немеет почему-то та, что впитала чужой талант…

Глава 11

– Вот почему если «тайное убежище», то обязательно сырой подвал с мертвой техникой? – Ворчал я громко, разглядывая внутренности электрического щитка. – Почему не таунхаус с бассейном?

Единственный слушатель – Сестра Агнес, сменившая экстремальный вид телохранителя на классическое бежевое платье, серую кофту и темно-зеленую косынку поверх волос – поддерживала беседу односложными звуками. Она уже второй день разбиралась с добытой мною корреспонденцией, проводя время возле крошечного подвального окошка, пока солнце давало хоть какой-то свет. Иногда делала записи в своем блокноте – переписывала участки текста, дописывала поверх что-то свое. В общем, была крайне занята.

– Неужели в этом городе нет нормальных брошенных помещений? – Пытался я разобраться с местной электрикой, доставшейся вместе с техническим помещением под полусгоревшим домом.

Хотя ругался больше для виду. Дай человечеству свалку – оно и за нее передерется. Так и тут: в городе много брошенного, только у всего уже давно есть хозяева, жестко обозначившие границы своих территорий. Просто где-то отделялись от мира стенами и заборами, а где-то, как тут, малевали значки банды на стенах граничных домов.

Фактически, мы вторглись на территорию бригады, курирующей одну из крупнейших барахолок города – то есть, крышевавшую нищих и всякий сброд, стаскивающий разный хлам под транспортную развязку сто первой и двухсот восьмидесятой трассы. Ценного нищие ничего достать не могли – разве что своровали бы у кого – так что крупные банды местными интересовались слабо.

Понятно, что квартал не защищался никак. Одновременно, любой бродяга или человек в сложной жизненной ситуации мог свободно зайти на его улицы и даже осесть. Из минусов – никаких гарантий, что завтра проснешься. Могут ограбить и зарезать местные, которым показалось, что у тебя есть что-то ценное. Может избить или убить местная золотая молодежь, изредка приезжающая в квартал развлечься и пострелять по людям. Иногда в ответ стреляли по ним, отнимали машины и ценности – но тогда весь квартал вымирал на пару недель, пока каратели не успокоятся.

Но даже тут можно было кое-как существовать, если

держаться поближе к барахолке и не забывать про подарки местной охране.

Группа из трех человек: потрепанной жизнью проститутки, наркомана-электрика и сумасшедшей с постоянно трясущейся головой – влилась в местное общество идеально. В первый же день «проститутка» нашла себе «папика» из местного руководства – человека, крепко задолжавшего Ордену, переданного сестрам вместе со списком других полезных людей еще до начала всей этой авантюры. Я, пользуясь все еще взорванным магистральным кабелем, проходившим не особо далеко, сделал в него нелегальную врезку и прокинул ветки по техническим колодцам до дома охраны (в основном, используя уже проложенные под землей провода), намекнув, что неплохо бы жить где-то рядом, если при подаче мощности возникнут какие-то проблемы. Уже этого хватило, чтобы под нас очистили подвал дома на Томпкинс-авеню. Ну а потом «сумасшедшая» сварила настолько отменное варево, что на запах явилась та же охрана. Сначала хотели просто отнять, потом договорились, что раз в день будут обменивать похлебку на продукты – если, конечно, хотят жрать сваренное из продуктов, а не крысиных хвостов и гнилья, собранного по помойкам.

Так что, говоря правдиво, «тайное убежище» у нас, по меркам этого квартала, где-то даже элитное – пусть даже верха у дома фактически нет. Зато никто не залезет через чердак или окна. Подвал, опять же, без крыс и насекомых.

Но почему бы не вжиться у плантаторов на западе?! Там, говорят, ухоженные парки и домики с террасами для распития кофе по утрам.

Ладно, перетерпим – сверху не капает, уже хорошо. А сырость отогреем обогревателями.

Главное – за пару дней вжились, став неотличимыми от общего фона. А как подали энергию прошлым вечером, и оказалось, что халявный свет по ночам хотят многие – получилось договориться, чтобы за нашим домом поставили приглядывать отдельного охранника. За это местный мелкий босс мог выбирать из «многих желающих» единичных счастливчиков. Человек оказался неглупый и прекрасно понимал, что «электричество всем» – это уже перебор, на такую наглость немедленно последует ответ. Но если воровать по чуть-чуть… И только «уважаемым людям», вкладывая в цену свой интерес… Эту логику он поддерживал.

Но даже с этими «счастливчиками» я уставал за сутки так, что делать проводку для своего подвала смог только сейчас. Да и то – без уверенности в немедленном успехе. Потому что дом пережил

пожар, дожди и грабеж непонятно какого количества местных жителей. Из относительно целого – только щиток, да и тот…

Сверху хлопнула входная дверь.

Я насторожился, подбирая с пола монтировку, одновременно применяя талант.

– Марла, – откинул я ненужную железку, успокаиваясь.

Насторожившаяся Агнес спрятала нож обратно в складки платья. Ножик, к слову, выглядел как самый обычный – в чем-то даже забавный, словно кухонный, но перевязанный по ручке проволокой. Только от его вида становилось слегка не по себе, а в правой руке начинала подрагивать Спица.

– Всем привет! – Довольно улыбающаяся Марла махнула правой рукой, придерживая левой ярко-розовую сумочку-косметичку.

Раскраска у сестры была «рабочая»: парик из выбеленных волос на голове модели «швабра» – с завитушками, растопыренными во все стороны, коротенькой маечкой поверх торчащих сосков и джинсовых шортиков, переходящих в слегка рваные черные кружевные чулочки. На ногах – босоножки, чтобы все видели рисунки розовым лаком на ногтях.

– Чего такая довольная? – Буркнула Агнес, поднимая на нее взгляд. – Неужели тебя наконец-то разложили по кругу?

– Не, – цокнула она. – Я же теперь девушка Гонсалеса. А у Гонсалеса на меня не стоит, – разочарованно развела она руками.

– Ты ему отрезала? – Озадачилась дама у окошка.

– Зачем? Можно просто сделать внушение! – Крутнулась Марла вокруг себя. – Там, внизу, так все кровит даже от маленького надреза!

– Не убей нам покровителя, – хмыкнула Агнес.

– Да я не понимаю, что ли, – отмахнулись ей в ответ. – Но место ему показать было нужно. Возомнил, что я подарок от Ордена… А где Генри?

– Тут я, – буркнул из коридора в другом конце помещения.

– А у меня для тебя сюрприз!

– Триппер?

– Генри, – с возмущением глянули на меня. – Я – самая непорочная путана в городе!

– Ладно, что там? – Закрыл я электрический щиток.

Проще до барахолки дойти и там взять свежеворованное, чем рисковать и разбираться с этим. Даже если выглядит целым: сырость и время, время и сырость…

– А вот обижусь и не покажу! – Притопнула та ножкой.

– Тут днем фруктами расплатились за электрику. Не хочешь – не надо.

– Ладно, – прищурившись, глядя на меня, все-таки вздохнула Марла и принялась рыться в розовой сумочке. – Вот! – Достала она кучу смятой бумаги и выделила один из листков.

– Это что? – Заинтересовавшись и протирая руки о не особо-то чистую рубашку, подошел я ближе.

– На, смотри, – вручили мне бумажку, тут же мною развернутую.

На листке бумаги, слегка смятом и влажном от прошедшего с утра мелкого дождика, довольно талантливо изображалось мое лицо в профиль и анфас. Рисовали карандашом, сканировали и распечатывали – провел я рукой поверх гладкого листка бумаги. Остановил палец напротив надписи «1000 патронов за информацию, 10000 патронов живым» и чуть прикусил губу. Чуть ниже – словесное описание. Еще ниже фраза: «Может выглядеть так» – под которой располагались картинки поменьше с различными вариантами прически и без волос вовсе.

– Ожидаемо, – отозвалась Агнес, рассматривая бумажку в своих руках.

Судя по всему, с ее изображением – вон с каким любопытством смотрит на картинки.

– Твое фото тоже есть? – Уточнил у Марлы.

– Ага. Но не покажу – я там некрасивая! – Возмущенно пресекла она мое движение к сумочке, тут же оказавшись рядом с Агнес.

В целом, обнести людей на крайне редкие вещи и спокойно жить, будто ничего не было – так не бывает. Рано или поздно начали бы искать, опрашивать, распространять портреты.

– И что, – тряхнул я бумажкой. – Как часто такие листовки висят?

– Да на каждом столбе.

Взялись, конечно, крепко.

– Заметь, мертвыми мы им не нужны. – Озвучила Агнес. – Видимо, в контейнерах ну что-то очень ценное.

«Или не только в них», – промолчал я.

Про ванну в подвале я умолчал. А ведь если сравнить талант четвертого уровня и два пусть ценных, но катализатора – не поймешь, что дороже…

– Можно вскрыть, посмотреть, – пожал вместо этого плечами.

Про то, что уже проверил сам, я тоже не говорил. Золотое свечение – оно и рассорить может… Тем более что Агнес активно отказывалась при каждом таком предложении. Отказалась и на этот раз:

– Нет! Я не против, – смягчился ее голос. – Но ты сам говорил, что аккумуляторов надолго не хватит. Сначала зарядим,

потом откроем.

Так-то да – если открыть холодильник, на восстановление прежней температуры понадобится больше энергии, чем в обычном режиме. А аккумы не бесконечные – их рано или поздно нужно будет зарядить.

Мы поэтому и сунулись в этот нищий квартал – он с электричеством даже близко не ассоциировался. Искать нас тут должны в последнюю очередь.

– Так, а где паника? – Настороженно смотрела на нас Марла. – Где срочные сборы?

– Ты на себя смотрела, подруга? – В ответ оглядела ее с ног до головы шеф. – Ни татуировок, ни красных волос. Обычная старая шлюшка.

– Молодая и симпатичная, – добавил я.

– Я тоже на себя слабо похожа, – провела Агнес по косынке, показывая чистый лоб без шрама с уровнем.

Как-то за день они убрали и тату, и отметки на коже. Правда, с волосами так же ловко у них не вышло – «белоснежке» пришлось носить парик, а Агнес прятала голову под платком.

– Что вы на меня смотрите, изверги? – Буркнул я.

По описанию меня тоже не найти. Легенда «наркомана» явилась не просто так – среди новенькой дури нашлась та, что пигментировала морды постоянных клиентов синим цветом, и чем дольше была зависимость, тем более синемордым становился человек – причем, неравномерно, пятнами… Короче, мне нанесли грим, покрасили волосы в грязно-коричневый, сделали что-то с ушами, из-за чего они выглядывали локаторами по бокам хмурого синего лица. Как заявила Марла: «в постель только с бумажным пакетом на голове!» Постели тут не было, настроения – тоже. Мне еще живот украсили застарелым шрамом на полпуза, рекомендовав ненароком засветить перед охраной.

– В общем, придурки они, – хмыкнула Агнес, складывая бумажку в несколько раз. – С такой наградой им полгорода под ворота приведут.

– Ура! Где мои фрукты? – Крутнулась Марла ко мне.

– Если нет других средств поиска. – Не разделял я ее веселья.

– Каких?

– Таких, что ты зарядишь завтра рацию и свяжешься с Орденом. А человечек там посчитает, что тысяча патронов – это здорово.

– Да брось, – отмахнулась Агнес.

– Или Гонсалес догадается. Две дамы и мужик. Прямо как в бумажках.

– Тревожный ты, Генри, – уселась на коленки передо мной

Марла и принялась расстегивать мне ремень.

– У нас тут серьезное совещание, – придержал я брюки.

– Ну что ты поделаешь с несерьезной шлюшкой… – Замурлыкала она.

– Слушай, иди на кухню, там апельсин.

– Никогда не делала этого за апельсин…

– Агнес, ну ты хоть ей скажи… – С укоризной посмотрел я на читающую очередное письмо шефа.

– Завтра снимаемся с места и уходим. – Подняла она взгляд над текстом. – Гонсалес не идиот. К тому же, есть сведения о местоположении следующего контейнера. – Взяла она один из конвертов со столика и легонько тряхнула.

– И где же это? – Сдался я, дав одежде упасть вниз. – Ох… Восточнее? Западнее?

– Север, – недовольно поджала Агнес губы.

– Я же говорил…

– Не нравится мне эта фраза. Никогда ее не повторяй при мне.

– Х-хорошо… Очень хорошо!

– Тут какая-то интрига, – откинувшись на спинку стула, шеф потерла глаза. – Одной не разобраться. Надо консультироваться.

– Может, сбить образ? – Отвлеклась Марла.

– Продолжай, – попросил я.

– Ну, нас двое женщин, один мужчина. По бумажкам! Чтобы на нас не подумали, можно мужчину – чик! – Провела она ладонью.

– Что «чик»? Сделать евреем? Марла, можно не показывать на мне?

– Чик – это изобразить, что ты умер от передоза!

– Охрану снимут, к вам той же ночью полезут, – не согласился я и качнулся вперед, чтобы не развивать дискуссию.

– Может, мне умереть? – Потерла шею Агнес. – Была болезной, умерла. Никто не всплакнет.

– Да мы и так группой не смотримся. Марла отдельно, я отдельно, ты – кашеваришь. Разве что Гонсалес, действительно…

Сверху раздались звуки покрышек, резкий скрип тормозов и хлопки дверьми. Замерла Агнес, замер я, остановилась посреди процесса Марла.

– Генри? – Обратилась шеф.

– Шесть машин, две легковые – ржавые кадиллаки, по виду местные. Одна шикарная, черный мерседес. Два джипа с пулеметами. Пулеметы разворачивают ко входу в подвал. Хамви откатился за дом, запирает соседнюю улицу. – Быстро отчитался я о том, что увидел.

– Марла, – мягко произнесла Агнес. – Когда ты, наконец, поймешь, что мужчин надо ставить на место, не унижая?

– Ой, да убьем и все. – Поднялась на ноги белобрысая и отряхнула колени.

«Ага, сейчас нас гранатами закидают», – лихорадочно размышлял я, что делать, стоя лицом ко входу.

– Генри, ты так и будешь показывать направление на врага? – Поднялась со стула Агнес, слегка разминая шею.

Сверху дорогу к двери заступил наш охранник, недовольно выслушивая слова центровых на кадиллаках и что-то пытаясь им отвечать. А из мерседеса показался Майк, знакомый по покерному столу, терпеливо ждавший у дверей машины, пока его не обступили трое по-южному загорелых мужиков в камуфляже песочного цвета. На лбах охраны – выцарапанные отметки II, III, IIII.

«На каждый стрит найдется стрит старше».

А из подвала – только один выход.

«Так», – лихорадочно размышлял я. – «Мы нужны им живыми! Помнить об этом! Свита Майка будет останавливать, не убивать… Но только если мы не начнем убивать первыми – а мы начнем, мы будем вынуждены начать!.. Разговаривать с ними бесполезно, Майк тут не для переговоров – он, чтобы опознать нас наверняка. Для бесед будут Ральф и пыточный подвал».

– Генри? – Поторопила Агнес, играясь ножиком в руке.

«Захватить Майка?.. Он же без ранга, Марла выпишет пендель, он покатится сюда, свяжем… А что изменит заложник? Все равно он нас узнает, все равно повяжут или убьют. Все равно узнает… Узнает?..»

– За мной не идти. Ничего не делать! Стоять здесь! – Перешагнул я через штаны и обнаженным снизу по пояс быстро пошел по лестнице на улицу.

«Только бы не вмешались!»

Перед дверью я постарался изобразить максимально дебильное выражение лица с широченной улыбкой и, активно двигая сжатой ладонью поверх слюней Марлы, распахнул дверь.

– Господа! Чем обязан? – Крутил я синей мордой с лопоухими ушами, не прекращая процесса.

Тут даже охранник зачесал затылок, а легкая улыбка превосходства Майка сменилась отвращением.

– Это не он. – Повернулся он к одному из центровых, поджимая губы. – Сломайте этому уроду руку, – плюнул он на асфальт и залез в машину.

Центровые мигом скисли, а в глазах одного из них появилась ненависть – он и шагнул первым ко мне, пока люди Майка

рассаживались по местам, а джипы отворачивали от дома.

– Нельзя ломать! – Заступил одному из бойцов дорогу охранник. – Он этой рукой работать завтра должен!

– А левой он не может?

– Он обеими работает. – Покачал головой охранник. – Много зарабатывает для Толстяка Джима!

А ведь тот человек, с которым мы договаривались о защите, выглядел худым, как щепка. Правда, обращался я к нему «мистер Лопес, сэр», знать не зная, про имя и кличку.

– Ладно, – развернулся центровой к машинам и с тоской проводил взглядом чужаков. – Уходим! – Скомандовал он своим.

Через какое-то время возле дома осталась только поднятая машинами пыль.

– Ты бы завязывал жрать это дерьмо, – покосившись на меня, даже не думавшего прерывать процесс, осуждающе выговорил охранник.

Я же восторженно смотрел по сторонам, на небо, на зелень, изображая приход – ровно до момента, как меня развернули за плечи и мягко отправили вниз.

По ступенькам я двинулся самостоятельно – еще толкнут, надо оно мне… А ноги начали дрожать только в момент, когда за спиной хлопнули дверью.

Как спустился, перестали гнуться колени. Мне подставили стульчик сзади, на который я буквально упал, тяжело и глубоко дыша.

Агнес аккуратно стерла с моего лба выступивший пот, а Марла слегка болезненно нажала снизу.

– Ты смотри, все еще стоит, – хмыкнула она.

– Он, похоже, теперь всегда стоять будет, – выдавил я из себя сомнительную шутку, усилием воли расслабляя лицевые мышцы.

– Ну, это мы посмотрим, – деловито скинула Марла свой парик, снова спускаясь на колени. – Я еще не заработала на свой апельсин!..

* * *

Утром, конечно, охраннику в глаза смотреть было и в самом деле неловко – даже изображать не пришлось. Я, бочком приближаясь к мужику, развалившегося у крыльца соседнего сгоревшего дома, наблюдал ехидное любопытство и полуулыбку.

Мол, идет к нему приличный человек, одетый пусть и скромно – ботинки, черные брюки, темно-синяя гавайка – косит под нормального. Но он-то знает…

– Прими, уважаемый, – Выложил я на ладонь чистый носовой платочек и, опасливо оглянувшись по сторонам, показал три завернутых в тряпку патрона.

– Да ладно, забыли, – благосклонно забрали с руки подношение вместе с платком. – С кем не бывает. – Хотел он уже отвернуться, но заметил еще один платочек в моих руках и посмотрел удивленно.

– Джанет умерла. – Поник я. – Когда эти вчера приехали, начался приступ. Вот и… Утром холодная.

– Соболезную, – все еще вопросительно смотрел он на патроны. – Труповозов вызову, но они барахло умершей заберут, учти.

– Мне бы тачку: тело вывезти и похоронить. – Отрицательно покачал головой я и осторожно присел на ступени поодаль. – Она верующая была.

– На тачку у тебя не хватит.

– А если хату добавить? – Кивнул я на остов дома, где мы проживали. – Я вчера электричество подрубил, с рынка принес обогреватель, лампы. Светло, тепло. Можно сдавать приличным людям задорого.

– А ты куда денешься? – Хмыкнул он задумчиво.

– Мы с Ребеккой все, сваливаем. Не пошло у нас. – Поежился я. – Эти, из кадиллака, по-любому мне все сломают, если встретят. Мне тут не жить.

– Разрешение спросили?

– Да какое разрешение? Уехал хоронить труп, куда-то пропал. Пока меня хватятся, ты хату со своими уже кому-то пристроишь. А я – так, мелочь. Забудут через день.

– Ты-то ладно, а шлюшка?

– Вчера ее так заездили, что она ходить нормально не могла. И все это – за один апельсин. Разве это нормально?

– Жизнь – штука жестокая. Без разрешения уйдет, еще хуже будет.

– Не у кого спрашивать. Гонсалес пропал. Днем был, ночью не стало. А под здешних мамок, с вашими расценками, ей не в цвет. Да и не рабочая она все равно на пару дней.

– Так и не попробовал, – разочарованно цокнул охранник.

– Тебе ли жаловаться, тут молодые в очереди стоят…

Мужик ощерился самодовольной улыбкой.

– Так что? Мы едем хоронить старушку, а тебе хата? – положил я платок с патронами рядом с собой.

– Вещи покойной тоже заберу, – принял он решение, забирая аванс.

– Давай я тебе их сначала покажу, – поднялся я вслед за ним.

– Ага, тащи все наверх. Лало!!! – Заорал он без паузы, обращаясь куда-то вдоль по улице.

Я присмотрелся – молодой паренек лет двенадцати намывал «Хонду Цивик» в самодельном спортивном окрасе – с тонированными вхлам стопами и с двумя синими полосами поверх белого цвета.

– Да, дядя?! – Заорали в ответ.

– Садись в машину и тащи свой зад сюда!!!

Кивнув охраннику, я заторопился к родному подвалу.

Вещи уже были сложены у верхних ступеней – нам с Марлой, она же Ребекка, вытащить все – минутное дело. Только с Агнес, изображающей трупное окоченение, пришлось повозиться – но вынесли и ее, остановившись перед заинтересованным пареньком и его дядей.

– Труп отвезешь в парк, этих туда же – они родственницу похоронят. – Скомандовал мальцу охранник.

– Да я только тачку отмыл!

– Еще раз помоешь, – треснул подзатыльник. – Что там у нее за шмотки? – Обратился он ко мне.

– А вот, – показал я на наши рюкзаки, обвязанные вокруг контейнеров, с налепленной поверх тварью. – Она трупы кошек собирала, сушила.

– У сумасшедшей старухи давно с головой не лады, – подтвердила Ребекка, крутя волос пальцем и лопая розовый пузырь жевачки.

Показалось, или у Агнес дернулся глаз?..

– Гадость какая, – поморщился охранник. – Ладно, барахло остается тебе… Куда?! Вы эту дрянь в машину собрались тащить?

– Не гнить же трупам в твоей новой хате? – Хмыкнул я, затормозив у открытого багажника. – До свалки допру или в парке выкину. Оно ж в сумке, не запачкает.

– Ладно, грузи.

– Дядя, а платье на бабе совсем новое! – Заинтересовался паренек. – Давай хотя бы платье снимем?

За что получил еще одну затрещину.

– А что такого?! – Возмутился он.

– Вот. Пять лет прошло, и вот такое выросло, – пожаловался мне охранник. – Дурень, она же верующая.

– И что? – тут же присел малец, опасаясь еще одной оплеухи.

– Бог накажет. Нельзя. – Занес было руку мужик, да так и опустил, недовольно покачав головой.

Я уже закинул багаж и, сложив одно сидение, устроил труп внутри.

– Ребекка, назад садись, – распорядился я.

– А че назад? Я вперед хочу.

– А по морде?

– Ой, все. Сажусь, – попыталась она красиво пройти к двери, двигая бёдрами, но на полшаге поморщилась от боли и дошла как обычно.

Но малец все равно сглотнул, украдкой спрятав руку в карман что-то поправить.

– Не задерживайся, – напутствовал его дядя.

И мы поехали из этого гостеприимного квартала.

– Давай до парка Эллерт-стрит, – попросил я.

– Дядя сказал до помойки.

– Хочешь, вернемся, уточним?

– Давай до Эллерт, а она мне отсосет? – Сорвался голос мальца.

– Я за перевозку заплатил твоему дяде. Если что-то хочешь сверху, договаривайся сам. – Устало откинулся я на сидение.

Хотел пристегнуться – ремня нет. Мешает стрелять?..

– Чикса, сколько хочешь?

– Апельсинку.

– Не, а в патронах?

– Апельсинку хочу. После вчерашнего – только ее!

– Бери патроны. Купишь себе апельсин.

– Такого не куплю.

– Вот дура, – плюнул малец в окно разочарованно и добавил скорости.

Хотя тут метров семьсот – уже виден овал зелени с разросшимися деревьями.

– Выметайтесь давайте. – Нетерпеливо махнул малец рукой. – Мне еще от ее мандавошек салон мыть.

– На газ не торопись нажимать, – перед тем как выйти, предупредил я. – Я дохлых кошек последними выгружать буду.

– Да не кину, не ссы, – хмыкнул паренек. – Эй! Че за беспредел?! – Отреагировал он на ловко вытащенные ключи из замка зажигания.

– Не кину, не ссы. Спокойно выгрузимся и отдам. – Кивнул я.

– Да я б реал не кинул, вы же дядины кенты…

– Ага-ага, – принялся я помогать Марле.

Обернулся по сторонам с включенным талантом – никого.

– Дядя у тебя четкий человек. – Вернул я ключи. – Привет передавай.

– Ага… Слышь, бикса, хотя бы сиськи покажи, – просительно протянул мелкий.

Получил в ответ средний палец и раздраженно сорвался на скорости с места, быстро умчавшись обратно.

– Сестра Агнес, вас закапывать, или обойдемся без третьего дня?

– Не богохульствуй, – с ворчанием поднялась с земли монахиня. – Но, конечно, покопать бы надо…

– Свидетелей нет.

– Значит, в другой раз. – С силой и отчетливыми хрипами вздохнула она. – К деревьям. Переодеваться.

Куда, проломившись через кустарник, мы и заторопились. Чтобы через какое-то время быть снова монахиней, монахиней и…

– А мне в кого? – Потирал я кожу на лице после снятой маски-грима.

– Есть вакантное место трупа. – С видимым удовольствием оглаживала Агнес складки монашеского одеяния на себе. – Лежишь, ничего не делаешь.

– Заманчиво…

– Генри, я серьезно. Мы с сестрой Марлой купили у местных молодого бычка и везем на север.

– Прям тут купили? – Обернулся я на выгоревшие коттеджи.

– Генри! На южных фермах! Нас довезли сюда, дальше было не по пути. Так что ляпай поверх себя маскировку и отсыпайся за прошлую ночь. Бедняга, совсем не спал.

– А я?

– А сестра Марла найдет еще одного доброго самаритянина, который отвезет монахинь дальше на север. – Жестко распорядилась Агнес.

– Попробуй найди тут такого… – Скептически хмыкнул я.

– Генри, мы уже объясняли – доброго самаритянина от всех остальных отличает приставленный к горлу нож!

– Не, ну если так, то да. Сейчас найду вам добровольца, – включил я проекцию таланта сверху и подвигал ее по городу. – Марла, северо-северо-запад, через два квартала от нас тойота пикап, водитель и пассажир, багажник пустой.

– Принято! – Кивнула она сосредоточенно и исчезла смазанной тенью.

– М-да, Генри, – покачала головой Агнес. – Сначала только конверты, потом автобус, потом все казино… Два квартала, говоришь?..

– Это все морковка, – буркнул я, ложась поверх контейнеров и наляпывая тварь поверх одежды. – Все, я сплю.

– Ты смотри не захрапи там, бычок…

– Ага…

– И спасибо, – шепнула она совсем тихо.

Глава 12

Спать в кузове пикапа – изначально казалось сомнительной идеей. Оказалось, что даже просто там находиться – среди кейсов, сумок с угловатым содержимым – и на каждой яме ощущать, как рычаги пробивают подвеску через дохлые амортизаторы – это уже совсем плохой план. И ведь не возмутиться – разве что заорать «му» и лягнуть по борту. Из собеседников – хтонь десятого уровня, незаметно сжиравшая небольшую часть мира в виде очередного яблока. А ведь, если задуматься, рано или поздно оно раскачается и сожрет всю планету…

«Да е-мое!» – Заорал я про себя, когда машину подкинуло на очередной кочке.

Короче, было мне нелегко.

«По грехам», – сказала бы Агнес.

«А нечего было кусать попу», – добавила бы Марла.

«Я же сказала – по грехам…»

Они уже в башке моей поселились и ведут беседу. Уеду – буду скучать.

«Да что ж такое-то!» – прыгнула машина вперед на скорости, ударив углом кейса по спине. – Му-у! Му-у-у!!!

– Стефан, нельзя ли ехать чуть потише? – Приоткрыв окошко, чтобы мне было слышно, деликатно уточнила Агнес у нашего водителя.

Двухрядная кабина старенькой, но очень бодрой «Тойоты» содержала Стефана (отца семейства) и Вилли (его старшего сына), у которых было дело на западе города. Судя по запаху, оставшемуся на дне – дело было связано с травкой и хорошо оплачивалось. В общем, сгрузили они там что-то, забрали свою плату и мчали домой, пока их удачу не почуют местные падальщики.

Но с ними случилось нечто похуже – дорогу заступила Марла. А когда они решили ее переехать – ну откуда в этих кварталах взяться одинокой монашке?.. – Марла исчезла перед бампером и объявилась в кабине автомобиля.

Ей ведь машину догнать и заскочить внутрь – секундное дело. Ну а там, видимо, семейству объяснили, как они крепко влипли, атаковав Орден – я звуки из кабины не слышал, только видел проекцию.

Надо бы научиться читать по губам…

В общем, когда пикап подкатил к нам, два мужика в нем были покладистые и крайне исполнительные – сами погрузили «бычка» в борт, тихо кряхтя от тяжести, и, по просьбе монахинь,

перетянули тентом сверху, чтобы «не углядели ценное». Мера правильная, хозяевам пикапа понятная – тент у них был. Мы же, на самом деле, опасались, что у Стефана найдутся знакомые в городе – из числа тех, кто любит обсудить содержимое багажника. Выйдет неловко, если каждая сторона беседы увидит что-то свое. Предварительное пояснение «калибрует» сознание под то, что выдаст в мозги тварь. А вот без этого – возможны накладки.

Короче, по началу нормально все было. Пока не рванули на хорошей такой скорости – то ли Марла запугала, то ли тут все так ездят…

– Как скажете, мисс, – донеслись уважительные слова. – Уважаемая сестра сказала, вы торопитесь…

«Вот кто ответит за мою отбитую спину!»

– Мы успеваем, Стефан. Сбавьте скорость и выбирайте дорогу получше. Говорят, от стресса мясо у бычков становится жестче.

– Правду говорят, мисс. Мисс, позвольте полюбопытствовать, зачем вести бычка именно в китайский квартал?

– Кровь животного не может пролиться на священной земле Ордена.

– Разумеется, мисс. Но в городе есть другие места, где вам качественно разделают тушу. У нас, например. Эти китайцы заберут себе все потроха и наверняка потребуют шкуру. А это стоит хороших денег, мисс.

– Не мне оспаривать решение коммодора.

– Понятно, мисс, – донеслось с легким разочарованием.

– Но вы можете отрезать от бычка яйца.

– М-му! – Возмутился я, пнув копытом по борту.

– Если сойдемся в цене, – раздался голос Марлы. – Скажем, сотня патронов.

– Это очень дорого, мисс, – осторожно возмутился Стефан.

– Ну и зря!

Аж сердце разжалось. Да и не только сердце…

Дальше ехали спокойнее, но через какое-то время плечо и спина все равно ощущались сплошным синяком. Не догадались подложить что-то мягкое, но исправить это уже не было никакой возможности. Приходилось терпеть, изредка подвывая по-звериному…

В салоне же пытались сторговать мои части подешевле – двум мужикам казалось, что монахини просто не знают цен. Так что:

– Два патрона – это максимум!..

– За два патрона только рога могу продать.

– За рога ответить придется, сестра… – Ангельским голоском уточнила Марла, и торговля унялась как-то сама собой.

Перешли на более спокойные темы – а именно баснословную

награду за парня с двумя охранниками. «Вы, к слову, таких не видели в пути?..»

Разве что в зеркало.

Зато было занятно послушать, с чего вообще такие призовые. По мнению Стефана – раз мертвыми беглецы не интересуют, а награду выставил известный синдик, держащий аж три казино в разных частях города, то розыск наверняка связан с мошенничеством на рулетке. Стефан и сам знал немало схем, как разбогатеть, играя против заведения, но, судя по грустным замечаниям сына, не раз экспериментировал с этими схемами и оставался без денег.

– Да там наверняка талантом шарик двигал! – Горячился папаша.

– За талантами в казино присмотр, – замечал чуть меланхоличный сынок. – Ты мне сам говорил.

– Так смотрящий шестого уровня всего! А если у паренька седьмой? Представляешь, если они его поймают и отправят в Вегас или Нью-Йорк деньги отрабатывать?

– А там смотрящие восьмого уровня могут быть.

– Да какой восьмой?! По радио говорили – седьмой максимально возможный… Этот, как его…

– Теоретически, – подсказал сын.

– Не перебивай отца!.. Нет, точно вам говорю, талант у пацана мелким шариком управлять.

– А что думает ваш сын? – С интересом уточнила Агнес. – Какая его версия?

– Да что он может понимать, – фыркнул Стефан, но все-таки разрешил. – Вилли, что там среди твоих обормотов говорят?

– Ну, если ищут живыми, – осторожно начал он. – И вреда не наносить, целыми доставить… Говорят, пришлый мажор в городе объявился. Патронами сорил, как в последний день, а они у него не кончались. И охранницы при нем четкие, третий уровень. Никто в его сторону и косо посмотреть не мог. А у синдика – дочка его возраста. Вот он ее влюбил и увел. Теперь, пока ребенка ей не заделает, не появится – чтобы папаша простил и в семью принял. Там же долгов с игры – на сто жизней. – Приободрился Вилли. – Разве будет синдик отца своего внука резать?.. Точно простит: и дочку, и его, и его долги.

– Так портретов же три, дурья башка!

– Дочку на столбах расклеить – это ведь сразу все поймут, батя.

– Вот, я же говорю – про девок… Девушек, – откашлялся Стефан. – Только одни мысли про них, в общем. Простите его, мисс.

– Нет, почему, – раздался задумчивый голос Агнес. – Ваш сын широко мыслит, Стефан. Чего только в жизни не бывает? Я сталкивалась с тем, что даже хладнокровный боец Ордена, прошедший через море крови, влюблялась, как сопливая девчонка.

– Вот! – Обрадовался Вилли. – У нас в общине многие девчонки сказали, что с этим бы легко уехали!

– И твоя Лилли?

– Нет, она – точно нет! – Категорично с оттенком гордости заявил тот. – Она мне так и сказала!

– Хорошая девушка, – одобрила Агнес.

– Вилли и Лилли – неплохая выйдет пара, а? – Хмыкнул довольно Стефан.

– Бать, ну не надо…

– Приходите в Орден, благословим брак.

– Спасибо, мисс, от всего сердца. А вы, уважаемая, как считаете? За что ищут-то?.. – Осторожно уточнил Стефан.

– Я полагаю, что уже нашли, Стефан. Слишком велика награда, чтобы ближний не соблазнился.

– Жаль…

– Но, если вас интересует мнение скромной сестры, – взяла слово Марла. – То скоро у этого бойкого юноши будут три охранницы с отметками высокого ранга на лбу. Думаю, прошлых двух он тоже из дома выкрал. Потребовал выкуп, отдал – а те все равно из дома сбежали и к нему вернулись.

– Я же говорил!.. – Возликовал Вилли.

– Ну, вам-то оно виднее, – не стал спорить Стефан.

Только по голосу было понятно – с услышанным не согласился. И правильно сделал.

Завершение маршрута ощущалось по специфичным запахам – острое, очень острое и приторно-сладкое пробиралось даже сквозь тент.

Глянул талантом, ожидая поста и контроля, но вместо этого увидел, как машина съехала с Маркет-стрит и плавно раздвинула бампером плотный многоголосый людской поток, в котором плелась со скоростью пешехода следующие полчаса. Иногда по бортам били руками, кричали на водителя, когда он от нетерпения сигналил – и Стефан ругался в ответ на людей, которые заполонили дорогу и отказывались уступать. Толпа такая, будто бы ничего и не случилось пять лет назад…

Наш путь определяла Агнес, указывая то поворачивать правее, то левее, но забирали мы все равно куда-то на восток, в сторону доков.

– Дальше нас не пустят, мисс, – виновато сказал Стефан,

останавливая машину на перекрестке, три пути которого были перегорожены. – Закрытая территория.

– Пустят, к правым воротам езжай.

– Как скажете, мисс, – со скорбью в голосе добавил он, вновь трогаясь и почти тут же останавливаясь – навстречу вышли два китайца в армейской форме с автоматами через плечо, поднявшими руку в останавливающем жесте.

Со стен за их спинами на перекресток смотрели два пулемета, изрядно нервируя любого чужака.

Постовые сунулись к водителю, с угрозой в голосе требуя немедленно разворачиваться, пока машину не отняли – но потом заметили Агнес с Марлой и сменили тон на уважительный.

Что-то перешло из рук Агнес к постовому, и нам все же открыли ворота. Впрочем, остановились мы вновь всего через десяток шагов.

– Спасибо, Стефан. Вы нам очень помогли. Сгружайте бычка прямо на землю. Нам указано быть тут.

– Конечно, мисс. Вилли, на выход, – хлопнули двери.

Выгрузили, конечно, халатно – шибанув об асфальт с высоты. Я аж дернулся от прострелившей в плечо боли, промычав вполне натурально.

– Ну, ничего. – С сочувствием отозвался Стефан. – Почти отмучался, недолго осталось… Вилли, что ты там делаешь?

– Да хочу посмотреть, за что там сотня патронов.

«Ща как копытом в рыло…»

– Отстань от животного!

– Стефан, Вилли, вот вам по пять патронов за тент и помощь. Марла, проводи их из квартала и возвращайся.

– Благодарю! – Ожившим и приободренным голосом ответил отец семейства, разворачивая сына к машине.

– Тент подороже стоит, – буркнул тот.

– А жизнь – еще дороже! – Шикнули на него, запихивая на переднее сидение.

Через какое-то время машина уехала. На тент сверху присела Агнес – по счастью, со стороны контейнеров.

– Сидим, ждем. – Проворчала она. – Ты там живой?.. Генри?..

– Му…

– Да ладно, не обижайся. Зато скоро отдохнем. Как ты хотел, нормальный дом… Охрана квартала уже передала послание, ждем… Потерпи немного.

«Недолго» продлилось вплоть до возвращения Марлы и еще десяток минут сверху. Потом два китайца подкатили нам прицеп от машины – четырехколесный, с алюминиевыми бортами – и закинули груз внутрь. После чего покатили по дороге, пока не

добрались до открытого гаражного бокса при трехэтажном доме. Причем, весьма примечательного, если смотреть сверху – выстроенный колодцем, он содержал в своем центре закрытую от улицы площадку для отдыха с шезлонгами и собственным бассейном. Сбылись мечты! Или я так достал Агнес своими жалобами про подвал?..

Тем временем, прицеп вкатили внутрь.

– Всего хорошего, госпожа, – хлопнули двери, а с меня наконец-то сняли тент.

– Я видел там бассейн, – неожиданно хриплым голосом поприветствовал я с любопытством смотревших на меня сверху монашек и сполз с прицепа, упрямо двинувшись в сторону воды – сначала ползком, а как нащупал стену и смог подняться, то и на ногах.

Потому что болело, чесалось и вообще – надо окунуться.

– А где все? – Притормозил я на полпути, чувствуя некую несообразность ощущений. – Ну, жильцы?..

Я, в целом, привык, что среди толп народа может стоять пустующий дом – мы в подвале такого и жили. И не особо даже смущали толпы на въезде в квартал – улицы-то закрытой части были относительно пустынны. Но в этом здании прямо чувствовалось, что совсем недавно проживали люди – запахи, картинки на стенах, бельевая веревка (пусть и пустующая), чистые окна…

– Ушли в гости. – Отозвалась Агнес позади.

– Что? Весь трехэтажный дом?

– Ага. Это квартал наших друзей. Не Ордена, а наших с Марлой.

– Это как? – Повернулся я, останавливаясь.

– Сопровождали диаспору из Рино в Сан-Франциско, – пожала Марла плечами.

– Три года назад в Рино решили, что белым лучше жить с белыми, черным – с черными, а китайцам – выметаться из города, пока не убили. – Добавила Агнес. – Нас Орден отправил сопроводить переселенцев.

– Вдвоем, толпу? – Не совсем понял я.

– Тогда у Рино был другой приор. Мы дошли, как видишь, – повела она рукой вокруг. – Правда, на такой дом я не рассчитывала.

– Понятно, – потоптался я на месте, после чего побрел дальше в сторону бассейна.

Правда, стоило выйти на закрытую территорию и увидеть прозрачную, отдающую синим цветом воду, как с гиком обогнала Марла и плюхнулась в море брызг. Понятно, голой.

– Я бы на твоем месте не лезла бы сейчас внутрь, – прокомментировала Агнес. – Отдохнуть не дадут.

В ответ я дошел до воды и упал в нее лицом вниз. Через какое-то время меня спасли, оттащили к кромке бассейна – там, где был плавный подъем – и усадили на верхней ступеньке.

С одежды и волос стекала вода, но я даже пошевелиться не мог – настолько, оказывается, устал за последние несколько дней.

– Ладно, раз все окунулись, время поговорить, – присела справа Агнес, обернутая длинным полотенцем.

Слева обнаружилась Марла, полотенцем пренебрегшая – зато оно было под моей спиной, чтобы грани ступеней сверху не врезались в спину.

– Генри, вокруг есть кто? – Попросила шеф.

Я на автомате огляделся:

– Нет. Разве что электронная прослушка. – Добавил для порядка.

– Не успели бы обтянуть весь дом. Да и мы шепотом, – сбавила она тон, придвигая голову ближе. – Генри, ты не мог бы смотреть на меня?.. Нет, не голову повернуть, косоглазие зарабатывая… Что ты там, вообще, не видел?! Ладно, – скинула она полотенце.

– Слушаю внимательно, – развернулся я к брюнетке.

Марла тут же перебралась мне на коленки.

– Конверты и письма в них оказались ценнее, чем вы можете себе представить, – чуть закусила Агнес губу, словно решая, с чего именно начать. – Самое интересное, что я заметила изначально – информация в письмах предназначалась двум разным адресатам и дублировалась почти дословно. Первый адресат – хозяева квартала, откуда мы… изъяли контейнеры. Второй – его близкий сосед, из бывших рейдеров, занимается дооснащением и бронированием пикапов. Если его контейнер и письма оказались в подвале казино, полагаю – что не занимается, а занимался. Он мертв с гарантией.

«А вот и мужик из ванной…»

Мы внимательно слушали босса, не перебивая – блондинка даже перестала на мне ерзать, якобы случайно.

– Изучив письма, я получила следующую картину. – Хмурилась Агнес. – Контейнеров в городе девять. Вручили их всем более-менее крупным силам, в том числе Ордену.

Я вопросительно поднял брови.

– Орден, китайцы, плантаторы, – зажимала Агнес пальцы. – Военные, пять крупных объединений рейдеров. Это – подарки с просьбой не вмешиваться или запоздать с помощью Лос-Анджелесу.

– Просто подарки? – Уточнил я. – Без договоров? Без требований устроить кровавую баню?

– Просто подарки. – Кивнула та.

– Тогда?.. – Не понял я, в чем тогда проблема.

– Подарки – это девять частей от одного органа какой-то огромной твари, с великим трудом убитой в океане моряками-подводниками из Сан-Диего. В письме есть сведения о потерях и примененном вооружении… Дам потом почитать… Уникальные подарки, невероятной цены, – покачала Агнес головой. – Но в них есть маленькая особенность, описанная – опять же – двумя письмами двум адресатам, а значит всем получателям подарков. Часть, отрезанная от органа, сохраняет едва ли сотую часть от могущества целого.

– Надо собрать все девять частей?

– Пять частей. После соединения их друг с другом, остальные четыре части теряют всю силу, становясь бесполезным куском гниющей плоти. А новое целое способно мгновенно перебросить возвышенного на два уровня вверх.

Я невольно присвистнул.

– Теперь об остальном, что есть в переписке. У Ордена уже две части. У военных одна. У плантаторов одна. У рейдеров осталась одна. У нашего друга из казино – было две. У китайцев – две, вторую они выкупили и собрались свои контейнеры эвакуировать в Нью-Йорк, пока тут не началась резня. Вызвали для этого команду сопровождения.

– Это не того старичка, которого мы должны грохнуть? – Уточнила Марла с моих коленок.

– Его. – Агнес выразительно прикрыла глаза. – Орден не хочет, чтобы контейнеры покинули город.

– То есть, если добыть еще контейнер – Матерь-настоятельница может перескочить на два уровня вверх… – Озвучил я. – Армия монахинь четвертого или даже пятого уровня…

– Никто не позволит. – Поежилась Марла, прижимаясь ко мне.

– Пока Орден не связали с похищением двух кейсов… Пока мы не убили команду эвакуации… Все пока будет спокойно… Но потом… Это война на уничтожение. – Подытожила Агнес, тяжелым, мрачным взглядом глядя на воду перед собой.

Глава 13

Странное дело, но вид спокойной воды в бассейне не вызывал вообще никаких тревог. Казалось бы, позади первая ванна, бассейн в хранилище банка, ванна в подвале казино – и вроде как должно прихватить что-то внутри от вида очередной емкости. Предчувствием там или страхом каким тронуть сердце, а на практике – ничего. Даже ожидания системного голоса нет. Просто – много чистой воды. Хотя конкретно в этой плавали отпечатанные листки бумаги и расплывались буквы на вручную подписанных конвертах.

Может, не волнуюсь, потому что вокруг и без того достаточно паники?

Я поерзал на шезлонге, медитативно разглядывая воду. Агнес ушла в город – у нее связь с центром и получение свежих целеуказаний. Все-таки три дня радиомолчания – там могли и заволноваться. Или ошалеть окончательно, узнав на фото в объявлениях, развешенных по городу, своих агентов. Так что шеф отправилась главным образом успокаивать – мол, все с ними в порядке, наследили немного, но кейсов нет. Я все-таки надеялся, что Агнес хватит благоразумия о наших успехах умолчать.

Марла сторожила груз – Хтонь поверх тента монахинь не устраивала. Место тут пусть и дружелюбное, но чужое, а ответственность такая, что лучше погибнуть в бою, чем жить потом с позором – по их словам.

Мне же доверили мониторинг дома и квартала сверху – заодно сгрузили один комплект писем с конвертами, чтобы не сильно скучал. Задача – прочитать, а потом уничтожить. Так как разжигать костер мне показалось банальным – еще соседи запах учуют и прибегут тушить – я скидывал прочитанное в воду. Пусть вымокнет, а там выловлю обратно и хлоркой залью – возле бассейна имелась бутылочка. Да и красиво это – когда чужие планы тонут в воде. Дает ощущение, что ты хоть что-то контролируешь…

А между тем ни черта не контролировалось. Влез я в очень неприятную ситуацию. Она, в общем-то, в самом начале не пахла фиалками – но там был хотя бы оттенок благородства. Отнять плату у нестабильных южных кварталов, чтобы те потеряли мотив устраивать войну внутри города – желательно, перессорив между собой. Где-то по пути надо было убить незнакомого китайца – тоже не «обычный вторник», но я заранее наметил для себя путь для отступления, если там не мясник в традиционных одеждах, а добрый дедушка десяти внуков.

Но в итоге – вот это вот все…

Я собрался с мыслями, пытаясь упорядочить рассуждения последних нескольких часов.

Итак, есть мистер Президент и его девять кейсов. Странно, что девять – морячок, которого аккуратно расспросили в Рино, видел пять гражданских при двух кейсах… Допустим, это кейсы для других получателей – временно оставим его показания в покое.

Кейсы вручают девяти получателям внутри Сан-Франциско – с настоятельной просьбой не помогать соседям на юге, если там что-то начнет происходить. В письмах, отмечу, нет никаких упоминаний, что Орден или китайцы уже имеют по два кейса – там девяти получателям по одному – но очень ярко расписано, что две группы рейдеров, из тех, что получили кейсы, плотно сидят именно под Орденом и китайским кварталом. Собственно, благодаря данному сотрудничеству эти поисковики и стали тяжеловесами.

Но если Орден управлял «своим» кварталом практически напрямую, то китайцы выбили себе только право приоритетной торговли. Так что, в целом, Агнес не соврала против истины – Орден в любом случае заставил бы «своих» отдать кейс, а китайцы столь же уверенно продавили бы «своих» продать. В жизни, правда, всякое может случиться – об этом надо тоже не забывать. Это тоже – пока что в сторону.

Получаем девять крупнейших кварталов в городе, каждый из которых мистер Президент назвал великим, фантастическим и предложил дружбу. Из них – семь в игре.

Письма про свойства подарков идут уже от другого адресата. Там – именно предупреждение, чем может обернуться красивый жест, какую угрозу таит в себе объединение пяти частей дарованного. Не только у Ордена есть свое ультимативное оружие – многие силы в городе наверняка обладают возвышенными с очень неприятными талантами, каждый из которых, скакнув на два уровня вверх, станет неудобным и злопамятным соседом для остальных – а обид за пять лет накопилось немало…

В общем-то, в письме настоятельно советовали применить свой подарок побыстрее или вывезти его из города, отстранившись от возможной гонки – как это уже запланировали китайцы, вызвав в город возвышенного пятого уровня со свитой… Не указано, какой именно талант у «пятерки», но чую, Марла даже со Спицей в руках умаялась бы… Надо отметить, Гретта, будь та живой, могла и справиться – под маскировкой, да калибром покрупнее в одну и ту же точку.

Второе письмо, как можно понять, тоже отправляли

«искренние друзья».

Я чуть подвигал ногами, устраиваясь на шезлонге поудобнее.

Какие же выводы можно сделать? Первое: никто не послушался советов. Даже китайцы, о которых изложено в письме, что-то не торопятся покидать город.

Второе: если учесть, что на руках основных трех сил в городе – будем считать плантаторов и военных за объединение, слишком близки интересы – по два кейса, то свободными остаются ровно три. Три же и нужны для условной победы. Пока что выглядит так, что можно добрать три кейса к своим двум без открытой войны. В какой-то мере это дает всем сторонам некий самообман, надежду на джентельменское поведение от остальных – мол, если мы честно купим или не очень честно своруем у рейдеров, то остальные промолчат.

Третье: никаких ситуативных альянсов не будет, пока не станет ясно, что кто-то вырвался вперед в гонке по сбору кейсов. Любой открытый успех одной из сторон немедленно приведет к союзу двух других и ультиматуму с требованием «поделиться». До этой точки не так и далеко – уверен, как только синдик поймет, кто его обокрал, то непременно сдаст остальным просто из желания мести.

Четвертое: когда резня случится, усмирять ее придет мистер Президент, как известный друг города и всех вокруг. И его, подлеца такого, примут с широко раскрытыми объятиями. Потому что он – дарит подарки, а жадные сволочи – это мы сами, господа…

Я дисциплинированно осмотрелся талантом вокруг дома и квартала – тихо, спокойно. Ни перетекания людей в нашу сторону, ни организации более-менее крупных групп. Обычная жизнь закрытого квартала рядом с побережьем – на крупных улицах поодаль что-то везут к морю и от него. Значит, можно поразмышлять дальше. Например, о роли командора Маурин во всем происходящем.

Что нам известно? Верхушка Ордена знает о «подарках». Коммодор Маурин же ведет персональное расследование и выписывает лично верных ей людей из Рино. Вывод – Маурин держат от жареной информации подальше, но она все же узнала про кейсы самостоятельно.

Орден оценивает боевой потенциал приехавшей тройки и поручает ей пресечь вывоз кейсов из города – убить старика-китайца. Орден делает это, используя тройку «втемную» – объясняя необходимость во внеплановой смерти старичка внутренним конфликтом между китайцами. Не исключено, что конфликт действительно есть, но мотив удержать кейсы и

получить их – главенствует. Допустим, Орден посчитал верно, и тройке «Гретта-Агнес-Марла» миссия по силам.

Вопреки интересам Ордена, коммодор Маурин ориентирует свою «двойку» только на поиск кейсов. Мне говорят – награду «бандитов-изменников» надо хотя бы уничтожить, но фактически – кейсы необходимы с содержимым, потому что у них внутренний проект по выращиванию бога. Лучше бы вязали по вечерам… Надо ли понимать, что Маурин тоже в проекте по выращиванию божества из ванны?.. Ладно, это надо отдельно размышлять. Пока – к кейсам.

Если вспомнить крайнюю скудность разведывательной информации, на кейсы нас наводят только люди Маурин – вернее, не наводят ни на один. Что еще раз подтверждает частную инициативу коммодора.

Да и вообще, стал бы Орден отправлять чужую «тройку» на миссию по изъятию кейсов? Если и решился бы, для начала Агнес бы прямо сказали, чем она будет заниматься и приказали бы требовать усиление, если какой-то из кейсов вдруг обнаружится. Судя по вере в мою авантюру, таких указаний не было.

Вывод: все, что мы делаем – это работаем только на коммодора Маурин, без вариантов. И я искренне надеюсь, что все происходящее – от незнания коммодором того, что скрывается в кейсах и насколько оно нужно Ордену.

Агнес забрала один комплект писем для коммодора – пусть читает, делает выводы. Кейсы мы не нашли, но отчего бы в наши руки не попасть письмам?.. Так что Маурин ожидает прекрасное чтение, полное осознания ужаса от того, во что она влезла и что чуть не испортила.

Подумать только, все монахини – и на четвертый уровень… Да тут новое теократическое государство образуется вместо Калифорнии, и даже Президенту придется просить у Матери-настоятельницы благословения…

Как-то я заикнулся перед Агнес, что будь я на месте руководства Ордена, то давно бы завел проект по созданию альтернативной Матери с таким же талантом – тихонько вырастил бы еще одну и прокачивал, пока все смотрят на ту, что наставляет паству в церквях.

В качестве лекарства от короны «самого умного» мне рассказали, сколько примерно ресурсов ушло на второй уровень Матери нынешней. Она, оказывается, сама по себе и есть «проект Ордена» – ради которого перекрыли «Смолл Бот Лагун» возле аэропорта Окленда, предварительно сгрузив в воду груз с нескольких контейнеровозов, все равно застрявших в заливе после обрушения моста. Еще на один такой «проект», который

даже из космоса было видно, ресурсов просто нет – не говоря уж о том, что такой размах был возможен только в первоначальном бардаке, где даже пара десятков людей, организованных Идеей, могла очень многое.

Сейчас, понятно, есть катализаторы в виде органов от зверей высокого уровня – уже не так важен масштаб и количество, как качество… Но на повторение проекта все равно нужно столько, что проще ковать мощь Ордена прогрессом отдельных бойцов до четвертого-пятого уровней. Дешевле и быстрее получится.

И так было до дня сегодняшнего. Шанс – просто грандиозный. А тут какая-то коммодор решила поиграть «на себя».

На месте Ордена, я бы таких, как Маурин, лишал всех регалий и ссылал в дальнюю деревушку – желательно, безлюдную, чтобы и там никому не навредила.

Я снова поменял позу – даже лежать бывает утомительно.

Только делать нам что?.. Если бы была гарантия, что у Ордена уже есть третий кейс, то отдаем свои два – Матерь-настоятельница получает свое возвышение, и город ей низко кланяется. А если третьей части нет – то отдавать страшно. Страшно становиться причиной войны альянса всего города против Ордена – никто и сомневаться не будет, что Орден надо уничтожить. Делить кейсы можно и потом – снова через кровь…

Вновь применив талант, заметил машину, направляющуюся в нашу сторону. Серебристый хэтчбек – не самого свежего года Форд с погнутыми правыми дверьми, словно въехал кто в бок, ехал без пассажиров. Приблизил к окошку водителя и выдохнул: Агнес. Значит, узнаем что-то новое. Значит, будет еще что-то, на основе чего можно принимать решения, как жить дальше – а значит, можно пока что расслабиться и не думать.

К появлению Агнес я успел завершить с уничтожением бумаг, припрятав остатки под газоном в углу внутреннего двора, и предупредил Марлу. Пришлось подменить ее с дежурством и поскучать в подвале, пока та откроет гаражные ворота для шефа.

Да и не очень-то и скучно – я попытался угадать, под что Хтонь могла замаскировать контейнеры в помещении бывшей прачечной. Тут тебе и большие стиральные машины, и сушильные – друг напротив друга у стен, и ворох ветшалого постельного белья в углу, застиранного до желтого цвета. Посередине помещения – низкая скамейка, которая запросто могла оказаться нашим грузом. В общем, ни обычным взглядом, ни талантом – не прошибить наведенный мираж. Разве что, как в автобусе – попытаться нащупать.

В любом случае, до поисков на ощупь дело не дошло – от

входа обе монахини направились прямо ко мне.

– Хорошие новости, плохие новости? – Поприветствовал я Агнес, ловя брошенную в мою сторону упаковку с сухпайком.

– Разные, – шеф уселась на один из принесенных сверху стульев.

Я же, перекинув ногу, развернулся на скамейке к монахиням лицом. Быстренько надорвал упаковку, достал плитку шоколада и принялся заедать ей легкое волнение.

Марла осталась возле дверей, оставив свой стульчик не занятым.

– Что говорят? – Попытался я по лицу брюнетки понять общие настроения.

Судя по отсутствию вообще какой-то мимики – дело дрянь.

– Говорят, чтобы я явилась на конклав и дала пояснения, каким образом мы с Марлой, вместо выполнения порученного задания, потеряли Гретту и попали на розыскные листы. Еще хотят узнать нашу роль в срыве аукциона.

– Какого еще аукциона? – Подавился я шоколадкой.

– Который должен был проводить известный тебе синдик прошлой ночью. Аукцион был отменен.

«Деньги появятся через четыре-пять дней», – эхом былого раздались слова Леви с ночной игры.

– Так это не подготовка к мятежу, – медленно пробормотал я, вспоминая увиденные машины и наемников. – Они аукцион готовили.

– Главным лотами к которому должны были стать известные тебе предметы, – кивнула Агнес. – Весь город хотел поучаствовать. Теперь и не знают, что думать.

«Да что думать тут? Либо синдик все спихнул одним лотом, получив совершенно неприличное предложение… Либо кто-то решил не платить, а украсть. Для начала выпотрошат синдика – и если его доводы покажутся убедительными, то…»

– Как тебя сразу на конклав не потащили? – Нахмурился я.

– Они хотели. – Емко ответила шеф.

От входа весьма экспрессивно выматерилась Марла.

– Беда… – Озвучил я общий смысл ее выражений. – Много жертв?

– О чем ты? Паралич сошел, как я уехала.

– Ах да, талант…

– Я сказала им, что появимся завтра вместе с Марлой, к обедне. Надеюсь, им хватит ума дождаться.

– А что изменится к обедне? – Уточнила Марла.

И вроде стоит с невозмутимым видом, но правый кулак то слегка сожмется, то распрямится.

– Я поговорила с коммодором Маурин. Измениться может многое.

– Она заявится с покаянием вместо вас, обстрижет волосы и добровольно удалится в монастырь? – Предположил я.

– Брат Генри…

– Это хороший вариант, – растеряв желание кушать, сложил я руки на груди. – Правда и покаяние.

– Есть вариант получше, – вздохнула Агнес. – Коммодор предлагает доделать дело, порученное Орденом. Тогда обвинений в небрежении не будет.

– У нас нет Гретты, – напомнил я. – Старикашка пятого уровня.

– У нас есть ты и полный багажник взрывчатки. Коммодор согласилась, что Орден никогда не взрывал цели. Это будет чистая ликвидация.

– Досье на дедушку есть? Я просил.

– В машине, – кивнула Агнес. – Вряд ли у тебя будут проблемы с совестью, – слабо улыбнулась она.

– Останется как-то найти цель в огромном городе за оставшиеся, – я прикинул время, – двадцать часов?

– Координаты есть, Генри. Нам сильно помогают.

– Нам бы сильно помогли, если б не втравили во все это.

– Так случается, Генри, – пожала Агнес плечами.

– А второе обвинение? – Нахмурился я. – Что делать с аукционом?

– Люди Маурин нашли место, где хранится еще один кейс.

– Так. Давайте все же вернемся к варианту, где ваш коммодор просто слезно кается… – С кривой улыбкой посмотрел я на Марлу.

А та что-то не поняла шутки.

– Нет такого варианта, Генри. – Смотрела та прямо. – Коммодоры либо все знают заранее и получают заслуженную награду, либо понятия не имели, какое чудовищное преступление мы задумали.

– А мне ваш Орден с самого начала не понравился. Кроме отдельных его представителей, – отвернулся я к стене.

Показалось, или одна из стиральных машин чуть подернулась рябью?.. Посмотрел талантом – нет, вроде нормально. Тогда какого такие визуальные эффекты?.. Мельком заметил, что успел подхватить из пакета яблоко.

Бросил его в сторону стиралки, и яблоко пропало.

«Моя ты обжора!» – умилился на секунду.

– Генри, не психуй. – Строго произнесла Агнес. – Не надо кидаться едой, ее не так много.

– А взрывчатки?

– Химии по твоему списку – почти под потолок машины.

– В этом-то и беда, в неверно расставленных приоритетах, – потер я лицо. – Вот зачем Ордену ваш старикашка, если можно взять кейс и принести все три, вместе с нашими, на конклав? Какие еще обвинения? Вас же сразу простят, повысят и вообще…

– Не «вас», а нас. Я поговорила насчет тебя с коммодором. Если все получится, ты получишь титул рыцаря. – Торжественно произнесла Агнес.

– Марла, покажи титьки.

Та, пожав плечами, подняла футболку.

– Накал бреда понижен до приемлемых величин, – благодарно кивнул я.

– Генри, я серьезно!

– Да я тоже. Давайте просто заберем третий кейс… Или непросто, но заберем. Без взрывов и разрушений в черте города и орды злых китайцев. Кейсы – прощение – плюшки, – повел я руками, визуально показывая последовательность.

– И твой титул, – настаивала шеф.

– Марла, можешь звать меня «сэр» в постели.

– Еще не заслужил.

– Я прямо чувствую, как растет мотивация. Короче, берем Хтонь и идем на дело.

– Генри…

– Ну чего? – Потер я виски. – Да я уже понял, что ты неприятное что-то хочешь сказать. Не тяни.

– У нас есть время и координаты старика. Есть место, где будет кейс, и время, когда он там будет.

– Ну?

– Проблема в том, что они совпадают.

Глава 14

Есть несколько верных примет, когда ситуация из просто паршивой становится хуже некуда. Например, когда начинают действовать без запасного плана. Или плюют на собственные принципы. Но хуже всего – когда начальство резко становится шелковым, понимающим и готовым на любые уступки.

Я стер пот со лба, устало глядя на кучу срезанных шляпок от гвоздей, занимающих эмалированное ведро.

Что бы сказал мистер Митчелл, увидев меня голым по пояс в окружении брусков «си-четыре», детонаторов, радиовзрывателей и горы обрезков от гвоздей? «Не для этого я тебя учил»?

Нет, вряд ли бы он ограничился такой банальностью. Скорее, посмотрел сочувственно и посоветовал бы выжить.

А я пытаюсь, честно. Вон, продавил у Агнес, что с кейсами на конклав вместе с коммодором Маурин нас будет сопровождать коммодор Лин – она, как оказалось, приехала в город. Немудрено: Орден экстренно отозвал в Обитель всех сильных бойцов.

Агнес верила, что у нас все получится – так что завтра в десять недалеко от места акции нас встретят и проводят. Никакого «плана Б» – у нас все обязано пройти гладко и с первого раза.

Хотя какой может быть «план Б» после взрывов в городской черте?.. После скупки Орденом взрывчатки? Я-то полагал, что нам вновь нагрузили реактивов – но нет, в багажнике серебристого Форда оказались знакомого вида армейские бруски с грустной надписью «не жрать – токсично». А смысл его тогда жрать, если оно не токсично?.. В общем, после акции наверняка предполагалось, что Орден ни перед кем уже не будет давать отчет.

Хотя – времена неспокойные, сейчас все обязаны вооружаться чем только могут. Так что при неудаче, быть может, смогут и отбрехаться. Мол, да, покупали – но это не мы… Эти трупы мы видим в первый раз в жизни…

Умирать не хотелось. И ладно бы – умереть за чужие цели, такое случается. Больше всего не хотелось погибнуть глупо.

Все планирование операции я забрал на себя. Не потому, что гений стратегии, а из понимания, что глупость хотя бы будет моей личной – некого будет винить, и это правильно. Да и Агнес с Марлой, уверен, поправят, если меня станет заносить… Пока что приняли все без замечаний, чем напрочь испортили все настроение. Виду не подал, но Марла после этого потерялась где-

то в доме, больше не попадаясь на глаза. Есть у нее интуиция, тут не отнять…

Мне под приготовления выделили подвальное помещение в дальнем углу дома. Взрывчатка – дело такое, лучше держаться подальше. Раньше помещение было то ли местным складом, то ли просто не использовалось все пять лет – оно практически пустовало, покрывшись слоем пыли. Пыль вычистили, все, что было внутри – сгребли в одну сторону. Притащили мне стол, стулья, ведра, гвозди, инструмент и взрывчатку с детонаторами из машины. Нормальная такая келья будущего рыцаря Ордена – аж душу воротит.

Рядом какое-то время неловко топталась Агнес – даже притащила ведерко со льдом и бутылками газировки – с истекшим сроком годности, потому что за пять лет прошли все сроки. Шеф заглядывала в глаза, спрашивала, что еще может понадобиться для комфортной работы. В общем, бесила страшно.

Попросил много тишины и одиночества. Остановил на пороге и попросил радио – и его, с некоторой заминкой, предоставили.

А я, посмотрев на старенький квадратный радиоприемник с выдвижной антенной, задумчиво спросил, проверяли ли кейсы на встроенные маячки – поводя антенной приемника рядом, как показывают в фильмах. Раз показывают, может, реально работает?..

Агнес с безмолвным негодованием тут же утащила радио обратно. Мол, мог и раньше сказать. А мне только в голову пришло, что раз кейсы всегда должны быть заряжены или подключены к сети, то отчего бы не дать другим игрокам «убей и забери» возможность их найти?..

– Гудит! – донеслось раньше, чем тревожно затопали ботинки Агнес по лестнице.

Мне предлагалось волноваться и бежать за ней. В итоге я пришел минут через десять, с набором инструментов в руках, когда за мной собрались идти во второй раз.

– Вот, – ткнула рукой Агнес на кейсы.

Рядом с ними сидела Марла с радиолой на коленках, слушая веселенькую песню на треть громкости.

– Марла. Сестра Марла!.. – Обратилась к ней брюнетка, притопнув.

– Да почти закончилось… Ладно, – со вздохом переключила та радио на «пустую» шипящую белым шумом частоту, вывернула громкость вверх и провела сначала над одним кейсом, потом над другим.

– Гудит, – согласился я.

– Получается, нам надо уезжать отсюда?.. – Нервничала шеф.

– Какой смысл? Даже если там небольшой передатчик, бьет он на полмили. Нас бы уже нашли.

Было время, пока шел из подвала в подвал, подумать.

– Сан-Франциско шесть на шесть миль, – напомнила Агнес.

– Тем более. – Пожал я плечами. – Думаю, это для хозяев кейса. На случай, если местные потеряют по глупости или решат увезти из города.

– Они ведь сами рекомендовали увезти…

– Убили и вернули бы в город. Представляешь, как возрастет напряжение между местными?

– В общем, ты можешь это достать? – Нахмурилась шеф.

– А иначе зачем мне инструменты? – Демонстративно взвесил я чемодан в правой руке. – Марла, можно другую станцию? – Попросил я, присаживаясь рядом с первым из кейсов.

Та быстренько открутила на предыдущую – надеясь, быть может, услышать концовку понравившейся песни. Но попали мы на новости.

– Оставь, – попросил я раньше, чем она открутила на другую волну.

«…таким образом, север штата Мэн был объявлен экстерриториальной зоной. Корпорация „Черная Гора“ приглашает возвышенных от третьего уровня и выше попытать удачу на границах аномалии, названной „Лес смерти“. Гарантируется безопасный промысел, скупка по твердым ценам. Корпорация активно вербует простых горожан, завлекая их на территории гарантиями первого уровня возвышения при проживании от полугода, второго уровня – от двух лет жизни. По словам главы корпорации Дэна Крауна, дальнейший прогресс зависит от лояльности корпорации. Внутри экстерриториальной зоны налажен строгий порядок, законность, а жизнь простого человека возведена в абсолют – поэтому от переселенцев нет отбоя…»

Внимание приходилось делить между передачей и изучением конструкции кейса. В мастерской одним из главных правил было – не сломать работающее. А для этого хорошо бы это все внимательно изучить.

В итоге, разобравшись, отвинтил крышку, которая должна была вести к аккумуляторам, и с удовлетворением отметил совершенно чужеродную конструкцию – кустарную, построенную на зеленой плате, с криво припаянными деталями, подсоединенную к основным батареям через блок питания.

«…мы не получили комментариев ни от Первого Правительства США, ни от Истинного Правительства США – их пресс-секретарь отметил, что все силы направлены на подавление

мятежа в южных штатах страны. Представители Президента и Настоящего Правительства США ответили на наш вопрос и не сомневаются, что вид приведенных к порядку бунтовщиков севера вразумит остальные штаты и коммерческие структуры, возомнившие о себе неведомо что…»

– Ты что делаешь?! – Воскликнула Агнес.

– Хочу отключить передатчики. – Недоуменно повернул я к ней лицо. – А что с ними еще делать?

– Постой… То есть, правильно!.. А можно их как-то сохранить?.. Чтобы я увезла их от дома.

– Можно, были бы батарейки или аккумуляторы. Вон, в радио есть, – кивнул я на работающий приемник.

«… по словам корпорации „Черная Гора“, они не собираются узурпировать власть. Все, что они делают – обеспечивают соблюдение законов страны и штата. Они не выходят в рамках своих полномочий за рамки народной дружины и готовы сотрудничать с тем правительством США, которое одержит верх в резне на юге…»

– Марла, вырубай!

– Да дайте передачу дослушать! – Взмолился я.

– Сестра Марла!

Та со скорбным выражением лица выключила радио и отдала приемник.

– Батарейки можно было поискать…

– Брат Генри!

– Да понял я, – со вздохом, принялся курочить я приемник и мастерить новое питание для маячков.

Справился, конечно – вручил их Агнес, и та, словно удерживая в руках две треснутые баночки с чумой, рванула вверх.

– Пойду, поработаю, – распрямился я, завинтив обратно кейсы.

Гвоздей еще было – на целую ночь. А еще – мыслей, переживаний и попыток доработать план, казавшийся мне страшно сырым. Но другого не было вовсе.

Точка, где старик-китаец должен был забрать кейс и отдать плату, была назначена на одном из многочисленных причалов на северо-западе города, что уже делало ситуацию крайне неприятной.

Для понимания: еще до рассвета от берега Сан-Франциско отходят сотни, если не тысячи мелких рыболовецких лодочек, чтобы с рассветом начать промысел. Затеряться среди рыбаков – проще некуда. Кейс наверняка будет в лодке на воде, пока с причала не подадут сигнал.

Может быть, мигнут фонарем – или зажгут сигнальный огонь

или включат лазерную указку – понятия не имею, каким образом люди на берегу дадут знать подельникам, что никакого подвоха нет. Лодка доставит кейс китайцу, продавцы получат плату – сделка завершена.

Проблема в том, что «точная информация о месте и времени» была в формате «в девять, пирс 39». Это как «в девять, в торговом центре» – потому что «Пирс 39» оказался названием причального комплекса на четыре сотни лодок – днем, как достали карту города, имевшуюся в доме, и уточнили этот момент, так почти хором выматерили «добытчиков сведений».

Впрочем, как говорится – хоть что-то. Только что с этим «что-то» делать, если вас трое, а ресурсов подорвать вообще весь пирс банально нет? А если подорвешь – то какие гарантии, что кейс уцелеет? И как доставать его из воды?..

Допустим, мы позволим сделке состояться, решив подловить старика с кейсом на обратном пути. По какой дороге он поедет? По Эмбракадеро, Бич, Пауэла или улице Джеферсона? Прямо рядом с пирсом его взрывать нельзя – во-первых, там все как на ладони, заложить не получится, во-вторых, там полно совершенно посторонних людей в любое время суток. И пусть Агнес согласна дабануть на кнопку из высших интересов, но я – нет. А если он решит уехать морем?.. Нам останется просто махать ему платочком вслед.

Хотя некие иллюзии у монахинь оставались – при обсуждении они азартно тыкали ногтями по карте, прикидывая варианты.

По моему настоянию, пока было светло, Марла с Агнес сходили до береговой линии, благо – недалеко. Это я прямо из дома мог наблюдать толпы людей на пирсе и сотни лодок в заливе: с парусом и без, крохотных и вполне солидных, которыми пестрила вода.

После прогулки и к сестрам-монахиням пришло понимание масштабов здешних причалов. Да там прямо сейчас могли торговать кейсами вразвес и мелким оптом, и ничего мы не заметим в тамошней прибрежной толчее. Это вам не схема на бумаге…

В общем, причины моего паршивого настроения, надеюсь, понятны. И понятно, почему оно стало еще паршивей после того, как я придумал, как нам действовать – и со мной сразу же согласились.

Потому что умирать по собственной глупости – это одно. Но допустить, чтобы из-за нее умерли другие – куда хуже. Как я говорил – лучше бы поругали, подсказали чего…

– Полвторого ночи. – Постучалась костяшками пальцев о

косяк двери Марла. – Может, поспишь пару часов?

– Полвторого? – С волнением посмотрел я на оставшиеся гвозди.

Казалось бы, совсем недавно начал работу.

– Ага. Тебе еще много? – Приподнялась она на цыпочках, с интересом глядя, что я делаю.

– Да не очень, – потер я переносицу.

Глянул на испачканную руку с кусачками, отложил их в сторону и протер лицо отложенной в сторону майкой.

– Агнес вернулась? – Спросил я.

– Да давно уже. Ходит, улыбается таинственно. Явно какую-то гадость кому-то сделала.

– Она может, – согласился я устало. – Второго радио в доме нет?

– Думаешь, чего она к тебе не заходит?..

– Значит – нет, – печально вздохнул.

– Лучше отдохни. Утром доделаешь. Я все равно разбужу до рассвета.

– Не пойдет, – отрицательно покачал я головой. – Спать нельзя. Доделать – и сразу на причал.

– А выдержишь?

– Вот уж не хотелось бы проспать остаток жизни, – фыркнул я.

– Да все будет хорошо! – Заверила Марла, пройдя внутрь и присев на завалы какого-то хлама в углу – пачки с цементом, открытые упаковки с плиткой. Все, что могло остаться после большого ремонта.

– Наверное, будет. – Не стал я нагнетать.

Шансы, в общем-то, были. Зря, что ли, я тут часами горбатился?

– Точно будет. – Давила блондинка.

Она восстановила свой прежний цвет волос – старой короткой прически уже не было, волосы тихонько отрастали. На завтрашнюю миссию выбрали неброскую одежду, найденную тут же, в доме. Девушкам оказалось чуть легче – их размер нашелся довольно быстро. Под мои габариты пришлось подгонять найденное – оказывается, я изрядно раздался в плечах.

– Тебе виднее. У тебя талант на интуицию? – Из любопытства уточнил я. – Вторым слотом?

– Я просто выжила в эти пять лет, – дернула та плечиком. – Само как-то натренировалось, без черного камня. Во втором слоте у меня смягчение падений с высоты.

– Вот как, – хмыкнул в ответ.

– Ага. На высокой скорости легко оказаться за пределами

крыш. Пару раз сильно ломала себе все. Теперь нормально.

– Хорошая связка. – Вернул я кусачки и принялся портить гвозди.

– Слушай… – Сбилась Марла, закусив уголок губ.

– М-м?

– А когда ты два уровня себе поднимешь, то каким будешь? – Осторожно уточнила она.

– Херовая у тебя интуиция, – зло отозвался я.

– Просто… Ты чего тут делаешь, все еще?.. Оно ведь, – повела Марла рукой, показывая на взрывчатку. – Тебе не нужно. Только чтобы поднять два уровня и исчезнуть.

– Это не так.

– Лин твоя приехала. Иди – встречайся.

– А вы?.. – Мрачно посмотрел я исподлобья.

– Как апнешь два уровня и станешь самым великим злодеем, возьмешь нас в свиту на потеху похотливой плоти! Ну, я надеюсь на это, – отчего-то порозовела она щечками. – Вот, хочу узнать уровень своего будущего господина.

– Я в ванну больше не полезу. – Категорично отозвался. – Ты просто себе представить не можешь, как это – когда живешь, а потом закрываешь глаза на миг – и все, кого ты знал, или умерли, или тебя похоронили. Все, кого ты помнишь, постарели и изменились. Я даже Лин боюсь встретить, – признался ей. – Расстались мы не так и гладко, а теперь она вон, коммодор непонятного уровня.

– Шестой.

– Ого… А ты – третьего? Интересный разброс.

– Стартовые бонусы, – пожала она плечами. – Тайна Ордена, но сейчас уже все равно.

«Я – или труп, или рыцарь?» – сдержался я, чтобы вместо этого задать интересующий вопрос:

– Стартовые бонусы?

– Скрытый модификатор на повышение уровня для тех, кто не растерялся в первые дни. Я вот просто бегала, потом друзья помогли… Какие мне модификаторы?.. – Грустно улыбнулась блондинка. – Я – как все. А коммодоры принесли в ванну что-то, убитое своими руками.

– Понятно… – Протянул я.

А у меня – Перо Предвестника. И уровень – девятка.

– Так что, возьмешь меня в наложницы? – Смутилась она.

– Марла! – Тяжко вздохнул в ответ. – Тебе правду или правду?

Та подзависла, но все-таки озвучила:

– Правду!

– Возьму. Вторая правда: делайте с кейсами что хотите, они

мне не уперлись.

– А почему мой господин не хочет стать сильнее?

– Потому что не хочу вешать на спину во-от такую мишень. Возвышайте свою Мать-настоятельницу и живите себе спокойно.

– Кейсы – не для Матери-настоятельницы.

– А? – Не понял я, то ли из-за усталости, то ли пропустив несколько слов.

– Ты ведь слышал, что хочет сделать Агнес и ее ячейка?

– Бог из ванны? – Сжал я губы.

– Ага. Мы несем кейсы на конклав. Там решат, как их лучше потратить.

– И вы считаете, что это божество важнее, чем перекинуть Мать-настоятельницу на два уровня вверх?.. – Удивился я.

– А что эти два уровня дадут? – Раздался голос Агнес от двери.

Я повернулся в ее сторону. Тоже – переоделась в гражданскую одежду и вернула свой цвет волос. Правда, никаких платьев – джинсовый костюм. По ночной прохладе – самое то.

– Доброй ночи, – отреагировал я дежурной фразой.

– Доброй. – Прошла Агнес внутрь и посмотрела на ведерко с подтаявшим льдом и бутылками. – Ты так и не попробовал.

– Угощайтесь, – повел я рукой.

Монахини отказываться не стали. Щелкнули пробками, вывернув их руками.

– Газа нет, – пожаловалась Марла. – Слишком сладкое. Хорошо, что холодное.

– Так вот, Генри, – отпив глоток, сказала Агнес. – Какая будет разница, если сестра-эконом, которая тебя лапала за банку ананасов, встанет на четвертый уровень возвышения? Все наши сестры из обслуги, бесполезные свитские и прочие, кто проедает пайку Ордена – что им даст четвертый уровень? Они не хотели воевать раньше, не захотят и сейчас. Мы – боевое крыло, основа-основ, мы – карающий клинок в руке Ордена, мы – третьего-четвертого уровня, и внезапно окажемся серостью. Мы будем задвинуты в очереди на следующее возвышение.

– Это вопросы управления, – возразил я. – Свой четвертый вы с Марлой получите так или иначе.

– Вместе с интриганками, бездельницами и ночными грелками коммодоров? – Грустно улыбнулась она. – Нас это не устраивает. И такие, как мы, имеем немало голосов в конклаве.

– Насколько готов ваш проект, если вы упрямо гнете свою линию?..

– А есть значение, будет ли бог второго или третьего уровня? – Вопросительно подняла Агнес бровь.

– То есть, у вас даже заготовки нет.

– Мы пробовали, Генри. Сделали вывод, что на первый уровень бога надо ресурсов гораздо больше, чем есть в нашем штате. Но это не повод отказываться. А причина начинать копить. Но сейчас… – Охрип от волнения голос Агнес.

– Второй уровень – это не так и много…

– Остальное принесут паломники. Их будет много, Генри. В новом мире людям очень не хватает истинной веры – на этом и держится могущество Ордена. Не на грубой силе, но на призывах к милосердию и справедливости. Дай им бога – исцеляющего и примиряющего, карающего неправедное, но справедливого, и к нему на поклон придет весь мир.

– У нас в школе книжка была, которую вы очень уважаете. Там было что-то про «не сотвори себе кумира».

– Конклав разберется, – отмахнулась Агнес. – Главное, у нас появилась возможность.

– Ну, удачи вам, – пожал я плечами.

– Ты действительно не претендуешь на кейсы? – С сомнением глянула шеф. – У тебя не меньше шестого уровня, ты мог бы возвыситься до восьмого.

– Да мне хватает уровня, чтобы посмотреть на вашу грызню с безопасного расстояния. – Вздохнул я. – У меня талант – «Видеть». Зачем мне его поднимать? Все, что под платьем Марлы, я уже разглядел и так, а остальное не так интересно.

– А я тут красивое нижнее белье нашла, – заметила Марла.

– Хм… Красное кружевное…

– А ну отвернись!

– Короче, я не понимаю, зачем вы меня соблазняете этими контейнерами, – посмотрел я на Агнес. – То твердите, как они нужны. То спрашиваете, не хочу ли я их взять.

– Если ты хочешь забрать, я хотела бы уточнить цену, за которую ты не станешь этого делать. – Сухо ответила шеф. – Твои два уровня можно достичь стандартными способами. Ванна, бассейн, компоненты. Орден способен это потянуть.

– Помнишь, я обещала бумагу от Ордена на уровень возвышения? – Посерьезнев, взяла слово Марла. – Я могу выписать такую же, но на два.

– Вы не потянете.

– Ты не знаешь, сколько уже скоплено на первый уровень возвышения бога. Тебе хватит.

– Предлагаю отложить оформление бумажек до нашей победы, – скривился я. – Но, если что, берите кейсы. Я согласен на ваши условия.

Дамы выдохнули, с торжеством переглянувшись. А я

постарался удержать ироничную улыбку – для них все так серьезно, все так важно, что не хотелось портить момент.

Потому что ничего все равно не изменилось.

Ну, кроме как Марлы, которая уселась мне на коленки с целеустремленным желанием показать белье безо всяческих там хитростей с талантами – но была безжалостно согнана брюнеткой, так как завтра важный день, надо спать или работать. Я выбрал «еще поработать», и меня вновь оставили одного. Даже лимонад не допили – мол, вдруг захочешь.

К утру бутылки с содержимым так и остались на своих местах, а я все же доделал то, что хотел.

Разогнулся, повел плечами, разминаясь – вновь увидел на пороге Марлу в просторных коричневых брюках и мешковатой темно-синей толстовке с капюшоном. Кажется, она стояла тут уже какое-то время, а я не заметил. Или была тут всю ночь?.. Когда в ушах – клацанье металла и звук падения металла на металл, мало что замечаешь.

– Пора?

– Пора. – Подтвердила она, показав взглядом на стопку чистый вещей в своих руках. – Только умойся. – Отошла она назад, когда я потянулся в ее сторону.

– В бассейн окунусь, – подумав секунду, решился.

На улице все еще стояла темень – ориентировался талантом. Ни одного признака нового дня на небе – зато бесконечное звездное небо, невозможное раньше. Раньше за отсветами городского света – ничего не разглядеть, разве что за городом, в горах. А тут – лежишь на спине, смотришь вверх и прикидываешь, на орбите какой звезды обосновались те паскуды, которые все затеяли. «Покупатели планет», блин.

Если наша звезда – заштатное захолустье, то они ближе к центру галактики, наверное. Надеюсь, кто-то все же пройдет лабиринт и накостыляет им… Я бы и сам взялся, но что я со своим талантом могу? Сказать: «хреново выглядите»?..

– Ты не уснул? – Прозвучал голос Марлы.

– Нет, уже выбираюсь, – погреб я к бортику.

Рядом упал комплект одежды – все неброское, брюки, кроссовки, легкая серая куртка с замком. В китайском квартале все равно буду выделяться ростом и цветом кожи, так что надежда только на Хтонь.

Быстренько, в четыре руки, перенесли мои заготовки в другой подвал, где завершили все приготовления. Там нехитрое все – пусть местами шумное.

Уходили из дома, понятно, со всем своим добром – не оставлять же тут кейсы. Правда, намеренно не стали делать

полную уборку – словно обещая, что еще вернемся, успеем…

Загрузились в Форд и покатили себе через ночь к причалам – сначала среди грузовичков, велосипедистов и пешеходов, для которых рабочий день должен был вот-вот начаться, потом по более пустынным дорогам, направляясь к Башне Койта на Телеграф-хилл. Здоровенная конструкция доминировала над низкой застройкой и береговой линией. Место охранялось поскольку-постольку, так как находилось внутри закрытого квартала – и использовалось в основном для контроля за пожарами и неспокойными соседями. Прожектор вверх все равно не поставить, чтобы водить лучом света по водной глади и улицам – да и смысл от этого?..

В общем, на блажь Марлы зайти наверх и полюбоваться тусклыми огнями города местные отреагировали положительно – подумаешь, нашла себе парня и решила устроить ночь романтики. Пропуск-то у нее примечательный – «друг общины». Так что пусть поднимаются – смотрят, да хоть через прихваченные с собой бинокли…

Агнес осталась охранять груз, мы же поплелись по ступеням вверх, под холод сильного ветра, продувавшего площадку, в сопровождении местного постового. Потому как вдруг что сломаем, пусть даже там все каменное… Ну а наверху и вовсе разочаровали бдительного сопровождающего, пару секунд постояв у бортика и посмотрев в темноту, а потом принявшись целоваться.

«Должна быть моторная лодка», – напомнил я себе, отстранившись от процесса, вглядываясь в лодки и небольшие яхты на глади залива. – «Не здешняя, прибывшая из другого места».

В этих допущениях, конечно, хватало изъянов – мы не знали, кто продавец, и как он привык мыслить. Но если там хватило ума добыть кейс и найти покупателя, то вряд ли они пренебрегут основными принципами: им нужна скорость; кейс до встречи обязан храниться вне территории покупателя. А весь север – он под китайцами, как ни крути. И если встреча назначена в порту – то «должна быть моторная лодка».

У меня просто не было времени оглядывать вообще все плав средства – уже стоявшие на воде и присоединявшиеся к ним; надо было как-то сортировать, то есть: игнорировать откровенные рыбацкие лоханки и кораблики на веслах и парусе. Остальное условно подходило – и, по счастью, было «подходящих» едва ли двадцатая часть от общего числа – все-таки рыбацкий промысел не самый прибыльный, тратиться на бензин и мотор могли только крупные корабли… Ну или стоявшие на воде не ради рыбы –

например, та же контрабанда или перевозка грузов мимо «хранителей мостов».

Мысленно разбив территорию залива на квадраты, я принялся планомерно искать лодку с ценным грузом. Опыта у меня, после недели развлечений у рейдеров – просто валом. Так что тело занято одним, а разум через талант – поиском. Я даже успел руку запустить в штаны Марле и действовать ею, вызывая тихие стоны. Хотя знала бы о моей сосредоточенности блондинка – наверняка обиделась бы.

Лодка – пусто, катер – пусто, лодка с парусом – пусто. Спасало то, что все, в большинстве своем, предпочитали стоять в одной точке – промысел такой.

– Г-хм. Пять патронов, и я оставлю вас одних ровно на десять минут! – Окликнул постовой.

– Заплати ему, – жарко шепнула Марла.

«Да чем?.. А хотя…» – Проверил я карманы и обнаружил там несколько десятков патронов.

Не глядя, отсыпал служивому горстью – тот и ушел, сияя ехидной улыбкой и чеканя шаг по ступеням. Заработал на ровном месте – довольный.

Мне же начали расстегивать ширинку.

– Марла…

– Ты работай, не отвлекайся…

Глава 15

Серебристый «Форд» поодаль от башни затарахтел необслуженным мотором; зажглись фары и тут же погасли, давая знать, где машина запаркована. Марла тут же потянула за руку вперед – словно я не шел туда же мгновением раньше.

Машина за время ожидания успела подостыть, но на заднем сидении все равно было теплее, чем под ночным небом на высоте – мы слегка озябли. Хотя держались бодро и не жаловались.

Я уже собирался начинать доклад, как Форд резко рванул вперед – я аж зубами клацнул – пролетел несколько линий улиц и остановился на пустынной авеню. Движок вырубили, свет в салоне включили – стало неожиданно ярко.

Агнес демонстративно развернула центральное зеркало сначала на Марлу (недоуменно-вопросительное выражение лица в ответ), потом на меня (морда кирпичом).

– Докладываю, – взял я уверенный и деловитый тон, осознав, что на меня смотрят слишком долго. – Четвертый справа парусник – корабль прикрытия, рядом с ним…

– Вы совсем охренели?! – Оборвала, не выдержав, Агнес.

Мы с Марлой переглянулись с видом уязвленным и несправедливо обиженным.

– Да, поиски потребовали больше времени, чем планировалось… – Вновь начал я.

– Орать на весь квартал – это поиски? Акустические волны? Эхолокация?!

– Отработка легенды, сестра! – Браво рапортовала Марла. – Вы согласовали, сестра!

– Я-я? Орать: «Генри-Генри!»?! Это твоя маскировка?!

– Мало ли в городе с таким именем… – Заступился я за блондинку.

– Которых в розыске за десять тысяч патронов?! И которые орут имя второй разыскиваемой подозреваемой?! «Марла-Марла»?!

– Да что мне делать, если она держаться перестала и на улицу по пояс свесилась?! Там двести футов до земли!

– Ну и отпустил бы, – мечтательно произнесла Марла. – Мне все равно ничего не будет.

– Стоп! – Поднял я руку. – Когда девушка падает с высоты во время секса, а потом упрямо поднимается наверх, это, конечно, лестно, но ты об охранниках подумала?!

– А вынуть эту свою штучку и подтянуть ее к себе ты не додумался? – Рявкнула Агнес.

– Да как я уберу основную точку опоры?!

– Дай мне Он терпения… – Со стоном выдохнула шеф, прижимая ладони к вискам.

– Как вы видите, производственная необходимость, – недоуменно пожал я плечами.

– Да?! – Мгновенно вновь взъярилась Агнес. – А семнадцать раз «Марла, я все!» после этого кто орал?!

– О, сестра, вы считали?

– Весь район считал! Отвечать на вопрос!

– Так я реально «Все!». Я нашел корабль!

– Да? – Задумчиво повернула голову Марла.

– Ну не про корабль же мне орать!

– А я-то думала, это любовь…

– А ну заткнулись, оба. – Лязгнул голос шефа. – Первый, кто скажет, какая паскуда начала орать мое имя, избежит строгого, но справедливого наказания.

– Я!

– Я! – Выдали мы синхронно.

– Хотя бы: зачем?!

– Кораблик показать. – Браво ответил я.

– Охранникам доплатить. – Честно ответила блондинка.

– Марла – строгий пост неделю!

Так глупо спалиться…

– У нас просто оплаченное время кончалось, а там искать и искать…

– Помолчи, – одними губами произнес я, заметив, как дернулся глаз у шефа.

Притихла – то ли услышала, то ли сама сообразила.

– Итак, весь квартал знает, что мы тут. – Констатировала Агнес.

– Разыскиваемые преступники занимаются любовью и орут имена друг друга с самой высокой башни в этой части города? – Фыркнул я. – Да бросьте, никто не поверит.

– Идиоты – не Санта-Клаус, чтобы в них верить. Идиоты точно существуют, и я вынуждена с ними работать, – грустно прокомментировала шеф. – Ладно. Надеюсь, успеем. Что там с кораблем?

– Стоит на якоре! – Вновь вернул я энергичный тон. – Большой, парусный, метров пятнадцать в длину, есть двигатель. К кораблю принайтован скоростной катер с четыремя движками «Хонда», движки прикрыты легкосъемным каркасом и дерюгой. Краска катера намерено попорчена под ржавчину, вид у корабля тоже так себе, но начинка современная. Сверху возятся рыбаки, трое – по виду мексиканцы. Работают ловко, таскают рыбу. В

трюме восемь мужиков, отметки искаженных предметов на них – безделушки, ничего серьезного. Есть автоматическое оружие, пистолеты, гранаты. Кейс при них. Содержимое не могу увидеть, как и у наших. Скрыто чем-то даже от моего таланта. Не исключаю наличия группы прикрытия рядом. Там, в общем-то, очень много серьезных ребят с оружием и всяким катается. У некоторых мешки, которые тоже не просматриваются насквозь. В одном катере два трупа в черных пакетах, но избавляться от них они почему-то не торопятся.

– Насколько много посторонних? – Озадачилась Агнес.

– Я искал кейс, – пожал плечами. – Общего количества не скажу, но десяток катеров я бы точно обходил стороной. Удобную траекторию движения я Марле показал.

– А она все поняла, раскачиваясь вниз головой?

– Почему? Нормально стояла, смотрела.

– То есть, вы сменили позицию.

– Не без этого, – смутился я. – Но запомнила накрепко, гарантирую!

– Такого сложного стоп-слова у меня еще никогда не было! – Рядом закивала Марла.

– Так, избавьте меня от подробностей. – Поморщилась шеф. – Сестра, ты знаешь, где цель, и можешь безопасно довести?

– Верно, сестра. – Собралась блондинка, посерьезнев.

– Тогда едем на причал. – Вновь затарабанил клапанами мотор, а свет фар залил идущих навстречу китайцев – те недовольно прикрыли лица. – Только развернемся, – озадачилась шеф, разглядывая, где мы находимся.

– Нам направо, – подсказал я. – А, еще забыл сказать. Я посмотрел подлодку у западных причалов, заметил кейс в каюте капитана.

Машина слегка дернулась от торможения, но потом плавно набрала скорость.

– Все равно не дотянуться.

– Да и незачем, – подсказал я.

– Незачем, – эхом отозвалась Агнес.

Пришлось еще пару раз подсказать, пока машина доехала до места, с которого можно было достичь «Пирса 39» пешком.

– Мы забираем груз, тент и тварь, – озвучила шеф оговоренное.

– Удачи. Да, Агнес! Будет возможность, прихватите там автоматы.

– Зачем? – Нахмурилась она.

– Потом объясню. Что-нибудь легкое и громкое. Я видел «Узи», берите два.

– Хорошо. – Нехотя кивнула она.

Все-таки, план – хоть какой-то – был утвержден, а тут небольшое от него отступление.

Но бывает ведь так, что в последний момент понимаешь – так будет лучше. Вчера вот автоматы взять было неоткуда – а сегодня появилась возможность.

Хлопнула дверью Марла, отправившись открывать багажник машины.

– Ты как? – Задержалась шеф.

– Справлюсь, – опередил я банальные вопросы. – Мне лучше перелезть за руль через салон?

– Давай, – задвинула она соседнее сидение поглубже, свою спинку откинула и вышла из машины, давая мне возможность потренироваться в ловкости.

Как никак – стекла тонированы. Хотя удовольствие слушать хруст пластика под собой – то еще…

Команда тем временем маскировалась под тентом у багажника. На вчерашнем обсуждении я слезно просил не потерять Хтонь – привязать на лодке тент накрепко и не забыть на обратном пути.

«Иначе где мы такую мантию-невидимку найдем», – глубокомысленно отметил я широкий пляжный зонтик, сорванный где-то ветром и неспешно летящий от машины в сторону входа на пирсы.

Мне бы, конечно, такая тоже пригодилась – но моей главной защитой должно будет стать расстояние. И изрядная толика везения…

Я выехал обратно в город, запарковался в условленном месте и дальше, накинув капюшон на голову, пошел пешком, изредка поглядывая на квартал сверху, чтобы не заплутать.

Воровато оглянувшись – словно не знал, что никого рядом нет, я отогнул верх двери у видавшей виды «Киа», запаркованной вдоль улицы, и приспособой снял блокировку. Шустро залез внутрь, свернул замок зажигания, с силой провернул руль, завел и тихонько вывел на улицу, не включая фары. Кажется, из верхнего окна дома возмущенно закричали. Извини, приятель…

После такого количества совершенных преступлений, угнать машину – вроде не такой и страшный проступок. Но все равно маятно на душе – вдруг она кормит кого или на ней детей возят. Это монахиням хорошо – им все небесная канцелярия прощает.

Но выхода не было, так что кому-то сегодня должно было не повезти. Завтра, быть может, не повезет мне – статистика успехов накапливалась, невозможно быть везучим постоянно. Главное, чтобы черная полоса началась не сегодня.

Педаль газа в пол – машину загнал через два квартала на Мейсон-стрит, запарковал на дороге, перегораживая одну полосу. После этого – бегом к следующей намеченной машине. Для декораций нужно хотя бы четыре.

«Значит, не повезет четырем», – хмурился я, легкой трусцой двигаясь по неосвещенному кварталу.

Изредка поглядывал в сторону залива талантом, пытаясь найти на воде лодку монахинь – но дело практически бесполезное, Хтонь надежно прикрывала передвижения малого катера, добытого Агнес. То ли купила, то ли под дулом пистолета попросила одолжить… Нужно ждать, когда они достигнут цели… Не забывая делать дело самому. Скоро начнет светать – черный участок неба у самого горизонта, казалось, слегка посерел…

Следующая машина – старенький «Плимут». Чем древнее и проще электрика у машины, тем больше их на ходу. Бензин местных особо не смущает – в общинах есть люди, способные талантом перерабатывать нефть в «восемьдесят седьмой» или «восемьдесят девятый». Говорят, пришли к черному камню с образцом – и тот не стал въедливо уточнять про химические формулы, а просто дал требуемое. Такие вот люди-бензоколонки – не особо долговечные, правда. Нефть в бензин не наложением рук производят, химический комбинат умещается в животе… Сосуды и прочие органы наверняка от такого не в восторге. Хотя и боли, говорят, тоже нет.

Пока размышлял, уже соединил вырванные из-под руля провода и завел басовитый мотор. Вновь – переключатель на «драйв», газ в пол, несколько поворотов и мягкое торможение на Мейсон-стрит. Машину я поставил за «Киа».

Контроль цели в заливе – и сердце екнуло, заставив остаться в машине. Возле нужного корабля плавал нехилый такой островок водорослей – с борта, противоположного городу…

Еще ничего не началось: рыбаки продолжали промысел – сети в воде, мексиканцы курят, глядя на воду, у которой горит масляная лампа с фольгированным ободом, направляющим поток света вниз. В трюме корабля тоже не заметил изменений – часть спит, часть смотрит в телефон, кейс на месте, под спиной какого-то хмурого мужика, то ли задремавшего, то ли прикрывшего, до времени, глаза…

А еще – сильного ветра в заливе нет, вода спокойная, без крупной волны. Нам все еще везет.

Водоросли потихоньку сместились в сторону «заряженного» катера. Мгновение – и они мягко коснулись его.

Часть «водорослей» приподнялась, показывая любопытствующую мордашку Марлы – та посмотрела по

сторонам, потом почему-то вверх и подмигнула. Ее резко утащили за плечо назад. Снова – только водоросли на воде.

Напряжение сковало спину, пальцы вцепились в обод руля. Если все пойдет наперекосяк, не нужно будет угонять новые машины – вообще ничего делать не останется, кроме как уходить из города. Но все должно быть хорошо, у Марлы ведь интуиция…

Водоросли вновь частично исчезли, из получившегося лаза выскользнула Марла и на бешеной скорости рванула на соседний катер, а оттуда по веревочной лестнице наверх. По палубному настилу – в сторону трюма.

Рыбаки никак не отреагировали – не заметили, не услышали. Возятся с лебедкой, подтягивающей сеть – и под этот грохот не слышат ничего.

Взгляд внутрь трюма – и немедленно открыть глаза, продышаться, отвлечься, чтобы картинка работы боевой монахини не впечаталась навсегда в сознание.

Я вылез из «плимута» и побежал в сторону следующей машины – проверил талантом, та на месте. Еще один побитый жизнью и времени автомобиль, на этот раз – пикап марки Додж, ржавый, но бензин в баках есть.

На полпути остановился и, привалившись к стене, вновь посмотрел в трюм – не выдержал.

Все тела аккуратно лежали с противоположного от катера борта, прикрытые кто-чем: курткой, пледом. Где-то там, рядом с ними – взрывчатка с настроенным таймером, обернутая гвоздями. Лестницу, поднимающуюся на палубу, от взрыва прикроют тела.

Не повезло еще восьмерым – на этот раз фатально.

Посреди трюма спокойно работала Марла – ковырялась в замках кейса отмычкой. Вчера потренировались на наших двух – у нее начало сносно получаться. Тут, видимо, немного давили нервы – но я верил, она все равно справится. Главное, не сломать замок.

Наконец, замки отщелкнулись – и золотое сияние затопило трюм. Хотя без таланта часть неизвестного монстра, «подаренного» по частям городу, походила на серое пористое легкое, нарезанное тонкими слоями. Мы уже успели полюбоваться, перекладывая из двух кейсов в один. К слову, когда положили их рядом – эти кусочки потянулись друг другу, словно чувствуя присутствие друг друга. Расстояние между ними было с ладонь, да еще переморожeнные до индевеющей корочки – но все равно живые.

А ведь было подозрение, что нам всем подложили тухлятину, которая не преет только из-за заморозки. Мол, пять кусков давно собраны, а вы тут возитесь, убивайте друг друга – пока

морозильники не сломаются по команде, и содержимое не даст запах…

Но нет, без подвоха – две части хотели быть целым. Механизм регенерации?.. Даже нашинковав в соломку – дайте время, и оно восстановится. Бр-р…

Марла развернула термопакет, надела перчатки и аккуратно переложила в него добычу. За короткое время ничего с ним не будет.

Убрав пакет под одежду, сестра закрыла кейс и пинком отправила его поближе к лестнице. Два УЗИ в руки и спокойной походкой – наверх. С грузом ее сверхскорость работает меньше, видимо, приберегла для палубы. Так и получилось – смазанный силуэт в ночи проскочил до лестницы, качнул «заряженную» лодку и ушел в лаз, вновь показавшийся в водорослях.

– Нормально, – я тяжело вздохнул, будто и не дышал все это время. – Нормально. – Выдавил я, чувствуя, как меня колотит.

Первый из самых рискованных моментов – в трюме запросто мог оказаться возвышенный «четверка». Пусть Марла и Агнес упрямо утверждали, что от «четвертого» всех уже знают в лицо и дают прозвища, а по моим описаниям никто на таких не походил. Часть боевиков знают даже от третьего уровня – если их таланты особенно мерзкие. В Рино у монахинь, к примеру, были прозвища – только они отказывались признаваться, какие.

«Не расслабляться, еще две машины», – напомнил я себе, заставляя идти дальше.

Много времени уходило на движение – замирать в тени, если навстречу идет толпа или, наоборот, ускоряться, если встречи можно избежать. Людей на улицах с каждой минутой становилось все больше, а мне досадные неприятности не нужны. По опыту – они как раз и случаются, когда человек идет по чужому району.

«На машине проще», – завел я очередной двигатель. – «Машиной как бы отгораживаешься. Хотя выбить стекло и вытащить тебя – секундное дело. Но ведь, почему-то, работает – через окна смотрят равнодушно, даже если ты белый в китайском квартале».

Оставив третью машину на нужной улочке, позволил себе понаблюдать на залив и цель в нем – водорослей у катера больше не было, моряки ругались, распутывая сети. Трупы лежали в темноте трюма.

Я снова шел по улице, когда что-то гулко ухнуло со стороны залива – почти неразличимо, на границе слышимости, но ночь и вода быстро разносят звуки.

Вновь взгляд сверху – рыбацкий корабль тяжело завалился на левый борт, лебедка с сетями накренилась почти к воде, фонарь

потух. На палубе паниковали два мексиканца, под светом ламп снимая крепеж катера. Третий мексиканец полез в трюм.

«Ну же», – приблизил я храбреца.

Вот он – намотав футболку на низ лица, спустился ниже и через дым от пожара после взрыва вглядывается в алое, белое и серое, раскиданное по доскам. Его изгибает в порыве рвоты – и в этот момент он видит кейс.

Шлепая босыми ногами по морской воде, наполняющей трюм, мексиканец ухватил кейс и быстро полез вверх. Корабль уже сильно наклонен, мексиканцу приходится сделать усилие, чтобы добраться до борта с лодкой и прыгнуть в нее. Он так и не отпускает кейс от груди – и из-за этого падает неудачно, нога выворачивается под неестественным углом. К нему спешат подельники, видят его, кейс, смотрят на ногу. Один из партнеров достает пистолет. Короткая вспышка в ночи. Тело сталкивают в море, кейс у новых хозяев.

С движков моторки снимают максировку, заводят все четыре – и спешат по широкой дуге прочь от тонущего, вспыхнувшего под конец огненной вспышкой, судна. Видимо, огонь добрался до запасов горючего.

И тут весь залив будто бы вскипел движением! Вслед моторке, наперерез ей, заводя движки и скидывая ненужные паруса, мчали десятки малых и больших лодок! А с берега, где стояла подводная лодка, быстро набирая высоту, поднимался аэростат.

«Удачи желать не стану», – проводил я беглеца взглядом.

Не после того, как пристрелили своего.

– Четвертая машина, – вслух напомнил я себе.

Раз взрыв прозвучал, монахини уже на берегу. А у меня еще ничего не готово.

Впрочем, к нашему серебристому Форду я вернулся не так чтобы с большим опозданием. Главное, чтобы украденные машины не нашли раньше положенного. Не должны – у местных органов правопорядка сейчас полно дел в порту.

– Три части у нас, – стараясь давить счастье в себе, произнесла Агнес вместо приветствия.

– Как вместе положили, они такие подвижные стали, – подтвердила Марла.

– Стекло не прогрызут?

Мы переложили их толстыми стеклами, пока в кейсе были две части – они пытались царапаться в направлении друг друга, но не очень активно. Хотя чем им царапать?.. А стекло не всякий реактив возьмет.

– Не должны, – пожала шеф плечами. – Ты ведь предложил.

– А я сильно разбираюсь, значит, – оставалось вздохнуть.

Ладно, ответственность на мне. Да и три части, если объединятся – это не пять. Нормально.

Светало.

– Едет наш китаец? – Ерзала Агнес на месте.

По мне так, имея три необходимые части, да еще две в Ордене, убивать старичка не было особого смысла. Разве что кармический – мне ведь принесли папку с материалами о его художествах. У дедушки был талант разрезать все вены и артерии на теле, куда он посмотрит – вдоль, разумеется. Пятый уровень таланта означал, что он легко пробьет защиту монахинь – те даже дойти не смогут, кровью истекут.

На себе его талант проверять не хотелось – это, все же, не ментальная атака, а первый встреченный мною ударный спелл, действующий с дистанции. Вдруг разница в уровнях сработает так, что он прорежет не все, а только сонную артерию?.. Мне и этого хватит.

В общем, была бы моя воля – жить китайскому деду и жить. Но: «воля Ордена должна быть выполнена», и крутись как хочешь. Клинит монахинь иногда – но это, наверное, и должно быть так. Если повеления Ордена потеряют высший смысл, то появятся сомнения в собственной безгрешности. А там – «ой, что я наделала!» над кучей трупов. В общем, секта тут пострашнее той, что в Грин Хоум. Там под речи об общем благе выпалывают сорняки, тут – людей.

– Генри? – ткнула на заднем сидении меня локотком Марла.

– Да, едет, – кивнул я.

Задумка сработала – вряд ли китаец, у которого была назначена встреча на утро, останется спокойным, услышав про взрывы и погоню в порту.

В конце концов, он уже полагал третий кейс своим. И ему надо быть тут хотя бы ради того, чтобы договориться с новым обладателем – я не особо следил за гонкой в заливе, пока что катер все равно лидировал в забеге. Но его преследовали помнили, что горючка рано или поздно закончится, и в сторону не отворачивали. Особой бойни между погоней пока не было – ее черед настанет, когда или кончится бензин, или беглецы вылезут на берег.

– Раз едет, что ты сидишь?! – Возмутилась шеф.

– Вы за рулем, – напомнил я.

– Так ты молчишь, – проворчала брюнетка, заводя мотор и выруливая из закутка. – Генри, поактивней!

– Он активный! – Заикнулась в мою защиту Марла. – Он очень, очень активный!

– А ведь мне про ваши спецоперации еще отчеты писать, – погрустнела Агнес, даже не став ругаться.

– Разве триумфаторы пишут отчеты? – Полюбопытствовал я.

– Мы вообще-то серьезная организация, Генри. Без отчетов – никуда.

– А я, я тоже пишу?! – Поерзала от нетерпения Марла.

– Ты – нет! – Рявкнула шеф.

– Но мне есть о чем написать!

– Нет! Потому что нет настолько дальнего монастыря, куда тебя можно было бы за этот отчет законопатить!

– Она слишком много кричит, – доверительно шепнула Марла. – Это означает, что приближаются «они».

– «Они» – это кто? – Не сразу сообразил я.

– Суровые будни, разумеется. Без убийств, погонь и разврата с симпатичными мальчиками.

– Слава Ему, – выдохнул я невольно.

– Слава, – искренне поддержала шеф.

И только Марла насупилась.

Глава 16

Взрыв искорежил машины: разорвал и перекрутил металл, оторвал двери, выбил замки капота, приподнял и с грохотом уронил остовы на асфальт. Часть стены здания, подпирающего авеню, осыпалась алым кирпичом сверху. Стеклянное крошево выбитых окон из здания напротив отразило алые лепестки пламени, пожиравшие бензин из баков и быстро перебравшиеся на резину и салон.

В секундной тишине, образовавшейся после взрыва, прозвучал дикий женский крик на высокой ноте. И почти тут же – очередь из автомата, азартная, на треть магазина. Выстрелы, под рев двигателя и звуки стираемой об асфальт резины, удалились от места взрыва в сторону города, пока не стихли столь же резко, как и возникли.

Кортеж из двух внедорожников и «хамви», двигавшийся метрах в двухстах от громких событий, притормозил.

«Уходи», – молча шептал я, глядя талантом на квартал сверху. – «Езжай в порт. Ты направлялся в порт», – ангелом-хранителем пытался я подсказать старику-китайцу.

Головной внедорожник кортежа – черный Форд Эксплорер – отправился в проулок, искалеченный взрывом. Он остановился на развилке, включил дальний свет, разогнавший чадный дым от резины и мотора. Замер, связываясь с другими машинами.

«Не заметь», – просил я его.

За крупным деревом на другой стороне улицы, куда меньше покалеченной взрывами, в траве валялся приметный алюминиевый кейс. Его изрядно приложило о дерево – вмяло одну из крышек – но индикаторы заряда все еще горели сытым зеленым цветом в ночи.

Оставшиеся машины резко рванули к третьей. На повороте «хамви» объехал разведчика по тротуару и встал прямо напротив отброшенного взрывом кейса.

Говорят, китайцы очень азартны. Им важно победить – потому что победа означает, что они отмечены удачей свыше.

Это ли не знак – ехать в порт, предчувствуя сорванную сделку, мрачнея с каждой секундой от осознания, что кто-то другой получит ценный приз… Но обнаружить его брошенным – даром, бесплатно, без малейших на то усилий?.. Это ли не благословение небес?..

«Не трогай».

Двери «хамви» открылись. На потемневший от взрыва асфальт вышагнул господин, знакомый по фотографиям – не

изменивший и в этот раз традиционным одеждам, и его свита. Повелительное движение – и один из подручных сорвался на бег в сторону кейса, хотя было метров шесть от дверей до дерева.

Им надо торопиться. Ведь погоня, отправленная за кем-то выжившим, может вернуться. Судя по прекратившимся выстрелам, беглец или притаился, и его ищут. Либо уже нашли и пытают.

И пусть китайцы – хозяева окрестностей, но кто знает, какого уровня возвышенный может вернуться за тем, что уже посчитал своим?.. Поэтому многие взгляды обращены в ночь – вокруг старика сформирован широкий круг охранения, хоть сам он и казался невозмутимым.

Подручный попытался ухватиться за кейс и с досадой одернул руку – поверхность оказалась сильно нагрета, хотя и остывала стремительно благодаря материалу корпуса.

Сняв просторную ветровку, китаец обернул ей кейс и, сгибаясь в поклоне, понес шефу.

«Не открывай».

Но выдержал ли температуру ценный груз? Не повредился ли он? Горит зеленый светодиод – но он ответственен лишь за заряд батареи. Корпус же отдает жаром – старик почувствовал это поднесенной ладонью.

По знаку старика из «хамви» достали мини-холодильник. На асфальт равнодушно сгрузили бутылки с шампанским и бокалы. Из салона машины с любопытством поглядывала молодая китаяночка в куцей розовой шубке поверх белой блузки и черной коротенькой юбки. Наверное, у нее какой-то высокоуровневый талант, и ее присутствие необходимо на операции в порту.

«Одумайся».

Замки на поврежденном кейсе бесхитростно сломали, о чем с поклоном сообщили начальнику. Мини-холодильник стоял рядом – ожидал переноса ценного груза. А кто это может сделать, если не сам босс?.. Кто гарантирует, что бывший верным псом слуга не возьмет и не проглотит часть ценной твари?.. Ведь остальные – они же все до единого воры и мошенники.

Старик некоторое время постоял возле кейса, воспитывая подчиненных – пока те не додумались принести раскладной столик и стульчик. Ну не на земле же сидеть уважаемому шефу, пока он будет тяжело работать?..

«Догадайся».

Где-то поодаль вновь зазвучали выстрелы, и некоторая неторопливость в движениях старика сменилась резкими, но четкими движениями – возраст не проник в тело дальше внешности. Он быстро открыл холодильник. Без паузы взялся за

крышку кейса и поднял ее вверх.

Взрыв «си-четыре», обвязанной липкой лентой с солидным грузом гвоздей, снес старику половину туловища и часть головы. Свите, с любопытством глядящей на процесс, тоже досталось. Разогнанный металл срывал кожу, оставался в плоти, ослеплял и отрывал руки.

Вновь – женский крик, на этот раз незнакомый. Китаянку даже не зацепило – но она видела, во что превратился ее покровитель и охрана.

Я закрыл глаза, сбрасывая чудовищную картинку.

– Генри, – потормошили меня. – Спица!

– Что? – Пребывая в подавленном состоянии, переспросил я.

– Спицу дай!

Я молча показал Спице картину с побоища, позволил ей покинуть руку и вручил Марле.

Ни единой эмоции протеста от оружия – наоборот, будто бы гончая, что тянет поводок и роет лапами на месте, стремясь вперед.

– Осторожнее там, – напутствовал я пустоту в машине.

Марла уже исчезла из салона – только дверь рядом с ее сидением стояла открытой.

– Ну как? – Посмотрела через зеркало Агнес. – Получилось?

– Он кейс прямо перед собой поставил, на столик, – отвернулся я к окошку. – Вряд ли его в таком виде довезут до врачей.

– Марла не позволит, – хмыкнула босс довольным тоном. – Ты чего серый такой?

– Да так, – потер я лицо ладонями. – Не спал, наверное. И не ел толком.

– Есть нельзя, от еды еще сильнее спать захочешь.

– Пойду, взбодрюсь, – взялся я за ручку двери.

– Сиди, – скомандовала Агнес. – Сидим, ждем. Вон, дверь еще открыта – воздух поступает.

Попытался вздохнуть – почувствовал запах бензина. Как там, в переулке – и образы вновь поднялись из памяти. Резко замутило.

– Ага, – кивнул я, откидываясь на спинку сидения.

– Грудь, может, показать?

– Спасибо, это очень мило с вашей стороны, но лучше в следующий раз, – зажмурился я.

Смотреть на то, что происходит во взорванном переулке, не хотелось. Зная Марлу, живых там не осталось.

Зная Марлу… Ни черта ее не знаю ведь, если задуматься. Даже с Агнес и то все понятнее – она просто фанатичка, но с

мозгами. Марла… Она забавная, пока не щелкнет переключатель в башке, после которого пройти по горе трупов – вообще ноль проблем.

После резни на корабле ведь ни чуточку ее поведение не изменилось. В этом плане шеф более цельная – если начнет ворчать, то легко отследить, когда началось ее раздражение, сколько продлилось и чем завершилось. У Марлы тот самый гребаный переключатель – и великое счастье, что контроль над ним в ее собственных руках. Ну или Агнес гаркнет – а блондинка послушается и отщелкнет на «исполнительная подчиненная».

Наверное, это должно бы пугать – будь я ее парнем или мужем. Но мне без разницы.

Если подыскать объяснение – наверное, она все-таки переживает, рассуждает, злится и прощает, просто делает это на скорости своего таланта. Ведь двигаться очень быстро – половина дела, надо при этом не влететь башкой в ближайшее препятствие, а для этого импульсы в мозгу должны обрабатываться моментально. Так что со мной могли поругаться, проклянуть, великодушно простить и полюбить за доли секунды, а я и не замечу.

«Может быть, с этим связана одержимость постельными утехами», – мелькнула мысль. – «Для нее удовольствие растягивается на часы внутреннего времени. Океаны наслаждения. Так и подсесть можно легко».

– Поедешь с нами в Рино?

– Куда? В Рино? Нет. – Отреагировал я на слова Агнес, как на новую миссию, но потом вспомнил про родную Обитель сестер. – Вашими стараниями, у меня проездной на север страны.

– Тебя там ждут? На севере?

– Не уверен, – честно признался.

– Так, может, отложишь поездку? – Осторожно уточнила Агнес.

– Ради чего? – Нашел взглядом глаза шефа. – Смотреть на костры, которые вы разожжете под еретиками? На новый крестовый поход против тех, кто не уверует? Вы ведь понимаете, что просто вывести и показать бога – будет недостаточно?

– Я верю в то, что без воли Его у нас ничего не получится. Но, как видишь, он благоволит начинанию, а значит и дальше все как-то разрешится.

– Нам просто везет.

– По милости Его.

– Может быть, – не стал я спорить. – Без меня, в общем. Ведь если я уеду, то это тоже – по Его воле?

– Генри… – Вздохнула шеф.

– Сначала вы с конклавом поругаетесь над тем, кто должен будет стать новым богом…

– Это должен быть ребенок, мальчик…

– Потом передеретесь из-за того, кто станет его воспитателем. А когда он вырастет, насмотревшись на круговорот предательства и смертей вокруг себя, простит ли?..

– Может быть, это будет не ребенок… У нас мало времени.

– Удачи найти.

– Генри, у нас нет выбора, – мягко возразила Агнес. – Мир изменился. Уже недостаточно веры в чудо, чтобы удерживать паству. Чудеса творят люди, исцеляя наложением рук. Творят огонь, ходят по воде…

– Парализуют и режут глотки на сверхскорости, – поддакнул я.

– Генри, – с укором посмотрела шеф. – Ты ведь понимаешь, о чем я? В мире уже сотни, если не тысячи ложных богов. Секты, оккультные движения, новые религии – и число их будет расти. Что мы можем этому противопоставить, скажи?..

– А что противопоставляли до этого? – Полюбопытствовал я.

– Особую милость Его, по которой все монахини возносятся на второй уровень.

– Отдайте кейсы Матери-настоятельнице, будет четвертый. Поддержка легенды, новые сестры…

– Я уже говорила, это ничего не решит. – Нахмурилась Агнес. – В город зайдут шестые-седьмые уровни, и что дальше?..

«На самом деле – решит многое. Захватите город, потом окрестности вплоть до Лос-Анжелеса, соберете ресурсы, продвинете своих бойцов на шестой-седьмой… Но смысл спорить с фанатиком?..»

– Вас тоже назовут сектой. Вашего бога захотят убить.

– Истинную веру всегда приходится защищать, – пожала она плечами.

– Вот и я об этом. – Вздохнул в ответ.

– У нас получится, Генри. Тут будет спокойный, изобильный край без войны и болезней. Тебе, как рыцарю Его, нашлось бы место.

– Я уже послужил достаточно, а? – Посмотрел я на руки, еще красноватые после нарезки гвоздей.

Хоть мозолей нет – уже ладно.

– Так почему бы не получить полную награду за старания?

– Живым меня отпустите – век кланяться буду, – иронично ухмыльнулся я.

– Генри, – в этот раз в голосе чувствовалось осуждение. – Разве кто-то за тобой следил? Захотел бы уйти – ушел. Ты

добровольно рядом.

– Сам не пойму, как так получилось, – мотнул головой устало.

– По воле Его, – утвердительно произнесла шеф.

– Давай не будем впутывать Его в детонаторы со взрывчаткой, – поморщился я открыто, хоть и не верующий.

– Хорошо, – покладисто отозвалась Агнес. – Но ты, все же, подумай, рыцарь Генри.

– Так. Показывай грудь.

Шеф глянула удивленно.

– А что? Нормальный способ скинуть градус бреда. Работает же…

Агнес предпочла сделать вид, что ничего не слышала.

– Ну что там? – Потребовала она информацию. – Чего Марла возится?

Я оглядел переулок, все еще освещенный только заревом пожара.

– Занимается мародеркой. Все мертвы. – Запоздало констатировал я главное.

– Нашла время, – поджала губы шеф.

– Не торопитесь ругать. – Хмыкнул я задумчиво.

– Почему? Генри?

– Сама расскажет.

«А и действительно, где им еще быть?..»

– Уже завершает, – вновь озвучил я. – Достала канистры с бензином, облила вокруг машин, поставила на асфальт и пнула в сторону пожара…

Я прищурился, будто бы новая вспышка могла ослепить через талант.

Алое зарево, поднявшееся в небо, вторило цвету начинающегося рассвета. Начинался новый день.

Когда во все еще раскрытую дверь ввалилась бодрая Марла, пахнущая смесью бензина и духов, я в первый раз сорвался на нее матом, потребовав скинуть трофейную шубку.

Та, поджав губы, пожелание выполнила, сняв и уложив ее под ноги.

– Неосмотрительно, сестра, – поддакнула Агнес. – Вещи с дела забирать нельзя.

– Мало ли таких в городе. – Дернула блондина плечом. – Все равно сгорела бы. Не жалко вам животных, пошедших на мех? – Проворчала она.

– Ты чего так долго? – Шеф добавила ворчания в голос.

– А вот его Спица наесться не могла, – обвинительно кивнула Марла в мою сторону, вручая почерневшее железо. – Как впилась

в трупы, так не оторвать. Я хотела – рычит, не слушается.

Молча убрав сытое оружие обратно в руку, я продолжил смотреть перед собой.

– Генри сказал, ты что-то там нашла?

– Ах да! Чуть не забыла! Я сейчас! – Красуясь, блондинка вышла из машины и через какое-то время неестественно неуклюже принялась забираться внутрь с двумя целехонькими кейсами. – Генри, ой! Извини, я не хотела! Уф! – Плюхнулась она на сидение, чуть не влепив мне углом кейса по лицу. – Представляешь, сестра, начала я осмотр автомобилей – мало ли кто уцелел. Так сзади «хамви» под тентом вот эти две прелести стоят, меня дожидаются, – похлопала она по алюминию. – Я молодец? – Бодро уточнила Марла.

Агнес, развернувшись всем телом, неверяще смотрела на кейсы. И ощущение дикой радости светилось в ее глазах.

– Получается, нам даже разрешение конклава не нужно, а? – Торжествовала блондинка. – Пять кусочков из пяти! Ну их, этих старух? Еще нарешают что-то не то!

– Конклав нужен, – собралась Агнес. – Но он будет на наших условиях!

Развернувшись на сидении, монахиня завела двигатель и повела машину по улицам города.

– Ты чего такой бука? – Хмыкнула Марла в мой адрес, устраивая кейсы у нас под ногами. – Все ведь получилось! Ты из-за шубки, да? Она была красивая? Китаянка? Понравилась тебе?

– Вещи с трупа – плохо.

– Да ну, это ты босой на одну ногу сутки не ходил. Быстро бы передумал! Вещи с трупа – ничьи. Они просто – вещи. Теплые, удобные, красивые. Пусть лучше служат и радуют, чем горят.

– Наверное, ты права. Извини, – оставил я эмоции в стороне.

– Генри, дорога чиста? – Уточнила Агнес.

– Если возвращаемся в дом, то все спокойно. Внутри тоже нет гостей. Но надо ли возвращаться?..

– Считаешь, стоять в подворотне с таким грузом – будет правильно?

– Нам маячки бы убрать для начала… – Напомнил я.

– Ой…

Машина вырулила в очередной закуток. Убедившись, что все спокойно, убрали из находок лишнюю электронику и перекинули под общий тент с Хтонью.

– А может, переложим все в один кейс? – Облизала Марла губы. – Пусть все в городе поймут, что суетиться бесполезно?

– Не нашего ума дело, – строго отозвалась шеф. – Приедет коммодор Маурин, будем решать.

– Это мы к ней поедем, – отметил я.

– Генри, мы не можем ждать десяти часов, – кивнула она на белеющее небо. – Просто ждать – уже рисково. Я вызвала коммодора и ее боевое крыло к нам. Еще в порту.

– Монахини будут прорываться с боем в китайский квартал? – Без особого восторга отреагировал я на изменение планов.

– Не паясничай. Спокойно заедут. Все-таки, союзники.

«Нормально союзничают – на три машины трупов и два украденных кейса…»

– Коммодор Лин?

– Разумеется, – кивнула Агнес. – «Шестой» уровень нам не помешает.

– Тогда ладно. Дашь мне что-нибудь, чтобы спокойно выпустили из квартала? Пропуск, бирку?

– Генри…

– Тебя так задела шубка? – Расстроилась Марла.

– Успех оказался неизбежен. Цель достигнута. – Не чувствовал я от этого никакой радости.

– Я все-таки попрошу тебя задержаться. – Погрустнела Агнес. – Статус рыцаря позволит тебе знать тайны Ордена и уехать с ними из города.

– А без него?..

– Давай не будем осложнять, прошу. Прими награду и уезжай, раз так решил.

– Притормози, – попросил я.

– Я ведь никогда тебя не обманывала…

– Я не об этом. – Напрягся я, разглядывая наш дом за двумя поворотами. – Нас ждут.

– Ты же сказал, в доме никого нет… – Остановилась машина у обочины.

– Я и сейчас никого не вижу. Но кто-то же допил лимонад в бутылках?..

Глава 17

На маленькой кухоньке подвального помещения было тесновато: табурет и прямоугольный стол у стены занимал я с открытым кейсом, паяльной станцией и обернутыми обрезками гвоздей брусками «си-четыре».

Перед высоким зеркалом, стоявшим на полу из крашенной в коричневый цвет доски и прислоненном к желтоватым обоям с нечитаемым рисунком, красовалась трофейной шубкой Марла. Если бы не моя занятость, то бесила бы страшно – наверное, этого и добивалась.

Еще на кухне были: плита (теплая после ухода хозяев на работу), раковина с вымытой посудой, старенький холодильник с замороженной рыбой и две тумбы с крупами, завернутым в пакет хлебом, солью, сахаром и прочим добром. Чужие вещи мы не трогали. Зато свои рюкзаки щедро нагромоздили возле стены. Два из них стояли открытыми и пустыми под столом – там до того хранились остатки неиспользованной взрывчатки, заготовленной впрок. Вчера сделал запас, если к угнанным машинам, на свою беду, запаркуется еще кто-то. А по итогу использовал даже не все, что рассчитывал на четыре автомобиля – побоялся, что металл разорвет совсем уж в клочья…

Старенький «Форд», освобожденный от багажа, взялась отогнать и бросить где-нибудь Агнес – если наш дом занят, то марку и цвет автомобиля чужаки тоже знают. Так что мы вновь пешком.

Заодно шеф обещалась выйти на связь по рации с коммодором – средства связи были где-то в тайнике. Все-таки, была нехилая вероятность, что люди, притаившиеся в месте нашего базирования, это «свои». А скрываются ровно по той причине, по которой мы притаились в чужом жилье за квартал от нашего прежнего дома – чтобы не угодить в поисковые сети.

Китайцы уже начали действовать – перекрыли выезды и усилили охрану на постах, заблокировали порт и согнали туда целую армию. Когда поймут, что водой никто не уходил, займутся поисками внутри квартала. Уверен, скоро объявят комендантский час; дома начнут потрошить, разбивая при малейшем подозрении стены и вскрывая полы – убийц старика и похитителей кейсов будут искать остервенело, игнорируя любые негласные правила и сопутствующий урон.

Так что, с одной стороны, ждать встречи с «нашими» до десяти часов было действительно опасно. А с другой – если вы уж прибыли в дом первыми и влезли в него, вывесите хоть какой-то

знак! У нас тут груз чудовищной ценности на руках и мотивированное желание сначала взрывать, а потом спрашивать «кто там»… Даже Агнес, твердившая, что у нас в гостях скорее всего свои, моей возне с детонаторами и кейсами не препятствовала. Потому что «мало ли что».

– У Маурин нет скрывающих животных. Это тайна другого коммодора, – напоминал я.

– У коммодора Лин они могут быть. Шестой уровень, спецоперации! – Веско возражала Агнес.

Я пожал плечами – вполне может быть. Но паял, собирал и настраивал адские машинки. А шеф, если бы умела, уверен – взялась бы помогать.

Не своих же взрывать собрались – а тот самый процент, отведенный на «мало ли что». Сработало однажды – почему бы не сработать и во второй раз, если там действительно чужаки?.. Во всяком случае, если нас ждут «свои», взрывоопасные кейсы можно оставить, а с собой взять один-единственный – пять частей неведомого чудовища, переложенные между собой слоями оконных стекол, были упакованы в третий кейс. Марла время от времени посматривала внутрь, уверяя, что все нормально. Но иногда мне чудился треск изнутри.

Скоро все должно было проясниться, и мы так или иначе покинем чужое жилище, тесное, но милое: кроме кухни имелась небольшая комнатка с широкой постелью и кроваткой поменьше – все уютное, заваленное нехитрыми детскими игрушками и одеждой. Посмотрев на это, по молчаливому согласию мы и остались на кухне.

Полезно видеть сквозь стены – несложно подобрать пустующую квартирку с отдельным выходом на улицу. Главное, не привести в жилище посторонних людей большую беду.

– Помочь не хочешь? – Оттер я пот со лба.

Марла остановилась и посмотрела насмешливо:

– Чем я могу помочь моему рыцарю?

– Найди бумажку, карандаш или ручку. Запиши все изменения в доме, которые ты произвела, пока меня не было.

– Но я не…

– Марла. – Перебил я. – Когда я вышел из дома, ты вернулась и все-все внутри переставила. – Надавил я голосом. – А потом ты обошла квартал и запомнила все машины, которые стояли вокруг дома. Так что нарисуй мне схему дома и улиц вокруг. Тщательно вспомни что и где лежало, какого цвета и марки машины стояли, в какую сторону были повернуты. Все зарисуй. Мне нужно на что-то опираться, чтобы сравнить, произошли ли изменения. Понимаешь меня?

– Поняла. – Посерьезнев, кивнула Марла. – Я все сделаю. А Агнес, когда вернется, сделает то же самое, не глядя на мой список?

– Умница, – устало похвалил ее.

И та вспыхнула на мгновение радостью. Правда, тут же став бесстрастной и поправив на себе шубку.

– И где же мне работать, если ты весь стол занял, о рыцарь?

– А я все, – уложил я подключенные к аккумуляторам бруски с детонаторами внутрь кейсов и закрыл крышки. – Стол в полном твоем распоряжении. – Осторожно убрал я кейсы на пол и сдвинул свои инструменты по столу, освобождая место.

Марла присела на стол попкой и поерзала.

– Какой крепкий стол. Основательный. Всякое может выдержать.

– Значит, не сломаешь, – одобрительно кивнул я, проигнорировав зазывную позу и распахнутую на груди шубку. – Я спать.

– Спать, пока в доме красивая девушка – это признак…

– Рыцаря, я уже понял, – забрал я «заряженные» кейсы с собой в спальню, закинул их под кровать и осторожно прилег на край. Не хотел тут ничего трогать – но не в ванной же ложиться… Зато Марлу сюда точно не пущу. Пусть работает – там дел минимум на час.

Раз маскирующая тварь прикрывается желанием человека увидеть что-то конкретное, на этом и будем ее ловить. Монахини опишут якобы совершенные ими перестановки – я два раза осмотрю дом и где их увижу – там-то враг и притаился.

«Если, конечно, это враг», – провалился я в сон.

Видимо, совсем ненадолго уснул – потому что буквально через мгновение меня начала тормошить Агнес.

– Генри! Просыпайся, там наши! – Ликовала она шепотом. – Нас ждут!

– Ага, – потер я лицо, присаживаясь. – Бумажку написала?

– Какую бумажку?

– Марла? – Заметил я стоящую за ней блондинку.

Та молча передала разлинованный лист со схемой и мелкими подписями, выполненными каллиграфическим почерком.

– Она не захотела, – пояснила автор схемы, невозмутимо посмотрев на шефа.

– Да зачем время терять! Там ведь наши!

– Ага. Вы пока вещи собирайте, а я сверюсь со схемой, – кивнул я, хлопая сонными глазами и пытаясь сосредоточиться на записях в листке.

Тот оказался заполненным с двух сторон – очень тщательная

работа.

– Генри…

– Сэр Генри. Работайте, сестра, – глянул я на нее.

Раздраженно хлопнула дверь.

Прочитав и тщательно запомнив схему, я вновь начал изучать дом, в котором мы провели пару дней.

И действительно, не обманула Марла – ухмыльнулся я – кое-что она действительно сделала, пока я не видел. Изменения коснулись помещений на втором этаже, которые мы не занимали – там стояло пианино. Откуда, зачем, как – «маскировочную тварь» не интересовало, она просто давала мне это увидеть. Еще несколько мягких цветастых пуфиков у бассейна. Два изменения в разных частях подвала. Постовые в виде по-рождественски наряженных елочек на верхних этажах.

Машины – четыре «мини купера», стоящие возле стен у дальнего входа. Мы-то пользовались тем въездом, что был у гаражей, а приехавшие воспользовались парадным. Четыре машины – не крутовато ли? Надо бы у Агнес спросить.

– Два коммодора, головная машина и свита. – Кивнула она, вновь заглянув в дверь. – Все сходится!

Хотелось верить. Надежда на лучшее – заразная штука. Получается, Лин приехала. Волнительно немного…

– Мы – все, – вновь появилась в проеме Агнес. – Поехали, я одолжила машину.

У доброго прихожанина, наверняка. Или просто парализовала и выкинула из салона. Все равно не успеет пожаловаться – уверен, как мы передадим кейсы, их просто эвакуируют местной ящероподобной авиацией.

Кстати, как там Жаба?..

Я посмотрел талантом в небо и довольно быстро наткнулся на лениво кружащих по широкому кругу рептилий. «Своя» отчего-то нашлась легко – она встрепенулась от взгляда и вылетела из общей карусели.

«Отбой тревоги», – передал я успокаивающее пожелание.

И удивительно – но, кажется, зверушка приняла его, с тихой укоризной вернувшись в хоровод.

Настроение резко скакнуло вверх – получается, есть возможность сбежать?.. Может, предложить монахиням уйти по-английски?

Правда, там вопросы по грузоподъемности ящерицы – возьмет ли она всех троих?.. А если без меня – я, все же, тяжеловат – согласится ли вообще лететь? Тут я гарантий не дам – летающая жаба адово забывчивая: еще не найдет меня на спине и скинет безбилетников.

Да нет, сами монахини не согласятся улететь. Тут коммодоры ждут не дождутся появления любимых подчиненных, чтобы награждать от всего сердца. Как сестры могут не подчиниться и не прийти?

Надо было вчера до воздушных перевозок додуматься – может, смог бы убедить или переиграть место встречи. Но кто же знал, что ящерка меня не забыла…

– Генри, потом поспишь, – топнула шеф ногой.

– Да готов я, – присев, забрал я кейсы со взрывчаткой и выпрямился. – Поехали сдаваться.

– Надо выкинуть взрывчатку, – поджала Агнес губы.

– Лучше давай так сделаем, – протянул я ей радиовзрыватель. – Пока скобу не уберешь и кнопку не отпустишь, ничего не случится.

– И как я коммодору объясню?.. – Растерянно смотрела она на прибор.

– Да она тетка умная, поймет. Меры предосторожности. – Пожал я плечами. – К тому же, мы должны сдать три кейса. Если будет только один, появятся вопросы. Ты ведь говорила коммодору только о трех?

– Я вообще не упоминала количество. И почему три?.. От нас требовали один.

– А на смерти китайца зачем тогда настаивали?.. Ваши боссы прекрасно знали про груз в «хамви». Так что мы должны показать три кейса – и мы покажем три.

– Но у нас пять частей…

– Здорово, что они об этом не знают. Три части – не пять. Три части бесполезны. С тремя частями нам дадут доехать на конклав – за них можно будет повоевать там, без оружия, словами. За пять частей нас сразу начнут убивать.

– Да понимаю я, – дернула уголком рта шеф, забирая взрыватель. – Вот откроет она кейс, а там твои гвозди…

– Я замки испортил, не откроет. – Успокоил ее. – Все, поехали?

– Постель поправь, – донесся голос Марлы.

– Вы и тут успели?! – С осуждением смотрела шеф. – Прямо на детских игрушках?

– В этот раз я честно спал. – Признался в ответ. – Не возбуждают меня особы в ворованных шубках.

– Рыцарь хренов! – Хлопнула входная дверь.

– Вы бы помирились, наверное, – предложила Агнес мягко. – Далась тебе эта шуба?.. Ну не нравится – подари ей несколько других.

– Ага, сейчас украду или с трупа сниму…

– Это просто волнение, – констатировала шеф. – Так бывает. Скоро все изменится, и вы помиритесь.

– На самом деле, было бы неплохо… – Выдохнул я вместо резкого ответа.

Действительно, чего это я?.. С другой стороны, Марла же видит, что мне неприятно… Вон – посмотрел я талантом через стену – сидит на заднем сидении «Фольксваген Поло» в шубке. Она же розовая! Она как минимум демаскирует! Ладно хоть окна тонированы наглухо – но в салоне-то я буду рядом. Значит – все еще надета мне на зло.

– Поехали, – поправил я покрывало, подхватил кейсы и обошел застывшую в задумчивости Агнес. – Хтонь не потеряли?..

– В багажнике, ест яблоко. Кстати, будешь? – Предложила она мне парочку.

– Давай, – закинул их в карман, на короткое время поставив один из кейсов. – В пути, может быть.

С утра поесть так и не получилось, хотя, казалось бы – протяни руку к рюкзаку, возьми паек… Сначала места на столе не было, потом спал. Сейчас вот – встреча века на голодный желудок…

Скинув кейсы в багажник под общий плед – Агнес не удержалась и еле заметно промаркировала их карандашом – я занял свое место и уставился в окно.

– Дорога чистая? – Уже дежурно уточнила шеф, заводя машину.

– Да. У постов суета, но в нашу сторону никто не едет.

«Фольксваген» дисциплинированно поморгал поворотником перед пустующей улочкой и медленно покатил в правом ряду.

– Марла, сними шубу, – распорядилась брюнетка.

– Мне не жарко.

– Сними. Не будешь же перед коммодорами в этом…

Подействовало – стянула, оставив в руках свернутой мехом внутрь.

– Приехали, – дрожа голосом от волнения и затаенной радости, Агнес притормозила у гаражных ворот.

Пару раз моргнула фарами – и металлические жалюзи двинулись вверх. Внутри никого видно не было.

– Дальше нам куда? – Уточнил я, пока ворота медленно закрывались за нами.

– Нас ждут на втором этаже, левое крыло.

– Где пианино, – кивнул я.

– Какое еще пианино? – Нахмурилась Агнес.

– Выдуманное, какое еще может быть.

Тихо хмыкнула Марла.

– Генри… Я понимаю – волнение, но перед коммодорами лучше помолчи.

Некоторое сопротивление наступило, когда я забрал два «лишних» кейса. Но рядом все еще не было сестер Ордена – дом словно стоял пустым, кроме открытых и закрытых ворот никакого движения.

А потом еще Марла напялила шубу, и меня лучше было просто не бесить – Агнес как-то сообразила и больше не спорила. Взрыватель и «главный» кейс все равно были у нее.

«Вот зачем она так?» – Шел я позади, невольно поглядывая на выкрашенный в розовый мех. – «Какие-то завихрения в голове? Хочет, чтобы я принял ее целиком, какая она есть – промышляющей с убийств? Или это обида на меня – мол, снес старику половину тела, поубивал людей и еще смею косо смотреть?.. А то, что мне не нравится ни свой, ни ее поступок – как это объяснить?..»

Лестница и два перехода вывели нас помещение бывшей столовой или конференц-зала – сложно сказать. Тут были и столы, сдвинутые к стенам, и скамьи со стульями там же – и даже доски со следами стертого с них мела. Может, учебный класс?..

Окна только со стороны внутреннего двора. Стены окрашены в светло-зеленый и украшены черно-белыми и цветными портретами улыбающихся китайцев: мужчин и женщин. Не узнал ни одного – хотя откуда бы?..

На полу – крупные плиты светлого керамогранита без единой пылинки. Словно бы вымыли буквально этим утром.

Посреди зала – белое пианино, повернутое к нам углом. Изящное, с позолоченной надписью и поднятой крышкой над черно-белыми клавишами.

– Мы пришли, коммодор. – Положила Агнес свой кейс и отступила назад.

Я повторил ее движение. Рядом, прижавшись плечом, замерла Марла.

Силуэт пианино оплыл, превратившись в четырех дам в знакомых орденских нарядах. Две – властные, стоящие впереди. Еще две дамы – бесстрастными охранниками за их спинами.

От души отлегло, лицо тронула легкая улыбка. Только отчего-то Марла прижалась сильнее, а Агнес посерьезнела. Стоп.

«Где Лин?!»

– Коммодор Маурин, – поклонилась наш шеф.

И женщина в возрасте, знакомая по дню нашего прибытия в Обитель, благосклонно улыбнулась, ограничившись милостивым наклоном головы:

– Сестра Агнес.

– Коммодор Стефания, – напряженно смотрела Агнес на соседку Маурин – золотоволосую девушку, умудрявшуюся носить черный наряд как парадное платье.

Хотя какая девушка?.. Возрастом та вряд ли уступала Маурин – просто поднятый ворот удачно скрывал недостатки кожи, а косметика выгодно подчеркивала зеленые глаза. Истинный возраст выдавали пальцы, украшенные перстнями – камни, конечно, красивые и сверкающие, но под золотом узловатые костяшки фаланг, обтянутые старческой плотью.

– Сестра Агнес, – казалось, насмешливо, отозвалась та.

Голос, надо признать, звучал молодо.

«Ни Агнес не поклонилась, ни Стефания», – запоздало отметил я.

– Полагаю, вы удивлены, сестра моя, – мягко вступила Маурин.

– Не то слово, коммодор, – позволила Агнес вырваться недоумению.

Я бы высказал те же слова матом.

– На пороге больших перемен мы берем руку тех, кому с нами по пути. Прошлое остается в прошлом.

– Мы с коммодором Маурин никогда не ссорились. – Вступилась Стефания.

– Да неужели, – не выдержала Марла.

– Быть может, среди наших слуг возникали недопонимание и склоки, – с улыбкой оглядев Марлу, Стефания задержала на ней взгляд.

«Недопонимание – это Гретту в окно выкинуть?!»

– Но мы с коммодором слишком долго знаем друг друга, чтобы желать друг другу зла. – Подхватила Маурин. – Сегодня на конклаве мы выступим единой силой. Верю, наши противники будут ошеломлены не меньше, чем наши вернейшие сторонники, – с оттенком вины поклонилась она Агнес.

– Тут три кейса, – поджав губы, произнесла та. – Один добыт в порту. Два взяты трофеем из машины человека, неугодного Ордену. Повеление исполнено.

– Орден не сомневался в тебе, сестра Агнес. Сестра Марла.

– Но где же сестра Гретта, моя лучшая подруга? – Взяла Стефания слово.

«Да ты же ее в лицо не знала!».

– Погибла смертью храбрых, исполняя волю Ордена. – Ни секунды не сомневалась шеф в ответе.

– Прискорбно. Но я полагаю, что ее доля в общем успехе неоспорима…

– Коммодор Стефания… – Едва поморщилась Маурин. – Мы

обсуждали это. Безусловно, половина победы – ваша. И вы вправе распоряжаться половиной всего, что будет обещано Конклавом.

– Я хочу больше.

– Коммодор Стефания… – Добавилось в голосе Маурин легкого предупреждения.

– Не беспокойтесь, коммодор, мое пожелание легко выполнить. – Подошла Стефания ближе и встала напротив Марлы. – Снимай.

Та недоуменно посмотрела на нее.

– Что смотришь? Снимай шубу.

Марла оглянулась на своего коммодора, и та, явно сдерживаясь от чего-то, кивнула.

Розовый мех, будучи снят с плеч, сменил владелицу – Стефания с интересом ощупала подкладку и провела ладонью сверху, после чего перекинула своей охраннице – а та ловко подхватила.

– Теперь я удовлетворена, – встала коммодор рядом с Маурин.

Марла криво улыбнулась, сжав кулаки, но тут же получила локотком в бок от Агнес.

– Надеюсь, больше между нами нет долгов? – Уточнила Маурин.

– Нет. Я отправляюсь на конклав. Жду тебя с кейсами, – подняла подбородок Стефания. – И не затягивай со своими людьми, – с довольной ухмылкой добавила коммодор, удаляясь к дальнему выходу с подручной.

– Коммодор Маурин? – Не понимая, уточнила Агнес.

А та выматерилась одними губами, зло оглянувшись на «союзницу».

После чего обернулась к нам, оглядела обескураженно и резко хлопнула в ладони.

«Вы попали в объем застывшего воздуха. Непрямое воздействие невозможно отменить, но можно преодолеть механически. Развивайте таланты физического усиления, чтобы грубой силой прорывать непрямые воздействия!»

Я попытался подвинуть рукой и не смог. Рывок всем телом – бесполезно. Попытка вздохнуть – только боль в сдавленных легких.

Перед глазами – коммодор Маурин, со скорбным выражением лица легко идущая к нам через застывший объем, раскладывающая на ходу опасную бритву в руках.

«Приехали».

Глава 18

В глазах начало темнеть – на попытки движения тратился последний воздух. Хотя отчаяние лишало силы куда быстрее, чем невозможность вздохнуть. Словно муха, застрявшая в клейком растворе – интересно, понимает ли муха, что погибает глупо?.. Что этого можно было избежать, не лезть, поступить иначе?..

– За что? – Провибрировал воздух рядом.

Говорила Марла – голос искаженный, но узнаваемый, усталый и несправедливо обиженный.

Коммодор задержалась и сделала еле заметное движение рукой – зато появилось пространство возле лица и возможность вздохнуть.

– Я же все сделала, – сглотнула ком Марла. – Мы все сделали!

– Вика, – обратилась Маурин спутнице. – Как наш союзник?

Та вышла на лестницу и вскоре вернулась.

– Уехали, коммодор.

– Все уехали? Твой человек пересчитал?

– Да, коммодор.

– И нас никто не подслушивает?

– Такого больше не повторится, коммодор, – виновато ответили ей, будто бы припоминая свой крупный огрех. – Жизнью клянусь, коммодор.

– Славно… – Стояла Маурин рядом с нами, похлопывая раскрытым лезвием по ладони.

– Коммодор, – с надеждой позвала Марла.

– Ты молодец, моя маленькая, – мягко улыбнулась ей коммодор. – Наши китайские друзья наверняка заметят такую яркую примету, как шубу, снятую с любовницы господина Вана. – Усмехнулась она. – После этого я не дам за жизнь Стефании и ломанного цента.

«Так вот, зачем…» – Я попытался повернуться к Марле, но не смог.

Только глаза прикрыл.

– Теперь вы нас освободите? – С надеждой произнесла Марла.

– Нет.

– Но…

– Все немного сложнее, моя дорогая. – Перебила Маурин. – Все гораздо сложнее, если быть честной. А я учила и тебя, и мою милую Агнес не врать. – Обратилась она взглядом к нашему шефу. – Сестра, что за молчание? Почему я не слышу твоего голоса?

– Ты всех нас предала. – Донеслось спокойное от Агнес.

– Кого – нас? – Уточнила Маурин.

– Ты предала Орден.

– Не стоит приравнивать себя к Ордену, сестра…

– Ты изначально сделала все, чтобы мы провалили дело с кейсами. – Сорвалась Агнес. – Ограничила информацию, обманула насчет цели, не обеспечила отход и прикрытие. Создала условия, чтобы мы попались после проведенного аукциона, а в провале обвинили Орден! В трущобах – нас сдал твой человек, по твоему наставлению!

– Работа в поле сопряжена с трудностями…

– Я думала так же. До того, как ты подвела Стефанию под смерть через эту розовую тряпку. Слишком явное сведение счетов, Маурин.

– Коммодор Маурин! – Построжел ее голос.

– Для меня – больше нет такого коммодора! Зачем тебе лезвие в руках, мерзавка? Не потому ли, что старик-китаец режет вены талантом? Наши трупы останутся здесь свидетельством пролитой им крови? Ты тянешь Орден в войну, ты желаешь этой войны!

– Во-первых, лезвие мне нужно, чтобы услышать, где еще два кейса, – хмыкнула коммодор, играясь с бритвой в руках. – Тут всего три. Лучше ответьте миром. Не хочу пытать друзей…

– Ты ведь не поедешь на конклав…

– Агнес! Ну какая глупость, зачем мне конклав, если есть все пять частей! – Всплеснула та руками.

– Ты не создашь бога из человека…

– А зачем? – Придвинулась к ней Маурин, сверкая взглядом. – Зачем давать кому-то силу бога? Только лишь силу бога, без милосердия бога и совести бога? Ради чего? Ради безумца на троне и рек крови?!

– Но ты ведь верила, что у нас получится… – Сбилась Агнес. – Ты убедила меня, ты возглавила и вела нас…

– А как иначе расти в уровнях, глупышка? – Усмехнулась Маурин. – Как собирать ресурсы, сидя в городе? Зачем бегать самой, если вы все так верите в добро и свет, что готовы отдать ради него последнее?..

– Там, в затопленной ракетной шахте… – Сбился голос шефа.

– О, там все на месте, родная моя! – Тихонько расхохоталась коммодор. – И совсем скоро я возвеличусь достаточно, чтобы взять всех за горло!

Воздух резко сжался на шее, заставив захрипеть, тут же отступив.

– Ты всех нас предала…

– Это вы сами обманулись, – дернула плечиком Маурин. –

Читали невнимательно священные тексты, позволили ереси поселиться в своих сердцах. Поделом.

– Как тебе хватает наглости…

– Угомонись! Агнес, где кейсы?

Я хрипло закашлялся, пытаясь рассмеяться. Получилось невнятное карканье, но коммодор обратила на меня внимание.

– О, вот с кого я могу начать, – обрадовалась она.

– Слышь, баба страшная, а мне рыцаря-то дали? – Оскалился я ухмылкой.

– Хамло. Урок боли будет тебе полезен. – Прищурилась Маурин.

– Ответь хотя бы мне, – вступилась Агнес. – Я просила за него. Что решил конклав?

– Я тоже хочу знать. Прошу, – добавила Марла.

– Никто о тебе даже не слышал, мальчик. – Выдохнула старуха. – Какой рыцарь, о чем ты?.. Отчеты Агнес не уходили дальше меня.

– Прости, Генри. – Печально сказала шеф.

– Прости, Генри, – отозвалась Марла.

– Да ерунда, – попытался дернуть я плечом, когда бритва надрезала одежду. – Было весело, – поморщился я от болезненного прикосновения лезвия к коже.

– Надо будет отрезать тебе голову и одеть в военную форму, – чуть отстранилась Маурин с задумчивым видом. – Подобрать и похитить матросика примерно твоего возраста… Заказчикам это понравится.

– Кто заказчик-то?

– Какая теперь разница?.. – Располосовала коммодор мне рукава.

– И верно. В аду договорим, – оскалился я.

Спица, выпущенная из правой руки, с усилием протыкая сгустившийся воздух, добралась под моей одеждой и одеждой Марлы до кармана Агнес и медленно отжала взрыватель.

С противным скрежетом разорвало алюминиевые кейсы. Подобно взрыву под водой – затвердевший воздух колыхнуло плотной волной, вспенивая прозрачную среду до белесого тумана. И через этот туман медленно двинулись кусочки нарезанного металла – словно в замедленной съемке.

Маурин резко обернулась, заметила волну железа, идущую во все стороны, и вскинула руку ей навстречу. Металл начал ощутимо вязнуть и замедляться – коммодор стояла передо мной, но я видел это талантом.

Фронт металла, летящий в сторону Марлы и Агнес, никто не останавливал – и нарезанные гвозди уже почти достигли их ног.

Кажется, я кричал – в загустевшей до каменного состояния атмосфере я не слышал себя, не слышал ничего. Ужас осознания, что эта тварь выживет, а мои друзья – нет, заставлял тянуть Спицу в сторону коммодора. И без того неторопливо движущееся оружие, вынужденное прорезать до предела уплотнившуюся среду, двигалось сантиметр за сантиметром, раскручиваясь вокруг оси и разгораясь от трения до ярко-алого состояния.

Заметив сияние, безмолвно раскрывала рот и показывала в нашу сторону Вика – фронт гвоздей, идущих в ее сторону, пока еще не вырвался из плотной воздушной среды. И в последний момент ей все-таки удалось привлечь внимание – Маурин повернулась в сторону раскаленного оружия, вскинула ладонь перед ним – и наверняка заорала, когда оружие пронзило плоть, вонзившись в запястье и мгновенно пройдя сквозь него в руку на полную длину.

Все звуки резко ударили в уши – крик верещавшей Маурин, гул взрывной волны, выбившей окна во внутренний двор; мерзкое чавканье металла, вонзающегося в плоть, звук рикошетов и вопли Вики.

«Получены критические повреждения! Запустить механизм регенерации за счет накопленных ресурсов?»

И меня тоже зацепило.

«Запустить». – Скинул я с себя ставшее неуклюжим и тяжелым тело коммодора, которое взрыв швырнул на меня.

Опираясь на окровавленный пол, я поднялся на четвереньки и мотнул головой, пытаясь найти Марлу и Агнес. Нашел лежащими поодаль, без движения, с неестественно вывернутыми ногами.

Вика все еще верещала, цепляясь руками за лицо.

– Займись, – скомандовал я Спице, и та, недовольно оторвавшись от тела Маурин, черной вспышкой метнулась по залу, принося долгожданную тишину.

В которой я услышал хриплое дыхание – и с отчаянной надеждой заработал локтями и коленями, подбираясь к монахиням ближе.

– Прости, – открыв глаза, посмотрела на меня Агнес.

– Хрена с два прощу, – ласково произнес я ей, поворачивая в сторону Марлы. – Кидай паралич! Кидай паралич, кому говорю! Он остановит кровь!

– Попробую… Готово…

«На трупы хрена с два ментальные таланты действуют! Значит, живая! Живая, я сказал!!!» – Приказал себе не думать о другом исходе.

– Теперь кидай паралич на себя!

– Это нельзя… Родной талант…

– Кто тебе сказал?! Можно! – Твердил я.

– Пишет… Нельзя…

– Отключи! Вступи в диалог, вырази желание поддаться таланту! Эта штука в твоей голове, она все понимает! Ну же!

– Пробую…

Глаза Агнес заледенели, глядя в одну точку – я чуть было не поддался отчаянию и не завыл в голос.

Потом догадался тронуть руку – а та не гнется. Словно прилипла к телу. Получилось!!!

– Коммодор? Что-то случилось? – Послышался голос с лестницы.

«Две машины, восемь человек», – напомнил я себе.

Не вставая, дал отмашку оружию – и дама, поднявшаяся по лестнице к нам, вряд ли что-то успела понять до того, как Спица пробила ей череп.

– Так, где эта дрянь, – ругался я себе под нос, крутя головой.

Третий кейс откинуло к стене, взрывом его распахнуло, содержимое раскидало в стороны – но я видел, как пять частей неведомого существа ползут друг к другу.

– Не так-то легко тебя уничтожить, а, – обрадовался я им, поднимаясь на ноги и пинками раскидывая по залу слишком близко подползшие друг к другу части. – Рано!

Выдернув Спицу из головы третьей свитской, направился на этаж выше – там маялась от неизвестности еще одна постовая.

«Внимание! Ментальное воздействие, уровень четыре: „Твой лучший друг“… Воздействие прекращено…»

Сложно быть лучшим другом с пробитым сердцем.

Красиво украшенная елочка возле окна качнулась и упала на пол престарелой монахиней.

Четверо внутри, четверо на улице у машин – эти подождут. А не будут дергаться, то и уцелеют.

Вернувшись, я вновь отпнул слишком упорные части твари, подхватил Агнес и Марлу – какие же они легкие! Обернулся – ноги лежат на полу… Еле удержался, чтобы выстоять после крутнувшегося вокруг мира…

– Ничего, мы вас вылечим, – пошатнувшись, обещал я, шагая по лестнице вниз.

Оставил у бассейна, сбегал вверх и собрал в две руки пять кусочков из пяти – столь ценных, столь желанных всеми, что число трупов за право владеть ими измерялось уже десятками.

Два кусочка в левой тут же склеились в один, три кусочка в правой поступили точно так же.

– Два уровня на двоих – это ведь по уровню на каждую, а? –

Бормотал я себе под нос. – А возвышение – это полное исцеление, верно?..

Погрузил на ступеньку Агнес, рядом пристроил Марлу, сам уселся между ними, игнорируя плотные темно-красные облака, расплывающиеся в воде под нами.

«Идентифицируйте объект в растворе: человек, возвышенный ранг три».

«Союзник».

«Включен режим групповой эволюции».

«Идентифицируйте объект в растворе: человек, возвышенный ранг три».

«Союзник».

«Союзник добавлен в режим групповой эволюции».

«Подготовленного раствора недостаточно для прохождения эволюции всей группой».

А то я не догадываюсь.

«Личную эволюцию приостановить. Эволюция союзников».

Как иначе армейские проводили эволюции для своих рядовых?! Только так!

«Включен режим боевого звена. Желаете добавить ментальные закладки? Доступны: общая верность, подчинение, режим секретного слова».

«Нет».

«Вкладывая ресурсы в боевое звено, позаботьтесь, чтобы ресурсы были потрачены не зря! Ментальные закладки устанавливаются уровнем мастера боевого звена и не могут быть сняты без таланта равного уровня или выше».

«Нет».

«Зафиксирован подготовленный раствор. Степень концентрации недостаточна для прохождения эволюции!»

– Ну, это ненадолго, – прищурился я, с хлопком соединяя над водой части твари.

Погрузил их в воду.

«Зафиксирован подготовленный раствор. Степень концентрации недостаточна для прохождения эволюции!»

– Да как так?! – Рявкнул я. – Вот тебе пять частей! Бери, жри! По уровню каждой!

«Добавлен сильно поврежденный орган реликтового создания. Уровень замещения катализатора недостаточен для выведения концентрации раствора на рабочий уровень». – Казалось, чуть обиженно ответила система.

Сильно поврежденный…

Посмотрел на дрянь, плавающую в воде, талантом – светится ярким золотом… Как и отдельные части до этого… Никакого

качественного скачка.

Кажется, я от отчаяния начал бить кулаками по воде, рыча и желая свернуть шеи тем подонкам, которые чуть не ввергли город в адовую карусель. И ради чего?.. Чтобы понять, что пять частей недостаточно?! Что все предательства, усилия, смерти, надежды – все зря?! Что не надо быть легковерными идиотами?..

– Ну нет, – облизал я губы. – Я так просто не сдамся. Агнес, не смей скидывать паралич! Ты помрешь, и сразу Марла загнется! Ради нее, слышишь, терпи ради нее! – Закричал я ей в лицо.

Бог из ванны им, конечно… Разбежались… И эта коммодор тоже размечталась о двух уровнях нахаляву, только в ванну прыгни…

С другой стороны, если ей так хотелось в ванну… Я добрел на второй этаж, схватил Маурин и двух других, потащил к бассейну.

«Идентифицируйте объект в растворе: человек, возвышенный ранг четыре».

«Идентифицируйте объект в растворе: человек, возвышенный ранг четыре».

«Идентифицируйте объект в растворе: человек, возвышенный ранг пять».

«Реагенты».

«Зафиксирован подготовленный раствор. Степень концентрации недостаточна для прохождения эволюции!»

Ну, ничего… Там еще елочка на крыше… И реагенты на улице…

«Идентифицируйте объект в растворе: человек, возвышенный ранг четыре».

«Идентифицируйте объект в растворе: человек, возвышенный ранг четыре».

«Идентифицируйте объект в растворе: человек, возвышенный ранг три».

«Идентифицируйте объект в растворе: человек, возвышенный ранг три».

«Идентифицируйте объект в растворе: человек, возвышенный ранг четыре».

«Реагенты».

Элита Ордена… Дрянь, а не элита, если вы сами в идеалы своего Ордена не верите…

«Степень концентрации недостаточна для прохождения эволюции».

– Может, отрезать что-то от себя? – Покачиваясь, стоял я над бассейном, полным трупов. – Или пойти на улицу и притащить еще людей?..

От последней мысли стало мерзко. Нет, должен быть другой

путь. Надо принести что-то еще…

«Степень концентрации недостаточна для прохождения эволюции».

– Какой-то другой путь… – Оглядел я разрушенное пространство вокруг и неопределенного цвета воду, в которой плавали шезлонги, вещи, стекло, двери и все, что я успел вырвать, сломать и принести.

«Отдать Спицу? Отдать Хтонь?» – Коснулся я маскировочного создания, усевшегося на плече.

С ней я ходил на улицу, чтобы пополнить бассейн новыми реагентами – до того ждавшими коммодора в машинах.

– Нельзя. Они тоже – «друг»…

«Машины. Можно загнать машины в воду…» – Уже в неком отрешенном состоянии вернулся я к внедорожникам. – «Надо было вытащить ключи из карманов до того, как скинул тела в воду…» – Пришла правильная, но запоздалая мысль.

С другой стороны, двери-то остались открыты, а с замком я справлюсь…

«А ведь Маурин не собиралась возвращаться в Орден…» – Прилетела мысль, пока стоял рядом с машинами. – «А раз не планировала, то могла взять с собой все ценное барахло…» – В сердце сбившимся за мгновение пульсом стукнулась надежда.

Я дернулся к первой машине, открыл багажник – куча тряпок, сумки с тряпками, обувь, шляпки, цинки с патронами, оружие… Не то! Все – не то!!!

Вторая машина, ну же! Дернул ручку, широко распахнул и уставился на два запасных колеса.

«Какого черта таскать с собой два колеса?..» – Через разочарование толкнулся безнадежный вопрос.

И тут же пришло узнавание.

«Постойте…» – потянулся я к ним рукой.

Правое плечо обожгло болью – и тут же сероватый силуэт рванул вперед. Навстречу, от колес из багажника, метнулось что-то тоже невероятно стремительное, и я резко отшатнулся в сторону.

С диким шипением два силуэта столкнулись в воздухе, обернулись на моих глазах двумя разъяренными котами, сбившимися в драке в единый клубок и свалившимися на асфальт, продолжая с диким мявом полосовать и грызть друг друга.

И непонятно кому помогать! А главное – как?! Все, что я знаю про Хтонь, наверняка дерущуюся с таким же существом, как и она – что Хтонь хорошая и любит яблоки. А вторая – паскуда страшная.

Пнуть – но в кого?! А если своей Хтони заряжу по морде?!

Мгновение – и коты преобразились в двух гривастых львов с ободранными в кровь боками, врезались в стену дома и полетели в центр улицы, поднимая пыль.

Еще секунда – и вместо львов дубасят друг друга две обезьяны, с диким верещанием выцарапывая друг другу глаза и выворачивая уши.

Одна обезьяна ударила особенно удачно – да так, что вторая обернулась собакой, пытаясь убежать. Но на ходу ей переломили хребет неведомо откуда взявшимся посохом, а затем, нагнав и прижав ногой к земле, с торжествующим воплем разорвали пасть на две части.

Победа далась нелегко – сбилась в колтуны окровавленная шерсть, левая лапа, явно поврежденная прижималась к телу. Обезьяна тяжело дышала над телом поверженного существа – оно, умерев, превратилось в невзрачного сероватого ската едва ли в две ладони длиной.

Я же медленно нащупал яблоко в кармане, достал его и выставил перед собой в левой ладони. В правой, отведенной за спину, держал Спицу.

Обезьяна оценивающе прищурилась и прыгнула в мою сторону. На ходу обернулась серым маревом, исчезая, и почти беззвучно шлепнулась на ладонь, подгребая под себя яблоко и аппетитно зачавкав. Визуально же – я держал перед собой пустую ладонь, на которой ничего не было.

От сердца отлегло.

– Умница моя, – заворковал я, отводя ладонь к правому плечу.

Тяжесть деловито перебралась туда, продолжив чавкать яблоком рядом с ухом. Но не было в тот момент музыки слаще.

Я подошел к мертвому скату и подопнул его ногой.

– И что же ты прикрывал? – Повернулся я к открытому багажнику.

Черная ткань над чем-то прямоугольным закрывала вид.

Подошел ближе и скинул ее в сторону, уже примерно представляя, что увижу.

Два серебристых алюминиевых кейса с зелеными индикаторами заряда.

«Он говорил о пятерых при двух кейсах, используемых для перевозки трансплантируемых органов», – всплыло из памяти.

– И ты их все-таки нашла… Да так удачно, что тебе предложили работу?.. – Повел я кончиками пальцев по прохладному металлу.

Обратил внимание, что кроме двух кейсов под тканью лежал

дорожный чемодан – небольшого размера, дорогой на вид, из натуральной кожи.

«А ведь это может изменить дело», – схватился я за чемоданы, доставая из машины. – «Может, этого хватит», – поднималась к горлу отчаянная надежда, а на глазах выступили слезы.

По пути подхватил труп маскировочной твари – пригодится тоже.

К бассейну буквально влетел, выкинул сородича Хтони и сунул ноги в раствор.

«Зафиксирован бонус: Созерцатель перемен, уровень десять».

«Степень концентрации недостаточна для прохождения эволюции».

– Ничего-ничего, – бодрил я себя голосом. – Сейчас найдем… Где же шпилька? – Обернулся я по сторонам на окружающий хлам. – О, Марла, я одолжу! – Выудил я невидимку из ее волос, стараясь не присматриваться к ее посиневшей коже и закрытым глазам.

Ведь раствор все еще ругается – значит, рассчитывает на двоих. Значит, они, черт возьми, живы!

Вскрыл замки на чемодане, затем на кейсах.

– Все будет хорошо, – рванул я крышку чемодана и высыпал все в воду.

На поверхности оказалось с десяток секс-игрушек: резиновые и латексные остались плавать. Пластиковые, с батарейками и проводами, ушли ко дну.

Из груди вырвался истерический смешок.

– Великая тайна… Какой человек, такие у него и секреты, – хмыкнул я, уловив мысль, что Марле бы это понравилось – она бы наверняка развеселилась.

Но у меня ведь еще кейсы. Ведь ничего не потеряно!

В каждом – по серой губчатой массе, взятой мною небрежно и с хлопком совмещенной. Две части от неизвестно какого общего количества тут же охотно стали едиными.

Прикинув талантом, где остальные пять, я метнул их в воду. Из глубины бассейна хищной рыбой рванула навстречу более крупная часть. Соединились – и в зрении таланта из золотого окрасились багрово-фиолетовым.

«Внимание! Зафиксирован бонус: мозг Хозяина Малого Моря Мрака, семь частей из одиннадцати».

«Зафиксирован подготовленный раствор! Начать командную эволюцию?»

– Да!!!

«Командная эволюция запланирована. До запуска эволюции осталось тридцать секунд. Покиньте раствор».

Я поджал под себя ноги и отодвинулся назад – заодно помогая Марле и Агнес занять место поглубже.

«Какие же они холодные…»

«Внимание».

Я вздрогнул от чужеродного голоса, раздавшегося в голове – и будто бы царапнувшего сознание льдом.

«Семь частей единого собраны Первожрецом. До возрождения Хозяина Малого Моря Мрака осталось 30 секунд. До разворачивания Малого Моря Мрака осталось 30 секунд. Возрадуйтесь, исполненные гнева и ненависти, ибо грядет ваш новый господин!»

«Это глобальное сообщение. Все возвышенные от третьего уровня и выше слышат его».

Глава 19

Над головой – прямоугольник неба, запертый карнизами крыш. Под спиной – холод кафеля, морозящий сквозь мокрую одежду. В ушах же – мерный отсчет.

«До начала эволюции: двадцать пять секунд», – пунктуально отметил женский голос.

И всего через пару секунд:

«Двадцать пять секунд до явления твоего господина. Обитатели моря, суши и неба замерли и ждут его зов», – отстраненным голосом, лишенным эмоций.

Сложное дело – ничего не делать.

«До начала эволюции: двадцать секунд».

Соизмерил с сердцем – на одну секунду приходилось три удара.

«Двадцать секунд. Неразумные убийцы обретают разум. Разумные приносят первые жертвы. Бонусы первым слугам, приветствующим приход Хозяина взмахом окровавленного клинка: три уровня возвышения, малая метка адепта».

«Внимание! Получена Большая метка первожреца. Уровень возвышения поднят до максимально заложенного в тело: талант „Видеть“ – уровень десять. Талант „Харизма“ – уровень десять. Талант „Ярость Гризли“ – неактивен».

«Теперь вы видите больше! Существа мира относятся к вам с симпатией».

На правом плече довольно заурчал и потерся о изрезанную куртку серый скат. Теперь я видел Хтонь сквозь маскировку. Посмотрел для интереса на город талантом – и тот послушно показался во всей красе, только самые его края утопали в смазанной дымке.

«Внимание! Доступна возможность прогресса до пятнадцатого уровня включительно. Рекомендуем пройти процедуру возвышения».

«Внимание! Командный режим возвышения расширен за счет влияния Хозяина Малого Моря Мрака. Вы можете погрузиться в раствор».

«До начала эволюции: пятнадцать секунд».

Очень долгих секунд, тянущихся подобно часам, выматывающих неопределенностью – как бывает, когда решение уже принято, посчитано верным… Но адреналин бьет по сознанию, требуя по всем сомневаться.

«Пятнадцать секунд до пришествия Хозяина Малого Моря Мрака. Слышен первый Зов!» – С торжеством провозгласил

глашатай, и земля содрогнулась от легкого землетрясения. – «Слуги спешат на защиту сосредоточия Малого Моря Мрака. Вторая волна жертв: бонусный уровень возвышения всем, кто склонил колени, признавая неизбежное на крови сомневающихся».

«До начала эволюции: десять секунд».

«Десять секунд до конца старого мира. Скрежет когтей о скальный камень, шелест хитина по песку, свист черных крыльев, пронзающих ветер, рокот чудовищ из глубин, впервые всплывших на поверхность!.. Сложены первые молитвы в честь Хозяина! Третья волна жертв! Временная метка адепта, временный уровень возвышения!»

Черные точки в небе кружат над головой, распахивая уродливые кожистые крылья; гремит и свистит со стороны залива, заставляя ныть сердце; что-то двигается под землей, отдаваясь ближе к поверхности мерным гулом.

«Внимание! Сообщение первожрецу: возникла прямая угроза Хозяину! Немедленно приостановите процесс эволюции!»

«Да сейчас, только тапки надену…» – Осторожно, чтобы не потревожить Хтонь, закинул я руки за голову.

«Внимание! Прямой приказ Хозяина Малого Моря Мрака!» – Пронзило болью виски. – «Подлежит немедленно прекратить эволюцию в растворе, ставшей купелью возрождения! Наказание за неподчинение: снятие всех бонусов, снятие звания первожреца, проклятие Хозяина».

«Пять секунд до начала эволюции».

«Внимание! Прямое обращение Хозяина Малого Моря Мрака!» – И тут же ввинтился в виски голос на ультразвуке, согнув тело от боли. – «Подчинись. Встань по правую руку. Возьми треть всей крови, треть всего мяса». – Закапало кровью из ушей. – «Спеши!!!»

«Внимание! Дарован экстра-талант: удлинение плоти. Вы можете коснуться раствора и отменить запущенную эволюцию».

Закрыв глаза, представил, как махаю кое-чем удлиненным в сторону бассейна.

Звук яростного крика оглушил, оставив только звуки системных сообщений.

«Предательство осквернило день пришествия твоего Хозяина! Каждый возвышенный уровнем три и выше: посмотри на его лицо, запомни и убей первожреца-предателя! Убившему достанется титул, шесть уровней возвышения и место в свите Хозяина».

«Внимание! Вы чувствуете проклятие Хозяина Малого Моря Мрака! Уровень возвышения снижен на три и заблокирован. Вторая, третья и четвертые ветки талантов заблокированы. Вы

можете подчиниться, и проклятие будет снято».

«Внимание! Вы чувствуете „метку отступника“ Хозяина Малого Моря Мрака! За вашу смерть назначена серьезная награда! Подчинитесь воле Хозяина, и метка будет снята!»

«Внимание! Все слуги Хозяина почувствовали направление на вас! Предвкушение вашей плоти и крови сводит их с ума! Остановите эволюцию, и Хозяин забудет о вас!»

«Секунда до начала эволюции».

«Внимание! Прямое обращение Хозяина Малого Моря Мрака!»

«Проси, что хочешь – и будет даровано».

– Да и так все хорошо, – прошамкал я еле внятно, отплевывая в сторону скопившуюся во рту кровь и глядя на пульсирующую ало-фиолетовым воду бассейна.

Добавлен бонус к эволюции: Реликт, степень возрождения 99.6 % – Хозяин Малого Моря Мрака!

Эволюция началась!

Казалось, мир содрогнулся от страшного вопля – лопнули окна в домах. Ветром сорвало антенны и короба с крыш, хлестнувшие по подлетающим кожистым тварям. Со стороны залива бешено просвистели неприспособленные к тому глотки – удивительно скрипуче, мерзко, будто ржавым листом провели по заточенному штырю.

«Внимание! Хозяин Малого Моря Мрака принесен в жертву и больше не возродится. Это глобальное сообщение, его слышат все, кто достиг уровня три и выше».

«Внимание! В мире стало на один реликт меньше. Не выходите из дома, не включайте свет по ночам, ибо сотворивший это рядом с вами. Обратитесь к вашим богам за советом – если они решатся ответить на зов рядом с ним».

«Внимание! Проклятие Хозяина Малого Моря Мрака снято в связи с гибелью источника проклятия».

«Внимание! Сняты бонусы первожреца Хозяина Малого Моря Мрака! Уровень возвышения: 9. Видеть: 9, Харизма: 1, Ярость Гризли: неактивно, Удлинение плоти: 6».

«Внимание! Ваша команда успешно прошла эволюцию! Уровень возвышения: 7. Спешите поздравить!»

«Почему семь?! Почему четыре уровня?! Кто-то не выжил?» – Попытался встать я на ноги, но не смог.

«Внимание! Даровано достижение: жертвоприношение Реликта. Бонус увеличивает прогресс уровней, доступных за одно возвышение. Добавлены бонусы, доступные после десятого уровня возвышения».

«Внимание! Ваши внутренние органы получили особую

ценность. Применив их, возвышенный заберет бонус к прогрессу уровней».

«Внимание! Помните: ваш образ известен многим».

– Не жили спокойно, нечего и начинать… – Отмахнулся я, упрямо пробираясь к бортику бассейна.

Вода схлынула, все бывшее содержимое бассейна – в том числе кафель – уже привычно сожрало возвышением. Внутри должны остаться только сами возвышенные…

– Живы, – выдохнул я, – глядя на два обнаженных женских тела, лежащих на голой земле.

Свернутые в позе новорожденных, они будто спали – но, приблизив талантом, я заметил, что их плечи дрожат от всхлипываний и плача…

– Не понял… Ноги на месте, боли быть не должно, – набравшись сил, я скатился вниз образовавшейся ямы.

Одежда и без того в хлам – разрезанная, окровавленная, вымокшая – немного сырой земли поверх ее никак не испортит…

– Агнес, – присел я возле первой, осторожно коснувшись плеча.

– К-кто здесь? – Дернулась она.

А, Хтонь же на плече…

– Это я, Генри. Только замаскированный. Да ты все равно не видишь… – Хмыкнул, оценив закрытую позу. – Как новые ноги? Не жмут?

– Что ты наделал…

– Да уж дохрена всего. – Огляделся я вокруг.

– Нам дали по четыре уровня…

– Ага. Вот тут очень бы уместно «спасибо». – С ворчанием добавил я, не дождавшись продолжения.

– Было бы восемь… Мы бы получили бога восьмого уровня… – Расплакалась Агнес.

– Ну офигеть теперь, – поник я. – Марла, ты тоже в депрессии?.. Хочешь, чего покажу? Видишь тень на земле? И это – не слон!..

– Генри… Это была мечта… – Равнодушно донеслось со стороны блондинки.

Хотя волосам еще отрастать и отрастать – эволюция их снимает начисто…

– И ты туда же…. – Растерялся я в конец. – А то, что тут только что чуть не появился Хозяин уровня так тридцатого, который сожрал бы весь город?! А его жрецы и слуги?! Это – ничего?!

– Какой хозяин? – Донеслось от Агнес удивленное.

– А, так вы все проспали! Тьфу! – В сердцах сплюнул я кровью

на землю и полез обратно. – Это я тут, по-вашему, до водички прогулялся?! Да хрена с два! Вам, в отключке, новые таланты не предлагали? – Затормозил я.

– Предлагали… – Отозвалась Марла.

– Крутые? Четвертый – пятый уровень?

– Ага…

– Взяли себе?

– Раз предлагают…

– Сказать, чьи?.. – С сарказмом добавил я.

– Генри… – Приподнялась Агнес на одной руке.

– Подсказка: старые, ходят в робах… Не хватило пяти кусков этой морской твари! Нагрели вас и весь город! – Рыл я землю, что твой крот, поднимаясь по кромке. – А у этой коммодорши еще два кейса в багажнике… Как семь частей соединились, так зверушка-то оживать начала! – Распрямился я на краю.

– Генри, я ничего не поняла… Генри, ты где? – Обернулась Агнес по сторонам.

– Уволился я к хренам! – Зло шлепая ногами, поперся я со двора.

Потом все-таки свернул к брошенным монахинями машинам, забрал оттуда чемоданы с одеждой и донес до бывшего бассейна:

– Шмотки у края. Черные балахоны на любой цвет и вкус!

– Генри!

В общем, был я адово зол и успокоился только на улице, пройдя пару домов.

Да и спокойствие, в общем-то, было вызвано уже необходимостью: в городе начали активно бороться с последствиями «Зова». Так что маскировка-маскировкой, но выехавшая на улицы тяжелая техника равнодушно давила все препятствия на своем пути: машины, клумбы и прочее, чем бы Хтонь могла меня прикрыть.

Задирались в небо стальные стволы – отрабатывали по черным летающим тварям, потерявшим дарованный разум, спарки пулеметов. Вторила им артиллерия из порта, с азартом расстреливая монстров, поднявшихся на свою беду, к поверхности. Быстрым шагом двигались армейские соединения – не иначе потрошить уничтоженных и упавших на землю чудовищ на ценные реагенты.

Я, как очень ценный реагент, попадаться им под ноги вообще не хотел – так что через какое-то время юркнул в очередной пустующий дом, где отмылся и подобрал мужскую одежду взамен испорченной. Снова получилась беда с размерами – брюки оказались короткими, вместо ботинок пришлось взять бедняцкого вида сандалии, а куртку просто накинуть поверх футболки – так

как не застегивалось и даже в таком виде выглядело куце. А еще – шрамы от залеченных ран никуда не исчезли. Регенерация в счет накопленных запасов отработала хорошо – да и сейчас я поправился после всего пережитого на удивление быстро – но красоту тела мне никто не обещал. Так что – в зеркале отражались белеющие на загорелой коже рубцы.

«Ничего, возвышение залечит», – криво улыбнулся я отражению. – «Кр-расавец, блин».

Впрочем, меньше шанс, что кто-то узнает… Хотя Хтонь в ближайшее время я точно с плеча снимать не собирался.

«Да и не на свидания же ходить…»

– Хотя… – Смотрел я на настенные часы пустующей квартирки, отражающей без пятнадцати десять. – Да нет, бред… Ну откуда в назначенном месте взяться Лин?..

Раз все переиграли и перенесли встречу, ее там быть не могло.

Тем проще было принять решение туда все-таки сходить. Мало ли…

Зачем-то я ведь перся в этот город? Не мир же спасать, в самом деле. А ради максимально тупой цели – увидеть бывшую…

Понятно, почему вселенная так спешила свернуть мне шею – не должны такие идиоты жить… Естественный отбор – эволюция, ага…

Постепенно злость на Марлу и Агнес перенеслась на себя самого. Ну вот зачем я во все это ввязался?.. Теперь, вон, куча людей пожелает меня распотрошить…

С другой стороны – слот таланта… Спицу прокачал… Хтонь, вон – яблоко уцелевшее жует. А что до охотников – уеду подальше, и кто меня там узнает?..

Опять же, дамам – хоть и дурам тем еще – жизнь спас. Да и за дохлый реликт, авось, зачтется. Обещали после десятого бонус выдать – вдруг чего приятное привалит?..

Нет, плюсы тоже есть.

Только было бы здорово, если бы эти плюсы были с самого начала запланированы и достигнуты… А не как в маминых сказках – куча совершенной дурости, за которую вешают на плечи половину государства-банкрота и сильно пьющую принцессу…

В общем, в следующий раз хотелось бы если куда и лезть, то в приключения, а не в безнадежный блудняк… Но лучше – вообще никуда не лезть. Жить спокойно, расти в уровнях, чтобы случайно не огрести, жевать что-нибудь вкусное и смотреть, как мир сходит с ума… В общем, образ жизни Хтони – идеал поведения.

Постепенно я дошел до намеченной точки встречи – довольно оживленного перекрестка, замкнутого между двух открытых

булочных с верандами и мини-рынком. Правда, огромного скопления людей, которое должно было скрыть встречу, не наблюдалось – оно и понятно, тут не то что пулеметы гремят время от времени в небольшом отдалении – тут, похоже, с подлодки ракеты запустили – в небе видны инверсионные следы… В общем, на перекрестке было малолюдно для китайского квартала – человек двадцать, не больше.

На фоне которых высокая девушка необычной для местных внешности, сидевшая за дальним столиком веранды, сильно выделялась. Перед Лин – изменившейся, повзрослевшей на пять лет, с цепким холодным взглядом, мельком оглядывающим окружение – стоял напиток в пластиковом стаканчике. Смотрелась она богатой горожанкой, по какой-то прихоти забредшей в китайский квартал – одежда на ней пусть и практичная, джинсовый костюм и белая водолазка, но перстни-кольца сверкали настоящими камнями. Позади Лин угадывались две охранницы – они занимали отдельный столик и следили за пространством вокруг опекаемой. Чтобы отсечь лишние вопросы, на столики было выложено оружие: пистолет и укороченный автомат.

А я тут – помятого вида деревенщина со шрамами на лице, в коротких штанах, дешевой куртке и шлепках…

«Впрочем, ты ведь просто хотел узнать, что с ней все хорошо?» – Смотрел я на нее.

Лин морщилась, словно чувствуя направленный взгляд – но, как ни вертела головой, не могла увидеть, кто смотрит.

«Какая тебе разница, что она подумает? Просто подойди и поздоровайся. Пусть тоже знает, что ты жив. Возможно, ей это тоже было важно…»

– Ладно, – шепнул я, скидывая неведомо откуда взявшуюся робость.

Убрал Хтонь в карман – никакого пренебрежения, там еще яблоко – я зашагал через площадь к Лин, стараясь до поры на нее не смотреть, не торопиться и вообще… Я просто проходил мимо, верно?..

– Привет, – остановился я трех шагах от столика.

Поразительное умение красивых девушек – смерить настолько холодным взглядом, что сам себе начинаешь казаться пустым местом, и тут же отвести его в сторону… Сердце сжалось от горечи.

– Лин. – Повторил я.

Та встрепенулась и посмотрела на меня снова.

– Рад, что ты жива, – улыбнулся я.

– Простите? – Через равнодушие пробилась озадаченность, а

потом и узнавание. – Генри?! – Вскинулась она на ноги.

Позади нее резко встала охрана, цепляясь за оружие.

– Стоять! – Отмахнулась Лин, и те дисциплинированно уселись. – Генри! Ты жив! – Подошла Лин на шаг ближе, чтобы оглядеть.

И что-то мелькнуло в глазах – жалость, наверное?..

– Ага. Есть такое. Ну, я пойду. Рад встрече!

– Погоди! Генри, стой! – Остановила она, придержав за плечо. – Слушай… Я тогда не хорошо себя повела, – закусила она уголок губ. – Сгоряча…

– Да ерунда.

– Нет, не ерунда! – Строго заявила Лин. – Я забрала у тебя деньги. Мика, – щелкнула она пальцами. – Выдай все патроны, которые у тебя есть!

– Лин, я не нуждаюсь.

– Не спорь! Я просто отдаю долг! Мика, проводишь Генри до его… До его места жительства и проследишь, чтобы патроны не отняли.

– Да, госпожа, – раздалось покорное из-за ее спины.

– Так… – Начал терять я терпение. – Лин, ты меня не слушаешь…

– Генри, извини, у меня просто тут важное дело. Мы с тобой еще обязательно поговорим! Мика запомнит адрес, я приду!

– Важное? Насколько важное? – Рвалось из меня раздражение.

– Кажется, ты забываешься. Я уже не та девчонка из класса… – Похолодел голос Лин.

– Да неужели. – Усмехнулся я. – Тогда вот что, не девчонка из класса. Через два квартала отсюда дом с пятью разорванными в клочья кейсами для перевозки органов. Рядом с домом – две машины Маурин и ее свиты, но предателям Ордена они больше не понадобятся. Внутри двора – яма на месте бассейна, рядом с которой две сестры Ордена с наглухо сбитым жизненным ориентиром. Уж вправь им мозги, будь так добра.

– Генри?..

– Ах да, – Повернулся я к ней вновь и оценивающе оглядел. – Они, после того как сожрали Хозяина Малого Моря Мрака, достигли седьмого уровня, так что понадобится записка, чтобы тебя не грохнули на всякий случай… Ты ведь не приехала, вместо тебя явилась Стефания… – Отметил я, глядя по сторонам, на чем бы записать послание. – Доверие, сама понимаешь, подорвано…

Потом заметил металлический поднос под стаканчиком для кофе на столе.

Убрал стаканчик в сторону, желанием мысли вызвал Спицу, которая принялась выводить слова, прожигая их через металл.

– Что там делала Стефания? – Завороженно смотрела Лин на мой почерк, без моего на то участия появлявшийся в металле.

– На месте спросишь, – пожал я плечами, талантом найдя над городом Жабу и волей дернув к себе. – Может, тебе даже ответят.

По счастью, летающей ящерице не хватило мозгов, чтобы испугаться и улететь из Сан-Франциско. Так что через пару мгновений она рухнула четырьмя лапами на брусчатку.

– Всего хорошего, – коротко кивнул я опешившей Лин, переводящей взгляд то на меня, то на льнущую к моей ласке ящерицу. – И да, Лин. Я действительно рад, что ты жива. – Уселся я на Жабу.

– Стой! Ты куда! Давай поговорим!

– Извини, у меня тут важное дело, – не сдержался я и прилепил Хтонь обратно на плечо.

«Друг, ну ты уж не опозорь перед девушкой», – попросил я создание, подавая ей образ и одновременно хлопая Жабу по шее.

Талант «Видеть», позволявший посмотреть на площадь со стороны, показал, как ящерица на мгновение исказилась, обращаясь здоровенным черным драконом, и, широко взмахнув крыльями, рванула вверх.

Получилось настолько убедительно, что по нам тут же отработали пушками. По счастью – не попали.

Понты – вещь небезопасная, надо будет учесть…

«А теперь куда?..» – Щурился я, глядя на город под собой.

Хотел на север… Но всякий раз, когда хочу на север – получается какая-то небезопасная для жизни ерунда…

К тому же, неплохо бы снять шрамы с кожи…

«И есть место, где это можно сделать довольно быстро», – хмыкнул я.

– Жаба, давай на восток!

Эпилог

То, что лежало в уступе, образованном наслоившимися друг на друга скальными породами, отдаленно напоминало брошенную технику после серьезной аварии: смятое и перекрученное до исчезновения угловатых форм железо, заржавевшее и покрытое легкой изморозью.

Ночью прошел снег – нормальное явление для февраля в Неваде. Днем температура поднималась до плюс семи, но в таких ложбинках снег скапливался неделями, добавляя сложности поисковикам. Можно было десяток раз пройти мимо и так ничего и не заметить.

В этот раз экспедиционной команде серьезно повезло – еще и потому, что теперь было что предъявить высокому начальству, явившемуся из самого Сан-Франциско.

Ситуация-то складывалась очень неприятная. И раз тут два коммодора – то веры отчетам не было никакой.

– Признаки металлизации в измененных существах проявляются с шестого уровня возвышения. – Сопровождавший начальство ученого вида мужичок в роговых очках, вязаной шапке и сером пальто увлеченно вещал, пока вокруг находки суетились с щетками и лопатами слуги. – Не берусь утверждать до полного изучения образца, но перед нами двенадцатый – семнадцатый уровень существа.

– В чем отличие? Двенадцатый – семнадцатый? – Уточнила коммодор с короткой стрижкой темных волос.

Как и ее белокурая коллега, она стояла простоволосой, в черных накидках, до конца не застегнутых поверх монашеских роб с богатой вышивкой серебром у высокого белого ворота. Окружающего холода и резкого ветра они словно бы не чувствовали.

– Сложность внутренней структуры органов, коммодор.

– И как же вы изучали эту структуру, если все ваши находки этих самых органов лишены? – Тронула легкая улыбка кончики губ.

И отчего-то столь милое выражение лица заставило мужика нервничать и обильно потеть.

– Мы предполагаем! Предполагаем по пространству, оставленному под размещение этих органов! Уверяю вас, коммодор Агнес, здесь нет нашей вины! Экспедиционный лагерь был развернут слишком поздно! Мы получили верные координаты уже после того, как кто-то извлек все ценное из тварей Мертвого леса! То есть, из объектов двенадцать дробь

шесть, конечно же! Я излагал в отчетах – пока мы возились под Равендейлом, момент был упущен! Молю, ищите скверну среди тех, кто дал вам неверное название! Знали бы мы, что надо сразу идти в Ридервилл…

– Будьте спокойны, брат Игнациус, виновный будет найден.

– Не сомневаюсь, – отер тот лоб снятой шапкой, вновь надевая ее на голову. – Молю лишь об одном – не ищите его среди нас! Команда и так запугана! И без того ходят слухи, что органы выедает какое-то иное создание, вырвавшееся из объекта двенадцать дробь шесть, что не добавляет спокойствия. Мне, вместо исследований, приходится пресекать бегство рабочих!..

– Не вы ли утверждали, что существа Мертвого леса нежизнеспособны вне его пределов?

– Все так! И я по-прежнему стою на этих позициях! Все, с чем мне довелось столкнуться, показывает: каркас тварей служит индукционным проводником и аккумуляторной батареей, а повышенный энергетический фон Объекта – это механизм зарядки крайне массивных, энергозатратных существ малой автономности, главной задачей которых является защита периметра, а вовсе не экспансия! – Замахал брат руками. – Все, что нам довелось найти – пример того, как защитники Объекта вырывались за его пределы, преследуя местную безобидную фауну! Вы же видели фотографии в отчетах – вот эти железные монстры умирали с остатками койота, антилопы или снежного барана в пасти! Калорийность пойманного не идет ни в какое сравнение с затратами на их поимку! Поэтому, лишенные подпитки Мертвого леса, эти чудища и дохнут, отбежав от него на пару миль.

– А тот зверь, что крадет органы – он может быть не из Мертвого леса?

– Да нет никакого зверя! Это байки возле костра! Я им твержу – но пойди переубеди, когда такое выкапывается собственными руками!

– Простите, брат Игнациус, я вас просто проверяла. Ведь так легко скинуть ответственность на неразумных созданий. Многие на вашем месте так бы и поступили.

– И вы меня простите, коммодор, но методы, которыми органы похищались из тел, никак не соответствуют повадкам диких зверей. – Проворчал он. – Я же отправлял отчет – там следы гидравлического домкрата, которым раздвигали ребра!

– Но, по вашим же словам, нет отпечатков от ног и протекторов колес, не обнаружены места стоянок…

– Ветер, снег, пыль… – Дернул мужчина плечом. – Опять же, время было потеряно!

– Какое счастье, что перед нами новый, нетронутый объект поисков, который многое расставит по местам, – отозвалась коммодор.

– О, да! – С азартом потер исследователь руками. – Место дикое, на машине не подъехать. Да и пешком добраться – та еще проблема, – обеспокоенно обернулся он назад, вспоминая, какой путь предстоит совершить обратно – и в этот раз идти придется груженными.

– Итак, если это не группа лиц, то мы ожидаем?..

– Что все органы месте, – пожал плечами брат Игнациус.

– А если их на месте нет?..

– Если вы полагаете, что я украл органы, а потом привел вас сюда – назовите меня идиотом прямо в лицо!

– Меня интересует ваше мнение, как профессионала.

– Если их нет, то я допускаю… Я имею право предположить, что действует какой-то физически сильный одиночка, имеющий талант на полет. – Недовольно пожевал он губами. – Все остальное – ни в какие ворота!

– Спасибо, брат Игнациус. Это ровно то, что мы хотели услышать.

– М-да? – Засомневался он слишком удовлетворенным ноткам в голосе коммодора.

А потом, отметив что-то под сугробом, довольно флегматично сметаемом от железной твари, рванул по уступу вниз.

– Смотрите! – Упав на колени, стал отодвигать он снег руками, обнажая часть чего-то ярко-желтого. – Я же говорил! Домкрат! – Сдвинулся он в сторону, чтобы коммодоры могли увидеть, и с торжеством на лице повернулся к ним.

Увидев только спины уходящего обратно руководства.

– Это его! Похитителя органов! Это человек! – Заметив страх на лицах слуг, добавил мужчина. – Можно снять отпечатки пальцев и найти подлеца!..

С усилием поднявшись, мужчина побежал начальству вслед.

– Коммодор Агнес?.. – Оббежал он брюнетку и заглянул ей в лицо. – Вы заберете домкрат?..

– Нет смысла. Мы уже знаем виновника. – Остановилась коммодор.

– Но это не я!..

– Вас, брат Игнациус, никто не винит. У нас были догадки, благодаря вам – они подтверждены. Орден не выдвигает в ваш адрес подозрений. Ожидайте скорую награду.

– Спасибо! – Выдохнул он искренне. – Но, боюсь, у этой находки внутри тоже ничего нет… Мне снова придется писать

отчет, который никому не понравится…

– Это никак не скажется на награде. Уверена, скоро вы придумаете, как выманивать новых тварей из Объекта, и обеспечите бесперебойные поставки столь нужных Ордену реагентов. Старое быстро забудут.

– Не извольте сомневаться! К сожалению, охранники перестали реагировать на местных обитателей, но я непременно что-нибудь придумаю.

– Главное – не используйте людей в качестве приманки. Иначе я приду и вырву вам сердце, – мягко улыбнувшись, коммодор Агнес потрепала мужчину ладонью по щеке.

Рукав накидки коммодора в этот момент сбился вниз, показав простенький браслет из серой стали на запястье.

Брат Игнациус, имеющий привычку быстро выхватывать слова из увиденного, замер, прочитав текст, выжженный в отполированном металле.

А осознал его уже после того, как коммодоры удалились – и страх, сковавший тело, позволил выдохнуть.

Почему-то думалось в этот момент не о собственных перспективах и поставленной задаче, а о увиденной строчке.

Потому что он, как человек образованный, никак не мог вспомнить, видел ли ее в каком-либо писании или священной книге? А если не видел – то почему одна из сильнейших коммодоров ордена носит эти слова, выполненные столь небрежным почерком?..

«Теперь ты – совесть Его».

Конец книги